

ПОЛОВИННЫЙ КОД

ТОТ,
КТО
УБЬЕТ

Салли
Грин

МИРОВОЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ТОТ
КТО
УБЬЕТ

Салли
Грин

ПОЛОВИННЫЙ КОД
ТОТ, КТО УБЬЕТ

Москва
2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Г85

Sally Green
HALF BAD

Copyright © Sally Green, 2014

Copyright © Half Bad Books Limited 2014. The author and
illustrator have/has asserted his/her/their moral rights.
All rights reserved.

Разработка серии А. Саукова
Иллюстрация на обложке В. Коробейникова

Грин, Салли.
Г85 Половинный код. Тот, кто убьет / Салли Грин ;
[пер. с англ. Н. Екимовой]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 448 с. — (Салли Грин. Мировой
бестселлер).

Англия, наши дни. Рядом с ничего не подозревающими
обычными людьми идет кровавая война. Война магов. Ее ве-
дут от начала времен непримиримые враги — Черные колду-
ны и Белые ведьмы.

В мире, где нет места полутонам и оттенкам, 16-летний
Натан Бирн — единственный в своем роде. Его отец — самый
могущественный Черный колдун, а мать — Белая ведьма.

Каждый год Совет Белых ведьм подвергает Натана все
более строгим ограничениям. Тихий протест юного колдуна
превращается в яростный бунт, когда Совет запрещает ему
видеться с возлюбленной — Белой ведьмой Анной-Лизой...

Но Натан готов пойти против воли Совета и рискнуть
жизнью ради счастья быть с любимой!

Между тем в свой семнадцатый день рождения Натан дол-
жен обрести Дар. Иначе он умрет.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Н. Еимова, перевод на русский язык,
2015

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-699-78463-9

ООО «Издательство «Э», 2016

Нет ничего ни хорошего, ни плохого;
это размышление делает все таковым.

*У. Шекспир,
«Гамлет, принц датский»*

Часть первая

УЛОВКА

УЛОВКА

Двое мальчиков сидят рядышком, сжатые тесными объятиями старого кресла. Ты сидишь слева. От соседа веет теплом, и тебе приятно прижиматься к нему, а он медленно переводит взгляд с экрана телевизора на тебя.

— Нра-авится? — чуть растягивая слова спрашивает он.

Ты киваешь в ответ, он обнимает тебя за плечи и вновь медленно поворачивается к экрану.

Потом вы решаете попробовать повторить то, что видели в фильме. Берете из кухонного ящика большой коробок спичек и убегаете с ним в лес. Ты начинаешь первым. Чиркаешь спичкой и держишь ее большим и указательным пальцами, пока она полностью не сгорит. Спичка уже обуглилась, но ты крепко держишь ее.

У тебя получилось. Второй мальчик повторяет за тобой, но у него не получается, и спичка падает...

Потом ты просыпаешься и вспоминаешь, где находишься.

КЛЕТКА

Главное — не брать в голову. Ни боль, ни то, что похуже боли.

Не брать в голову — и все. Это единственное и главное правило выживания в джунглях. Вот только ты не в джунглях. Ты в клетке; рядом, среди поросших деревьями холмов, стоит деревенский дом. А над тобой — небо.

Главное правило простое — ты просто лежишь в клетке.

ОТЖИМАНИЯ

Жизнь тоже простая.

Утром просыпаешься и видишь небо, вдыхаешь... воздух свежий — понимаешь, все в норме. Правда, ты внутри клетки, а на ногах твоих кандалы. Но это тоже ничего не значит, главное — не брать в голову. Кандалы трут, но ведь на тебе все заживает как на собаке, так о чем тут плакаться?

Да и в клетке жизнь стала приемлемой, после того как появились овечьи шкуры. Они греют, даже когда мокрые. И еще натянут брезент на северной стороне клетки — сплошное удовольствие. Защищает от дождя и северного ветра. В жару отбрасывает приятную тень. Шутка! Нельзя терять чувство юмора.

Итак, утром ты просыпаешься, едва небо на востоке начинает светлеть. Чтобы понять это, не обязательно поднимать голову, даже глаза открывать не надо; можно просто лежать и впитывать.

Это лучшая часть дня.

Вокруг клетки почти нет птиц — одна-две, не больше того. Хорошо бы узнать, как они называются, иначе ты различаешь их только по голосам.

Чаяк нет совершенно точно, что уже дает пищу для размышлений, как и следов от пролетающих в вышине самолетов. В предрассветной тишине ветер обычно стихает, а едва начнет светать, кажется, воздух сразу теплеет.

Теперь глаза можно открыть: есть еще несколько минут, чтобы полюбоваться рассветом — тонкой розовой линией, узкой лентой оторачивающей грязно-зеленые пятна холмов. У тебя есть еще минута, а то и две, чтобы до ее прихода собраться с мыслями.

У тебя есть план, и ты правильно сделал, что обдумал его ночью, чтобы прямо с утра взяться за дело. Он похож на обычный план: делай так, как тебе говорят, но сегодня все иначе.

Ты ждешь, когда она придет и бросит тебе ключи. Ты ловишь их, щелкаешь замком ножных кандалов, на ее глазах растираешь ноги — пусть видит, какую боль она тебе причинила, — потом поочередно освобождаешь руки: сначала правую, потом левую; отпираешь клетку, бросаешь ей ключи и только после этого открываешь дверь и делаешь шаг наружу — наклонив голову, не глядя ей в глаза. Растираешь спину и, чуть постанывая, отходишь к грядке с овощами и там писаешь.

Бывает, конечно, что она нарочно меняет установленный порядок, чтобы сбить тебя с толку. Иногда она требует, чтобы ты сначала работал по хозяйству и только потом делал упражнения, но обычно все начинается с отжиманий. Еще не успев

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

застегнуть штаны, ты уже знаешь, что ждет тебя сегодня.

— Пятьдесят, — говорит она намеренно тихо, зная, что ты внимательно слушаешь.

Ты, как обычно, не торопишься. Это уже часть плана.

Пусть подождет.

Растираешь правую руку. Железный браслет жмет, когда на запястьях наручники. Ты заживляешь потертое место, чувствуя небольшой зуд. Перекатываешь голову из стороны в сторону, разминаешь плечи, затем стоишь неподвижно — просто стоишь и ждешь, доводя ее до бешенства, а потом резко падаешь и упираешься руками в землю.

Раз Не обращать

Два внимания.

Три Вот главное

Четыре правило.

Пять Но много

Шесть еще разных

Семь приемов.

Восемь Много.

Девять Настороже

Десять все время.

Одиннадцать Все время.

Двенадцать Очень

Тринадцать просто.

Четырнадцать Ведь больше

Пятнадцать нечего

Шестнадцать делать.

Семнадцать Чего же ждать?

Восемнадцать Чего-нибудь.
Девятнадцать Чего угодно.
Двадцать Промаха.
Двадцать один Ошибки.
Двадцать два Недосмотра.
Двадцать три Ждать своего
Двадцать четыре шанса.
Двадцать пять Внимательно.
Двадцать шесть Постоянно.
Двадцать семь Крохотной
Двадцать восемь оплошности
Двадцать девять Белой
Тридцать Ведьмы
Тридцать один из Ада.
Тридцать два Потому что
Тридцать три даже она
Тридцать четыре совершает
Тридцать пять ошибки.
Тридцать шесть О да.
Тридцать семь А если ошибка
Тридцать восемь тебе
Тридцать девять не поможет,
Сорок жди дальше,
Сорок один и дальше,
Сорок два и дальше.
Сорок три Жди,
Сорок четыре когда
Сорок пять у тебя
Сорок шесть получится.
Сорок семь И тогда ты
Сорок восемь будешь

Сорок девять свободен.

Ты встаешь. Она, конечно, считает, но никогда не сдаваться — тоже часть плана.

Не говоря ни слова, она подходит и дает тебе пощечину тыльной стороной ладони.

Пятьдесят Пятьдесят.

После отжиманий надо просто стоять и ждать. Смотреть лучше в землю. Клетка сбоку, под ногами садовая дорожка. На дорожке грязь, но тебе не придется убирать ее сегодня, не придется, если сработает твой план. В последние дни то и дело шли дожди. Осень близко. Но сегодня дождя нет, что уже хорошо.

— Внешний круг. — Она опять говорит тихо. Нет нужды повышать голос.

И ты убегаешь... но не сразу. Надо же показать ей, что ты такой, как всегда, — трудный, но, в общем-то, вполне покладистый подросток, — и ты начинаешь сбивать с ботинок грязь: носком правой ноги с каблука левой, потом наоборот. Ты поднимаешь руку и смотришь вверх, крутишь головой, как будто хочешь понять, откуда дует ветер, плюешь на кусты картофеля, смотришь сначала влево, потом вправо, как будто перед тобой несется поток машин, а ты опаздываешь на автобус... и только потом срываешься с места.

Ты запрыгиваешь на невысокий забор, сложенный из крупных камней, спрыгиваешь с другой стороны и припускаешь через пустошь к деревьям.

Ты на свободе!

Как бы не так.

Но у тебя есть план, и за четыре месяца ты придумал массу приемов. Сорок пять минут — за такое время ты обычно пробегаешь внешний круг, когда она приказывает. Но ты можешь пробежать быстрее: за сорок минут, если не останавливаться у ручья в дальнем конце, не пить, не отдыхать, не смотреть по сторонам и не слушать птиц. Помнишь, как однажды ты даже добрался до края холмов, откуда увидел еще холмы, деревья и лох, шотландское озеро (это могло быть просто озеро, но цвет вереска и долгота летних дней подсказывают тебе, что это именно лох¹).

Сегодня ты припустишь во всю прыть, едва она скроется из вида. У тебя получится. Это легче легкого. Диета тут что надо. Надо отдать ей должное: ты здоров и ты в отличной форме. Мясо, овощи, опять мясо, снова овощи и сколько угодно свежего воздуха. Да, вот это жизнь.

Так, пока все идет нормально. Ты хорошо держишь скорость. Самую большую скорость, на какую ты способен.

Лицо слегка горит, ты чувствуешь небольшой зуд — это заживает после ее пощечины кожа.

Ты уже в дальней точке круга, где можно свернуть и пойти на малый круг, который почти вдвое короче большого. Но она сказала «внешний», да

¹ В Шотландии слово «loch» [лэх] употребляется в значении «закрытый водоем», оно происходит от гаэльского слова «lochán», которое переводится как небольшое озеро или пруд, поросшие травой.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

ты и сам пошел бы на внешний, потому что это часть твоего плана.

Надо бежать еще быстрее.

Теперь вверх по холму. А потом большими скачками, за счет гравитации, вниз, к ручью, который впадает в лох.

Вот теперь начнется самое сложное. Сейчас ты на самом краю зоны слежения, а скоро окажешься за ней. Она не узнает про побег до тех пор, пока не поймет, что время вышло, а тебя все нет. Значит, от выхода за пределы круга до того момента, когда она тебя может найти, двадцать пять минут — ну, тридцать, ну, может, все тридцать пять, — но скорее двадцать пять, не больше.

Однако самая большая проблема не в ней; проблема в браслете. Он откроется, когда ты выйдешь за пределы круга. Что это — магия или наука, ты не знаешь, но он откроется. Она рассказала тебе об этом в День Первый, и еще она сказала, что внутри браслета жидкость, кислота. Она вытечет, если ты отойдешь слишком далеко, и сожжет твоё запястье.

— Кислота разъест тебе руку — так она тогда объяснила.

Теперь с холма вниз. Что-то щелкнуло... и началось жжение.

Но у тебя есть план.

Ты останавливаешься и погружаешь руку в ручей. Вода в нем вскипает. Тебе становится легче, хотя теперь твоя рука покрыта странной липкой

слизью, которая не смывается. А из браслета все течет и течет жидкость. Но тебе надо бежать.

Ты засовываешь под браслет смесь из торфа и свежего мха. Снова опускаешь руку в воду. Добавляешь еще мха. Долго, слишком долго. Надо бежать.

Вниз и вдоль ручья.

Главное — не думать про запястье. С ногами у тебя все в порядке. Вон как они славно бегут.

И вообще, подумаешь, потеряешь руку! Можно заменить кисть чем-нибудь не менее полезным: крючком... или трехзубой клешней, как у того парня из фильма «Входит дракон»... или даже втягивающимся лезвием, таким, чтобы выезжало всякий раз во время драки, *дз-зын-нь*... А еще можно метать этой рукой пламя... все, что угодно, только не протез... ни за что.

Голова кружится. Начался зуд. Это твое тело пытается вылечить запястье. Кто знает, может, ты все же останешься с двумя руками. Все равно, главное — не думать. Так или иначе ты прорвешься.

Надо постоять. Снова опустить руку в воду, подложить еще торфа, мха — и вперед.

Озеро уже близко.

Совсем близко.

О да. Чертовски холодное.

Ты замедляешь шаг. В воде идти трудно, зато она так приятно холодит.

Иди, не останавливайся.

Иди.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

Какое здоровенное озеро. Ничего. Чем больше, тем лучше. Рука будет дольше находиться в воде.

Тошнит... бр-р-р...

Черт, рука выглядит погано. Хорошо хоть кислота перестала литься из браслета. Ты прорвешься. Ты обманул ее. Ты найдешь Меркури. И получишь три подарка.

А теперь иди.

Еще минута, и озеро кончится.

Хорошо, хорошо. Молодец.

Уже недалеко осталось.

Скоро увидишь долину и...

ГЛАЖКА

...едва не потерял руку.

Обрубок кисти лежит на кухонном столе, все еще соединенный с твоим телом костью, мышцами и сухожилиями, которые видны в открытую кольцевидную рану вокруг запястья. Покрывавшая его совсем недавно кожа стекла по твоим пальцам, образовав ручейки, подобные лавовым дорожкам, как будто она сначала расплавилась, а потом застыла опять. Кисть распухла и болит, как при кислотном ожоге. Пальцы, кроме большого, шевелятся; большой палец оживать не хочет.

— Возможно, когда рука заживет, пальцы начнут двигаться. А может, и нет.

Там, на озере, она сняла с твоей руки браслет и промыла рану снадобьем, которое притупило боль.

Она была готова. Она ко всему всегда готова.

И как она попала туда так быстро? Прибежала? Или на метле прилетела?

Как бы то ни было, она нашла тебя на озере, и возвращаться вам пришлось вдвоем. Трудная была дорога.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

— Почему ты со мной не разговариваешь?

Ее лицо так близко к твоему лицу.

— Я здесь, чтобы учить тебя, Натан. Но для этого тебе надо оставить попытки убежать.

Она так страшна, что ты просто вынужден вернуться.

По ту сторону кухонного стола стоит гладильная доска.

Неужели она гладит? Что, интересно, свои армейские штаны, что ли?

— Натан. Посмотри на меня.

Твои глаза устремлены на утюг.

— Я же хочу помочь тебе, Натан.

Ты выхаркиваешь здоровый комок слюны, поворачиваешься и плюешься. Но она быстрее тебя, и плевок попадает ей на рубашку, а не в лицо.

Она не отвечает ударом. Это что-то новое.

— Тебе надо поесть. Я подогрею рагу.

Такого тоже раньше не было. Обычно и готовишь, и моешь посуду, и подметаешь полы ты.

Но вот гладить тебе еще не приходилось.

Она идет в кладовую. В доме нет ни холодильника, ни электричества. Только плита, которую топят дровами. Разжигать огонь и выносить золу — тоже твоя обязанность.

Пока она ходит в кладовую, ты мчишься взглянуть на утюг. Ноги едва держат тебя, но голова ясная. Достаточно ясная. Глоток воды был бы весьма кстати, но сначала надо взглянуть на утюг. Это простой кусок железа, правда, с ручкой, согнутый в форме утюга. Старинный. Тяжелый и холодный.

Наверное, его надо долго греть на плите, прежде чем гладить. Сто лет пройдет. Подумать только, сидит тут в своей дыре, где на мили вокруг нет ни души, и гладит штаны и рубашки!

Когда несколько секунд спустя она возвращается, ты уже стоишь за дверью и изо всех сил обрушиваешь ей на голову утюг острым углом вниз.

Но она удивительно быстрая и сильная. Утюг лишь вскользь задевает ее по голове и врезается ей в плечо.

И вот ты уже лежишь на полу зажав уши, и последнее, что ты видишь перед тем, как отключиться, — ее ботинки.

УЛОВКА НЕ СРАБОТАЛА

Она что-то говорит, но ты не понимаешь ни слова.

Ты снова сидишь за кухонным столом и потеешь; тебя бьет озноб, а из левого уха бежит струйка крови. Ухо не хочет заживать. И ты им совсем ничего не слышишь. Нос тоже имеет жалкий вид. Наверное, ты ударился им, когда упал. Он разбит, заложен сгустками крови, но продолжает кровить. И, как ухо, тоже не хочет лечиться.

Твоя рука лежит на столе: она так опухла, что пальцы отказываются двигаться.

Она сидит на стуле рядом с тобой и снова обрабатывает твоё запястье снадобьем. Оно холодное. Притупляет ощущения.

Как было бы хорошо, если бы можно было так же притупить и остальные чувства. Но этого не будет. А будет вот что: она снова запрет тебя в клетке, посадит на цепь, и так будет продолжаться вечность...

Итак, уловка не сработала. И приемы не сработали. Тебе больно; больно снаружи и внутри. Тебе не хочется назад, в эту клетку, не хочется больше

придумывать планы. Вообще ничего больше не хочется.

Порез на ее голове уже зажил, но под светлыми волосами виден черный бугорок запекшейся крови, и на плече тоже кровь. Она продолжает что-то говорить, шлепая толстыми губами.

Ты оглядываешь комнату. Раковина, окно, из которого виден огород и клетка, плита, гладильная доска, дверь в кладовую и снова женщина с уродливым лицом, но в безупречно отутюженных штанах и рубахе. И в начищенных ботинках. В одном ботинке у нее небольшой нож. Она иногда прячет его там. Ты видел его, пока лежал на полу.

У тебя так кружится голова, что упасть без сознания легче легкого, очень просто сползти на колени и упасть на пол. Она хватается тебя под мышки, но левая рука у тебя цела, ты находишь рукоятку ножа, вытаскиваешь его, пока женщина продолжает бороться с твоим инертным весом; ты наваливаешься на нее все сильнее, а сам бьешь себя ножом в яремную вену. Быстро и сильно.

Но женщина чертовски быстра, и, сколько ты ни борись и ни пинайся, она отбирает у тебя нож, а у тебя больше не осталось сил, чтобы бороться или пнуть в ответ.

Снова клетка. Наручники. Всю прошлую ночь ты просыпался... потел... ухо по-прежнему не слышало... дышать приходилось ртом, так как нос заложен. Она заковала даже твое больное запястье, так что рука опухла, да еще наручник жмет.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

Утро уже в разгаре, но она еще не приходила. Топит в доме, и ты видишь, как из трубы поднимается дым.

День сегодня теплый, с юго-запада дует ветерок, облака быстро бегут по небу, то пряча, то открывая солнце, которое время от времени касается твоей щеки, а решетка отбрасывает тени тебе на ноги. Но ты все это уже видел, а потому просто закрываешь глаза и вспоминаешь прошлое. Иногда это помогает.

Часть вторая

Как я оказался в клетке

МОЯ МАТЬ

Я стою на цыпочках. Передо мной, на столике в прихожей, фотография, но я не дотягиваюсь до нее. Я изо всех сил вытягиваюсь и кончиками пальцев толкаю рамку. Она тяжелая, поэтому с грохотом падает на пол.

Я застываю, даже не дышу. Но никто не появляется.

Я осторожно поднимаю с пола фотографию в рамке. Стекло не разбилось, даже не треснуло. Я забираюсь с фотографией под стол и сажусь там, прижавшись спиной к стене.

Фотографию напечатали в день ее свадьбы, и мама на ней очень красивая. Она щурится: солнечный свет играет и в ее волосах, и на белом платье, и в белых цветах, которые она держит. Рядом с ней ее муж. Он тоже красивый, и он улыбается. Поэтому я закрываю его ладонью.

Не знаю, сколько времени я так сижу. Мне нравится смотреть на маму.

Незаметно подкрадывается Джессика: я забыл, что надо прислушиваться к ее шагам.

Она хватает рамку и тянет к себе. Но я не отпускаю. Держу крепко. Изо всех сил.

Но тут у меня начинают потеть ладони. Да и Джессика гораздо старше; она тянет рамку так сильно, что вытаскивает меня из-под стола и ставит на ноги, а фотография выскальзывает из моих пальцев.

Она поднимает рамку над своим левым плечом и, очертив в воздухе диагональ, наносит ею мне удар в челюсть.

— Никогда больше не трогай это фото.

ДЖЕССИКА И ПЕРВОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Я сижу на своей кровати. Джессика сидит рядом со мной и рассказывает историю:

А мама спрашивает: «Вы пришли, чтобы забрать его?»

Молодая женщина у дверей отвечает: «Нет. Вовсе нет. Мы бы никогда так не поступили». Она говорит искренне и очень хочет все сделать правильно, но она еще наивная.

— Что значит «наивная»? — перебиваю я.

— Невежа. Дурочка. Тупица. Точно, как ты. Понял?

Я киваю.

— Хорошо, тогда слушай.

Женщина говорит: «Мы ходим по домам всех Белых Ведьм Англии, рассказываем о новых правилах и помогаем заполнить формуляры».

Женщина улыбается. У нее за спиной Охотник. Он в черном, как все Охотники. Он большой, высокий и сильный.

— А мама улыбалась?

— Нет. После того как родился ты, мама ни разу не улыбнулась.

Когда мама не ответила, женщина из Совета встревожилась. Она спросила: «Вы ведь получали Уведомление, не так ли? Это очень важно».

Женщина пошелестела бумажками, прикрепленными зажимом к дощечке для письма, и вытащила само письмо.

Тут Джессика разворачивает пергамент, который держит в руках. Лист большой и толстый, две глубокие складки — продольная и поперечная — пересекают его в форме креста. Джессика держит его осторожно, словно драгоценность. Она читает:

Уведомление о решении Совета Белых Ведьм Англии, Шотландии и Уэльса.

Постановлено для усиления защиты всех Белых Ведьм отныне и навсегда ввести перепись всего ве-довского населения Британии.

Постановлено для регистрации всех ведьм и их отпрысков (ведьм, не достигших возраста семнадцати лет) смешанного происхождения ввести следующие коды: Белый (Б), Черный/Не Белый (Ч) или Фейн/Не Ведьма (Ф).

— Знаешь, что это значит? — спрашивает Джессика.

Я трясую головой.

— Это значит, что у тебя половинный код. По коду ты Черный. Не Белый.

— Бабушка говорит, что я Белый Колдун.

— Ничего подобного.

— Она говорит, что я наполовину Белый.

— Ты наполовину Черный. Да ты слушай!

Когда та женщина заканчивает читать уве-

домление, мать так же молча уходит в дом, оставив открытой входную дверь. Женщина и Охотник идут за ней.

Мы в гостиной. Мать сидит в кресле у камина. Но огня в нем нет. Дебора и Арран, которые до этого играли на полу, теперь сидят на подлокотниках материнского кресла, по обе стороны от нее.

— А ты где?

— Я стою рядом.

Я представляю себе Джессику, как она стоит рядом, надменно сложив на груди руки и выпрямив колени.

Охотник встает в дверях.

Та женщина присаживается на краешек другого кресла, кладет на плотно сдвинутые колени дощечку для письма и сжимает пальцами ручку. Она говорит матери: «Наверное, будет быстрее и яснее, если я сама все заполню, а вы потом просто подпишете».

Женщина спрашивает: «Кто глава вашего семейства?»

Мать выдавливает: «Я».

Женщина спрашивает у матери ее имя.

Мать отвечает, что ее зовут Кора Бирн. Она — Белая Ведьма. Дочь Элси Эшворт и Дэвида Эшворта. Белой Ведьмы и Белого Колдуна.

Женщина просит ее назвать имена своих детей.

Мать говорит: «Джессика, восемь лет. Дебора, ей пять. Арран, ему два».

Женщина спрашивает: «Кто их отец?»

Мать отвечает: «Дин Бирн. Белый Колдун. Член Совета».

Женщина спрашивает: «Где он?»

Мать отвечает: «Он умер. Убит».

Женщина говорит: «Простите».

Потом она спрашивает: «А младенец? У вас есть еще младенец?».

Мать отвечает: «Он здесь, в ящике».

Тут Джессика поворачивается ко мне и поясняет:

— Когда родился Арран, мать и отец решили, что не хотят больше иметь детей. Поэтому они отдали колыбельку, коляску и другие детские вещи. Этот младенец нежеланный, вот он и спит на подушке в ящике, завернутый в старый грязный конверт, из которого вырос Арран. Никто не покупает ему игрушки или подарки, потому что все знают, что его не хотели. Никто не приносит матери цветы или шоколад, потому что все знают: она его не хотела. Такой ребенок никому не нужен. Мать получает за все время только одну открытку, но и она не с поздравлениями.

Пауза.

— Хочешь знать, что там написано?

Я трясую головой.

— Там сказано: «Убей его».

Я грызу пальцы, но не плачу.

Женщина встает и направляется к ящику с младенцем, Охотник за ней — ему тоже интересно взглянуть на странного ребенка, который никому не нужен.

Даже во сне он ужасно гадкий, маленький, тощенький, весь какой-то серый, а волосы у него черные и торчат сосульками.

*Женщина спрашивает: «Ему уже дали имя?»
«Натан».*

Джессика наловчилась произносить мое имя так, как будто это ужасная гадость.

Тогда молодая женщина спрашивает: «А его отец...?»

Мать не отвечает. Она не может выговорить это слово, потому что оно ужасно. Но все и так знают, просто поглядев на ребенка, что его отец — убийца.

Женщина говорит: «Может быть, вы напишете его имя».

И подносит свою дощечку матери. А мать уже плачет вовсю и не может даже писать. Потому что отец ее ребенка — самый страшный Черный Колдун на свете.

Мне хочется сказать: «Маркус». Он мой отец, и я хочу вслух произнести его имя, но мне страшно. Мне всегда страшно произносить его имя вслух.

Женщина решает еще раз поглядеть на спящего ребенка и даже протягивает руку, чтобы коснуться его...

«Осторожно!» — предупреждает ее Охотник, потому что хотя Охотники и не трусы, но они всегда остерегаются Черного колдовства.

Женщина говорит ему: «Это же просто ребенок». И гладит его тыльной стороной пальцев по голой руке.

Ребенок шевелится и открывает глаза.

Женщина восклицает: «О, боже!» — и делает шаг назад.

Поняв, что не надо было трогать такую гадость, она бросается в ванную мыть руки.

Тут и Джессика протягивает ко мне руку, разыгрывая сцену, будто хочет коснуться, но тут же отдергивает ее со словами:

— В жизни не дотронусь до такой гадины, как ты.

МОЙ ОТЕЦ

Я стою в ванной перед зеркалом и смотрю на свое лицо. Я совсем не похож на мать или на Аррана. Моя кожа темнее, чем у них, с оливковым оттенком, и волосы совершенно черные, но главное отличие — глаза.

Я никогда не встречал своего отца, не видел его фотографий. Но я знаю, что мои глаза такие же, как у него.

САМОУБИЙСТВО МАТЕРИ

Джессика еще раз бьет меня рамкой по лицу,
очертив в воздухе очередную диагональ.

— Никогда больше не трогай это фото.

Я стою неподвижно.

— Ты слышишь?

На углу рамки осталась моя кровь.

— Она умерла из-за тебя.

Я отхожу к стене, а Джессика истошно вопит:

— Это из-за тебя она покончила с собой!

ВТОРОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Помню, как дни напролет шел дождь. День за днем лило и лило, так что даже мне надоело бегать в одиночестве по лесу. И вот я сижу за кухонным столом и рисую. Бабушка тоже на кухне. Да она всегда здесь. Бабушка старая и худая, кожа у нее сухая и прозрачная, как обычно и бывает у стариков, но талия еще тонкая и спина прямая. На ней всегда какая-нибудь клетчатая юбка в складку и ботинки или резиновые сапоги. Она ведь все время на кухне, а пол там грязный. Потому что дверь на улицу всегда открыта, даже в дождь. Со двора, ища укрытие от дождя, забредает курица, что даже для бабушки уже слишком: внутренней стороной обутый в сапог ноги она осторожно выталкивает ее за порог и закрывает дверь.

На плите пыхтит горшок, узкий столбик пара поднимается над ним и быстро уходит вверх, под потолок, где расширяется, превращаясь в облако. Из тумана свисают пучки зеленых, серых, синих и красных трав и цветов; там же, в тумане у потолка висят в корзинках и сетках корни и луковицы. На полках рядами стоят стеклянные

банки с сиропами, сушеными листиками, зернами, притираниями, снадобьями, а некоторые просто с вареньем. Покоробленная от сырости дубовая столешница завалена разными ложками — металлическими, деревянными, костяными, длинными, как моя рука, или коротенькими, как мой мизинец. Из колоды для рубки мяса торчат ножи, тоже разных размеров; некоторые намазаны какой-то пастой и лежат на доске для шинковки. Тут же стоят ступка с гранитным пестиком, две круглые корзинки и еще банки, банки и баночки...

На двери висят шляпа с сеткой, как у пасечников, коллекция передников и черный зонтик, изогнутый, как банан.

Все это я и рисую.

Я сижу с Арраном и смотрю по телеку старый фильм. Арран любит старое кино. Для него чем старше, тем лучше, а я люблю сидеть как можно ближе к нему. Мы оба в шортах: ноги у нас обоих худые и бледные, только его совсем бледные и дальше моих торчат за краем старого мягкого кресла. На левой коленке у него маленький шрам, на правой голени другой, побольше. Кудрявые светло-русые волосы почему-то никогда не закрывают ему лицо. У меня волосы длинные, черные и прямые и вечно свисают так, что закрывают мне глаза.

На Арране поверх белой футболки синяя вязаная жилетка. На мне старая красная футболка Аррана — его подарок. Я прижимаюсь к нему — он теплый, а когда я смотрю на него, он отрывает

взгляд от экрана, медленно поворачивает голову и смотрит на меня. Его движения напоминают мне замедленную съемку. Глаза у него светлые, серо-голубые, с серебряными блестками; кажется, он даже моргает очень медленно. Доброта сквозит в каждом его движении. Как здорово было бы походить на него.

— Тебе нравится? — спрашивает он неспешно. Я киваю.

Он обнимает меня одной рукой и снова поворачивается к экрану.

Лоренс Аравийский проделывает свой фокус со спичкой.

Позже мы сговариваемся повторить его. Я беру из ящика в кухне коробку спичек, и мы убегаем в лес. Я несусь впереди, чиркаю спичкой и держу ее большим и указательным пальцами, пока она не гаснет, полностью сгорев. Мои короткие, худые пальцы с ногтями, обгрызенными почти до корней, чувствуют боль, но я не выпускаю обугленную спичку.

Арран пытается повторить фокус. Но у него не выходит. Он похож на человека из кино. И спичка у него падает.

Когда Арран уходит домой, я опять проделываю то же самое. Это просто.

Мы с Арраном пробираемся в спальню к бабушке. Там стоит странный крепкий запах какого-то лекарства. Под окном — дубовая шкатулка, в которую бабушка прячет Уведомления от Сове-

та. Мы садимся на ковер. Арран открывает крышку шкатулки и вытаскивает второе Уведомление. Оно написано на толстом желтом пергаменте, по которому вьются серые хвостатые буквы. Арран, как обычно, читает медленно, четко произнося каждую букву.

*Уведомление о решении Совета Белых Ведьм
Англии, Шотландии и Уэльса.*

В целях обеспечения безопасности и защиты всех Белых Ведьм, Совет намерен продолжать политику Заключения и Наказания, применяемую ко всем Черным Ведьмам, как совершеннолетним, так и не достигшим семнадцатилетнего возраста.

В целях обеспечения безопасности и защиты всех Белых Ведьм вводится ежегодное Освидетельствование совершеннолетних и несовершеннолетних ведьм смешанного Черного и Белого происхождения (Б 0.5/Ч 0.5). Результаты каждого Освидетельствования будут учитываться при определении каждой несовершеннолетней Ведьмы при ее совершеннолетию как Белой (Б) или Черной/Не Белой (Ч).

Я не спрашиваю Аррана, какой Код получу я — Ч или Б. Я знаю, что он не захочет меня огорчить.

Наступает мой восьмой день рождения. Надо ехать на Освидетельствование.

Здание Совета холодное, в нем полно серых каменных коридоров. В одном из них мы с бабушкой

сидим на деревянной скамье и ждем. Я трясусь от холода, когда, наконец, появляется парень в белом халате и тычет пальцем в комнатку слева от нашей скамьи. Бабушку туда не пускают.

В комнате сидит женщина. На ней тоже белый халат. Она зовет парня, который меня привел, Томом, а он ее — «мисс Ллойд». Ко мне они обращаются одинаково — «Неопределенный Код».

Они велят мне раздеться.

— Сними одежду, Неопределенный Код.

Я снимаю.

— Встань на весы.

Я встаю.

— Подойди к стене. Мы должны измерить твой рост. — Они измеряют. Потом фотографируют меня.

— Повернись боком.

— Встань подальше.

— Лицом к стене.

И оставляют меня разглядывать мазки от кисти на сверкающей кремовой краской стене, а сами разговаривают и убирают свои инструменты.

Потом они велят мне одеться, и я одеваюсь.

Они выводят меня в коридор и подталкивают к той же скамье. Я сажусь, но не смотрю на бабушку.

Дверь напротив отделана темным дубом, и через какое-то время ее открывает мужчина. Огромный охранник. Он тычет пальцем сначала в меня,

потом в комнату за своей спиной. Когда бабушка начинает вставать, он говорит ей:

— Не вы.

Комната для Освидетельствований длинная, с высокими потолками и стрельчатыми окнами, прорезанными в двух стенах выше человеческого роста. Потолок сводчатый, с деревянными балками. Мебель деревянная. Огромный дубовый стол занимает почти всю ширину комнаты, отгораживая от меня трех членов Совета. Они сидят у его дальнего конца, на высоких резных стульях, как короли.

В центре сидит седая старуха, худая и такая бледная, как будто из нее высосали всю кровь. Справа от нее пампушка средних лет, у нее очень черная кожа, а волосы гладко зачесаны назад и туго стянуты. Мужчина слева еще моложе, он стройный, с густыми, светлыми до белизны волосами. На каждом из троих белые мантии из какой-то груботканой материи, которая странно переливается, когда на нее падает солнечный луч.

Слева от меня появляется стражник, а тот, который открыл дверь, остается стоять за моей спиной.

Женщина в центре говорит:

— Я — Глава Совета. Мы хотим задать тебе несколько простых вопросов.

Но задает их не она; другая женщина делает это за нее.

Она не торопится. У нее есть список вопросов, и она не спеша произносит их. Есть вопросы лег-

кие вроде: «Как твое имя?». Есть и намного сложнее: «Знаешь ли ты травы, которые вытягивают из раны яд?»

Каждый вопрос я обдумываю, решая, на какой вопрос стоит отвечать, а на какой — нет. Я ведь тоже никуда не тороплюсь.

Когда список у женщины заканчивается, Глава Совета задает вопросы сама. Они совсем другие, и ее интересует мой отец. Вот она и спрашивает: «Твой отец когда-нибудь пытался найти тебя?», «Ты знаешь, где находится твой отец?» Она даже интересуется: «Ты считаешь своего отца великим колдуном?», «Ты любишь своего отца?»

Я знаю ответы на ее вопросы, но ей не говорю.

Покончив с вопросами, они начинают перешептываться. Блондин велит охраннику привести бабушку. Глава Совета аккуратно подзывает ее к столу интересным жестом. Можно подумать, что бабушка попала на крючок, а она вытягивает леску своей худой белой, как тесто, рукой.

Бабушка стоит рядом со мной. У нас с ней с раннего утра росинки маковой во рту не было, может, оттого у нее такой измученный вид. Она кажется такой же старухой, как Глава Совета.

Глава Совета говорит ей:

— Мы произвели Освидетельствование.

Другая женщина пишет что-то на пергаменте и теперь протягивает его через стол со словами:

— Пожалуйста, подпишите, если вы согласны.

Бабушка подходит к столу, берет пергамент и возвращается к тому месту, где стою я. Тут она останавливается и начинает читать вслух. Молодец бабуля.

Объект освидетельствования Натан Бирн

Код рождения Б 0.5/Ч 0.5

Пол мужской

Возраст объекта 8 лет

Дар (для лиц старше семнадцати лет) не относится

Уровень интеллектуального развития не определен

Особые способности не определены

Целительские способности не определены

Языки не определены

Примечания объект не отвечал на вопросы

Присвоенный код не определен

Тут я впервые за весь день широко улыбаюсь.

Бабушка подходит к столу, берет у женщины шариковую ручку и размашисто, с росчерком, расписывается.

Глава Совета снова обращается к ней.

— Поскольку опекуном мальчика являетесь вы, миссис Эшворт, ваша задача позаботиться о том, чтобы впредь он активнее вел себя на Освидетельствованиях.

Бабушка смотрит на нее.

— Завтра вы вернетесь, и мы еще раз повторим всю процедуру.

Я хоть целый год могу ходить по одному и тому же кругу, лишь бы они писали «код не опре-

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

делен», но наутро бабушка говорит мне, чтобы я ответил на какие-нибудь их вопросы, только не про отца. И я отвечаю.

В моем формуляре появляются ответы: в графе «языки» — «английский», «интеллектуальное развитие» — «низкое», а в «примечаниях» — «возможно, не умеет читать». Однако «присвоенный код» по-прежнему остается «не определенным». Бабушка довольна.

ДЕНЬ ДАРЕНИЯ ДЖЕССИКИ

Сегодня семнадцатилетие Джессики. Утро в разгаре, и Джессика еще больше, чем обычно, занята собой. На месте ей не сидится. Ждет не дождется, когда, наконец, получит свои три подарка и станет настоящей взрослой ведьмой. Бабушка готовится провести церемонию дарения в полдень, так что пока нам всем приходится терпеть Джессику, которая вышагивает по кухне, хватая то одно, то другое и бросая, куда попало.

Вот она берет нож, бродит с ним какое-то время, подходит ко мне сзади и спрашивает:

— Интересно, что произойдет в день рождения Натана?

Пробует острие ножа пальцем.

— Если в свой день рождения ему придется пойти на Освидетельствование, то он может пропустить Дарение.

Я понимаю, что она хочет меня разозлить. Не стоит обращать на нее внимания. Я все равно получу свои три подарка. Все колдуны и ведьмы получают три подарка.

Бабушка говорит:

— В свой день рождения Натан получит три подарка. Так было и так будет всегда. Он не исключение.

— Я хотела сказать, что для нормальной маленькой ведьмы плохо, когда она не получает свои подарки.

— Все пройдет так, как тому положено, Джессика. — Бабушка поворачивается и смотрит на нее. — Я сама подарю Натану три подарка, как подарю их тебе, Деборе и Аррану.

Арран подходит и садится рядом со мной. Он кладет ладонь мне на руку и шепчет:

— Жду не дождусь твоего Дня Дарения, Натан. Ты придешь на мой, а я — на твой.

— Кьеран рассказывал мне про одного мальчика-колдуна из Йорка, который не получил свои три подарка, — говорит Джессика. — В конце концов, он взял в жены девушку из фейнов и теперь работает в банке.

— А как его зовут? — спрашивает Дебора.

— Не важно. Он же больше не колдун и никогда им не будет.

— Почему-то я ничего об этом мальчике не слышала, — говорит бабушка.

— Это чистая правда, ведь мне Кьеран говорил, — недобро прищурившись отвечает Джессика. — А еще Кьеран сказал, что с Черными все иначе. Они не просто теряют свои способности. Если Черный не получит свои три подарка, то он умрет.

Джессика ставит нож передо мной на стол и вращает его на острие, держа кончиком указательного пальца.

— Но умирает он не сразу. Он долго болеет: может, год, а может, и два; ему становится все хуже — он слабеет и чахнет, чахнет и слабеет, а потом... — она роняет нож, — одним Черным меньше.

Лучше закрыть глаза.

Арран неторопливо обхватывает пальцами рукоятку и убирает нож со стола, спрашивая:

— Бабушка, а это правда, что они умирают?

— Я не знаю ни одной Черной Ведьмы, Арран, так что не могу ответить. Но Натан наполовину Белый, и в свой день рождения он получит три подарка. А ты, Джессика, прекрати эти разговоры о Черных Ведьмах.

Джессика склоняется к Аррану и шепчет:

— И все-таки любопытно будет за ним последить. По-моему, он сдохнет, как Черная Ведьма.

Я больше не могу сидеть там. Я выхожу и поднимаюсь наверх. Я ничего не бью, не ломаю, просто несколько раз пинаю стену ногой.

Удивительно, но большой торжественной церемонии Дарения Джессика предпочла маленькую, домашнюю. Ничего удивительного в этом нет, ведь Дебора и Арран приглашены, а я — нет. Несколько последних дней я слышал, как бабушка уговаривала Джессику пригласить и меня, но бесполезно, да я и сам не хочу идти. У меня нет друзей, с которыми я мог бы поиграть, и поэтому меня просто оставляют одного дома, а бабушка, Джессика, Дебора и угрюмый Арран идут в лес.

В обычный день я бы и сам ушел в лес, но сегодня я не могу выйти из дома, страшась нака-

зания попробовать один из бабушкиных настоев. Я не хочу из-за Джессики покрываться чирьями и двадцать четыре часа пускать из них желтый гной.

Я сел за кухонный стол и стал рисовать. На моей картинке бабушка проводит церемонию, давая Джессике три подарка. Джессика протягивает к ним руки, но подарки падают на землю. Это настоящая катастрофа, ведь кровь из бабушкиной руки, кровь предков, которую Джессика должна была выпить, яркими красными каплями стекает в траву, не коснувшись ее губ. И Джессика на моей картинке застывает от ужаса, лишенная доступа к трем подаркам и к своему магическому Дару. Картинка мне очень понравилась.

Но вскоре участники церемонии вернулись домой, и по внешнему виду Джессики стало ясно, что она ничего не уронила. Войдя в кухню через заднюю дверь, она объявила:

— Теперь, когда я совершеннолетняя ведьма, мне надо выяснить, в чем именно состоит мой Дар.

Она смотрит на картинку, потом на меня.

— Мне надо на чем-то попрактиковаться.

Мне же остается только надеяться, что она никогда этого не выяснит. Или что ее дар, когда она определит его, окажется простым и безобидным, например, зельеварение, как у бабушки. А еще лучше, если она окажется слабой ведьмой, как большинство мужчин. Но я знаю, что ничего подобного не будет. Ее дар будет сильным, как почти у всех женщин, и она найдет его, и отточит, и использует. Против меня.

Я лежу на лужайке посреди нашего огорода и наблюдаю за муравьями, которые строят в траве гнездо. Я лежу, уткнувшись подбородком в землю. Муравьи кажутся большими. Я подробно разглядываю их тела, как они двигают лапками, как карабкаются, маршируют.

Арран подходит и садится рядом. Он спрашивает, как у меня дела, как школа: обычные вопросы, которые всегда задает Арран. Я рассказываю ему о муравьях, куда они идут и что делают.

Совершенно неожиданно он спрашивает:

— Натан, ты гордишься тем, что Маркус — твой отец?

Муравьи продолжают трудиться, но я на них больше не смотрю.

— Натан?

Я поворачиваюсь к Аррану, и он встречает мой взгляд дружелюбно и открыто, как всегда.

— Он ведь очень сильный колдун, сильнее его никого нет. Ты, наверное, гордишься этим?

Арран никогда раньше не спрашивал меня об отце.

Ни разу.

И хотя я доверяю ему, как никому другому, доверяю абсолютно, все же я боюсь отвечать. Бабушка крепко-накрепко вбила мне в голову, что о Маркусе нельзя говорить ни с кем.

Ни с кем и никогда.

Мне нельзя отвечать ни на какие вопросы об отце.

Любой ответ может быть истолкован Советом превратно: малейший признак сострадания или жалости Белого Колдуна к Черному рассматривается как предательство. Совет поголовно истребляет Черных Ведьм руками своих Охотников. Тех, кого удастся захватить живьем, ждет Наказание. Белых Ведьм, которые помогают Черным, казнят. Вот почему я в любое время должен быть готов доказать кому угодно, что сам я Белый, симпатизирую только Белым и все помыслы мои чисто-чисто белые.

Бабушка неизменно внушала мне, что если кто-нибудь спросит меня, какое чувство я испытываю по отношению к Маркусу, то я должен сказать, что ненавижу его. А если не смогу, то лучше промолчать.

Но это же Арран!

Мне так хочется быть честным с ним.

— Ты восхищаешься им? — настаивает он на своем.

Я знаю Аррана лучше, чем кого бы то ни было. мы говорим с ним обо всем, только не о Маркусе. Мы даже об отце Аррана ни разу не говорили. Мой отец убил его отца. Что тут можно сказать?

И все же... мне так хочется довериться кому-нибудь, а Арран самый близкий мне человек, единственный, с кем я могу говорить по душам. И вот он сидит и смотрит на меня, как обычно — добрый и участливый.

Предположим, я скажу ему: «Да, я восхищаюсь человеком, который убил твоего отца» или «Да, я

горжусь тем, что Маркус — мой отец. Он самый сильный Черный Колдун на свете, и в моих жилах течет его кровь». И что тогда?

А он все продолжает настаивать:

— Ты ведь восхищаешься Маркусом?

Его глаза, такие светлые и искренние, молят меня поделиться с ним своими чувствами.

Наклонив голову, я отвечаю ему так тихо, как только могу.

Муравьи все еще заняты, перетаскивают добро из старого гнезда в новое.

— Что ты говоришь? — переспрашивает Арран.

Я не поднимаю головы. Но отвечаю немного громче.

— Я его ненавижу.

В этот момент рядом с муравьиным гнездом появляется пара босых ног. Это ноги Аррана.

Арран стоит передо мной и сидит рядом со мной. Два Аррана. У того, который сидит, искажается лицо, и он у меня на глазах превращается в Джессику, на которой трещат по швам шорты и футболка Аррана.

Джессика наклоняется ко мне и шипит:

— Ты знал! Ты ведь все время знал, что это я, так?

Арран и я следим за тем, как она уходит.

Он спрашивает:

— Как ты узнал, что это не я?

— Я не знал.

По крайней мере, глядя на нее, я ничего не понял. Дар у нее впечатляющий.

Первая попытка использовать против меня свой дар Джессике не удалась, но она не сдается. Каждый раз ее маскировка безупречна, а решимости и настойчивости ей не занимать. Она ошибается в главном и не в силах этого признать: Арран никогда не стал бы вызывать меня на разговор об отце.

И все же Джессика не оставляет попыток. Каждый раз, когда у меня возникает подозрение, что Арран на самом деле не Арран, а Джессика, я протягиваю руку, чтобы коснуться его, погладить по тыльной стороне ладони, тронуть за локоть. Если это он, то он улыбается и сжимает мою руку в своих. Если это Джессика, она отдергивает руку. Настолько она себя не контролирует.

Как-то вечером Дебора заходит в нашу спальню, садится на кровать Аррана и начинает читать книжку. Именно так обычно и поступает Дебора; она кладет ногу на ногу, как Дебора, наклоняет голову набок, как Дебора, но мне она все равно кажется подозрительной. Минуту-другую она слушает, о чем мы говорим с Арраном. А кажется, будто читает; вон, даже страничку перевернула.

Арран уходит чистить зубы.

Я сижу рядом с Деборой, не слишком близко. Но я чувствую, что волосы у нее пахнут не так, как обычно.

Я наклоняюсь к ней и говорю:

— Хочешь, я расскажу тебе одну тайну?

Она улыбается.

Я говорю:

— Ты отвратительно пахнешь, Джессика. Если ты не уйдешь, меня стошнит...

Она плюет мне в лицо и выходит из комнаты раньше, чем успевает вернуться Арран.

Но у меня и правда есть тайна. Такая страшная, такая безнадежная, такая нелепая, что я никогда и никому ее не открою. Это секретная история, которую я рассказываю себе вечерами, когда лежу в постели. Мой отец вовсе не злой; он могучий и сильный. И он не забыл про меня... он меня любит. И хочет воспитать меня, как своего сына, научить меня ведовству, показать мне мир. Но Белые Ведьмы все время преследуют его, не давая ему возможности объясниться. Они гонятся за ним, охотятся на него, а он нападает на них лишь тогда, когда они не оставляют ему выбора. Он защищается, иначе погибнет сам. Поэтому он не может забрать меня к себе, ведь это слишком опасно. Но он ждет, когда наступит подходящее время, и тогда придет и заберет меня к себе. В мой семнадцатый день рождения он хочет дать мне мои три подарка и свою кровь, кровь наших с ним предков. И вот я лежу в постели и представляю, как однажды он придет за мной и мы вместе поднимемся в ночное небо и улетим отсюда прочь.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ДО СЕМНАДЦАТИ

Мы в лесу возле дома бабушки. Воздух тих и влажен; осенние листья толстым ковром покрывают рыхлую грязную землю. Небо плоское и серое, как старая простыня, развешанная на просушку над темными кронами деревьев. Джессика держит небольшой кинжал, он лежит на ладонях ее вытянутых вперед рук. Его острое лезвие сверкает. Джессика ухмыляется, стараясь поймать мой взгляд.

Дебора стоит, слегка ссутулившись, но держится спокойно и улыбается, протягивая перед собой сложенные ковшиком руки. В руках у бабушки брошь, которая принадлежала ее бабке, кольцо, которое подарил матери на помолвку отец Деборы, и его запонка. Бабушка медленно придвигает свои руки к ладоням Деборы. Они соприкасаются. Бабушка раскрывает ладони и осторожно передает подарки Деборе.

Бабушка произносит:

— Дебора, я дарю тебе эти три вещи, чтобы ты получила один Дар. — Потом берет у Джессики

нож и делает им надрез на мясистой части ладони, под большим пальцем. Кровь начинает течь по ее запястью, несколько капель падают на землю. Она протягивает руку Деборе, та наклоняется и прижимается к ней губами, плотно обхватывая ими кожу вокруг пореза. Бабушка наклоняется к ней и шепчет секретные слова на ухо Деборе, которая глотает кровь, шевеля горлом. Я силюсь разобрать слова, но они шелестят, как ветер в сухой листве.

Заклинание произнесено, и Дебора, сделав последний глоток, отпускает бабушкину руку и выпрямляется все еще с закрытыми глазами.

Вот и Дебора перестала быть несовершеннолетней, теперь она настоящая Белая Ведьма.

Я гляжу на Аррана. Вид у него серьезный, но он улыбается мне, прежде чем обнять Дебору. Я жду своей очереди поздравить ее.

Я говорю:

— Я рад за тебя. — И это правда. Я обнимаю Дебору, но сказать мне больше нечего, и я ухожу в лес.

Новое уведомление пришло утром, как раз перед церемонией дарения Деборы.

*Уведомление о решении Совета Белых Ведьм
Англии, Шотландии и Уэльса.*

Воспрещается проводить Церемонию Дарения для несовершеннолетних ведьм и колдунов смешанного происхождения от Белого и Черно-

го родителей (половинный код: Б 0.5/Ч 0.5) или Белого родителя и Фейна (полукровки: Б 0.5/Ф 0.5) без разрешения Совета Белых Ведьм. Любая ведьма, нарушившая этот запрет, будет считаться врагом Совета. Всякий, отмеченный половинным кодом, кто без разрешения Совета примет три подарка и кровь, будет повинен в нарушении воли Совета и соблазнении Белых Ведьм. Наказанием за такого рода нарушение предусматривается пожизненное заключение для обеих сторон.

Когда бабушка закончила читать уведомление, Дебора открыла было рот, чтобы что-то сказать, но я уже шел к двери. Арран схватил меня за руку и крикнул:

— Мы получим разрешение, Натан. Обязательно получим.

Мне не хотелось спорить, и я просто оттолкнул его в сторону. В саду стояла поленница дров и рядом топор, я схватил его и начал рубить, и все рубил и рубил до тех пор, пока топор не выпал у меня из рук.

Пришла Дебора и села со мной среди щепок. Положила голову мне на плечо, прижалась щекой. Я всегда любил, когда она так делала.

Она сказала:

— Ты найдешь способ, Натан. Бабушка поможет тебе, и я, и Арран.

Я обдирал мозоли с ладоней.

— Как?

— Пока не знаю.

— Вам нельзя мне помогать. Иначе вас обвинят в неповиновении Совету. И надолго запрут. Если не навсегда.

— Но...

Я сбросил ее голову со своего плеча и встал.

— Мне не нужна твоя помощь, Дебора. Ты что, не понимаешь? Ты ведь такая умная, а такой простой вещи не понимаешь?

И я ушел, а она осталась.

И вот Дебора получила свои три подарка и бабушкину кровь, через три года то же ждет и Аррана, ну а мне... Я знаю, что Совет ни за что не позволит произойти этому событию. Они боятся не меня, а того, кем я стану. Но если я не стану колдуном, то умру. Я это знаю.

Я должен получить три подарка и принять кровь моих предков, моих родителей и их родителей. Но кроме бабушки на свете есть лишь один человек, который может дать мне три подарка, который решится бросить вызов Совету и чья кровь может сделать меня колдуном.

Лес молчит. Кажется, он притаился и ждет. И вдруг я понимаю, что мой отец хочет мне помочь. Я знаю, что это правда. Мой отец хочет дать мне три подарка и свою кровь. Я уверен в этом так же точно, как в том, что дышу.

Я знаю, что он придет ко мне.

И я начинаю ждать.

А лес все молчит и молчит.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

Он не приходит.

Тогда я понимаю, что для него слишком опасно прийти ко мне сейчас и забрать меня.

Значит, я должен пойти к нему сам.

Мне одиннадцать. От одиннадцати до семнадцати долгий путь. И я понятия не имею, как найти Маркуса. Даже не представляю, с чего начать. Зато теперь я знаю, что я должен делать.

ШКОЛА

*Уведомление о решении Совета Белых Ведьм
Англии, Шотландии и Уэльса.*

О любых контактах между носителями половинных кодов (Б 0.5/Ч 0.5) и Белыми Ведьмами, совершеннолетними и несовершеннолетними, надлежит сообщать Совету. Отказ носителя половинного кода сообщить о произошедшем контакте наказывается прекращением всех контактов.

Контакт считается установленным, если носитель половинного кода находится в одном помещении с Белой Ведьмой, совершеннолетней или несовершеннолетней, или в иных условиях оказывается от нее на расстоянии, не препятствующем ведению разговора.

— Ну и что мне теперь делать? Пойти в погреб и запереться? — спрашиваю я.

Дебора берет у меня из рук пергамент и перечитывает его снова.

— Прекращение всех контактов? Как это возможно? — Бабушка отвечает ей неуверенным взглядом.

— Не могут же они лишить его контактов с нами? — Дебора переводит взгляд с бабушки на Аррана. — Или могут?

Удивляюсь я Деборе и Аррану; они так ничего и не поняли. Это может значить все, что угодно Совету.

— Придется составить список всех Белых Ведьм, с которыми Натан вступал в контакт. Это нетрудно. Он и так почти ни с кем не встречается, а с Белыми Ведьмами особенно.

— Не забудь про О'Брайенов из школы, — напоминает бабушке Арран.

— Список совсем небольшой. Но нам надо быть настороже и просто соблюдать правила.

Бабушка права, список невелик. С ведьмами я встречаюсь только дома да в офисе Совета, куда езжу на Освидетельствования. Я никогда не бываю на праздниках, меня не зовут на свадьбы и вечеринки — мое имя отсутствует во всех приглажительных открытках, которые нам приносят. Бабушка остается дома со мной и посылает одну Джессику, а когда Дебора и Арран подрасли, то и их тоже. Потом они рассказывают мне о том, что было на празднике, но сам я на них не хожу.

Белые Ведьмы гостеприимны и рады приветствовать других Белых Ведьм, откуда бы те ни приехали, но у нас в доме почти никто не бывает. Те же, кто изредка остается у нас ночевать, смотрят на меня как на прокаженного или урод, так что я быстро привыкаю держаться от них подале.

Когда мы с бабушкой приехали в Лондон на мое первое Освидетельствование, было уже поздно, и мы отправились к ее знакомым, которые жили возле Уимблдона; там бабушку сразу пригласили в дом, а меня оставили стоять снаружи на коврике и разглядывать красную крашеную дверь. Когда минуту спустя она выскочила на улицу, побелев в лице и вся дрожа от злости, то схватила меня за руку и буркнула:

— Переночуем в гостинице. — Помню, я скорее обрадовался, чем рассердился.

В начальных классах я учусь в маленькой сельской школе. Соображаю я медленно, сижу за последней партой, ни с кем не дружу. Как большинство фейнов по всему миру, учителя и дети в этой школе не верят в Ведьм; они не понимают, что мы живем среди них. Во мне для них нет ничего особенного — ну разве что тупость. Читаю и пишу я с горем пополам, а когда прогуливаю уроки, то у меня не хватает ума соврать бабушке. Единственное, что я усваиваю быстро, — это что лучше помирать со скуки на уроках, чем наслаждаться эффектом бабушкиных наказательных снадобий в любом другом месте. С первого урока я только и делаю, что жду, когда же закончится учебный день. Подозреваю, что в средней школе мало что изменится к лучшему.

И оказываюсь прав. В первый же день меня наряжают в старые серые брюки Аррана, которые слишком длинны, в белую рубашку с потрепан-

ным воротом, полосатый сине-черно-золотой галстук с пятном и темно-синий блейзер, который висит на мне, как на колу, хотя бабушка и укоротила рукава. Единственное, что я получаю не из вторых рук, — это дешевый мобильник. «На всякий случай». Аррану тоже только что купили такой, и я понимаю, что, по мнению бабушки, «всякого случая» нам не избежать.

Я подношу телефон к уху, и в голове у меня тут же начинает трещать, как в телевизоре, когда идут помехи. Брать его с собой мне не хочется. Перед уходом в школу я потихоньку кладу его за телевизор в гостиной, где ему самое место, ведь от телевизора у меня в последнее время тоже поднимается в ушах какой-то свист.

В компании Аррана и Деборы дорога в школу и обратно кажется терпимой. Хорошо, что Джессика уехала учиться на Охотницу и больше не живет с нами. Охотниками называется элитное подразделение Белых Ведьм, которых Совет нанимает для борьбы с Черными Ведьмами. Бабушка говорит, что сейчас Охотники чаще работают в Европе, ведь в Британии Черных почти не осталось. Берут туда в основном женщин, но встречаются и талантливые колдуны-мужчины. Те и другие одарены и беспощадны, а значит, Джессика легко найдет среди них свое место.

После отъезда Джессики я впервые в жизни могу чувствовать себя дома свободно, но тут на мою голову сваливается школа. Я умоляю бабушку, чтобы она не отдавала меня туда, потому что

это наверняка плохо кончится. Она отвечает, что Ведьмам надо «вливаться» в общество фейнов, «учиться идти на компромисс», и мне тоже, а потому со мной «все будет хорошо». Как будто эти слова имеют какое-то отношение к моей жизни.

Я жду совсем других слов и прозвищ, таких, как «противный грязнуля», «тина болотная» и мое любимое — «тупой осел». Я готов к тому, что меня будут дразнить дураком, грязнулей и нищим и что какой-нибудь идиот наверняка докопается до меня из-за моего маленького роста, но это меня не пугает. Все равно это будет только раз.

Я готов ко всему, но только не к шуму. Автобус похож на котел, кипящий голосами, воплями и шипением мобильных. В классе еще хуже — там полно компьютеров, и они издают пронзительный писк, который буравит мой мозг, и даже когда я затыкаю пальцами уши, легче не становится.

Другая проблема, самая серьезная, в том, что мы в одном классе с Анной-Лизой.

Анна-Лиза — Белая Ведьма и к тому же О'Брайен. Братья О'Брайен ходят в эту же школу, все, кроме старшего, Киерана — ровесника Джессики, который уже уехал. Ниалл учится с Деборой, а Коннор — с Арраном.

У Анны-Лизы длинные белые волосы, которые, искрясь, стекают по ее плечам, как река растопленного белого шоколада. У нее синие глаза и длинные светлые ресницы. Она часто улыбается, обнажая ряд ровных белых зубов. Руки у нее чистые до невозможности, кожа цвета меда, а ногти бле-

стоят. Ее школьная юбка всегда безупречна, будто только что выглажена. Даже школьный блейзер ей идет. Анна-Лиза из семьи Белых Ведьм, чья кровь веками не осквернялась смешением с кровью фей-нов, а единственная связь, которая существовала между ее предками и Черными Ведьмами, заключалась в том, что те и другие время от времени убивали друг друга.

Я знаю, что от Анны-Лизы лучше держаться подальше.

В первый же день учительница просит нас написать что-нибудь о себе. На одну страницу или чуть больше. Я сижу перед белым листом и тупо гляжу на него, а он как назло откровенно пялится на меня. Я не знаю, что писать, да если бы и знал, то все равно не сумел бы. Кое-как мне удастся накорябать свое имя печатными буквами вверху страницы, но даже его я ненавижу. Моя фамилия, Бирн, не моя, а мужа моей покойной матери. Ко мне она не имеет отношения. Я зачеркиваю ее, много раз. Мои пальцы вспотели от карандаша. Оглядевшись вокруг, я вижу, как строчат другие, а учительница ходит между рядами и поглядывает. Наконец она подходит ко мне и спрашивает, в чем проблема.

— Не могу придумать, что написать.

— Ну, может быть, ты напишешь о том, что делал летом? Или расскажешь нам о своей семье? — Так она говорит только с полными дебилами.

— Ладно.

— Сам справишься?

Я киваю, не сводя глаз с бумаги.

Когда она отходит от меня и наклоняется над чьей-то работой, я умудряюсь кое-что написать.

«у миню ест брат и систра мой брат Арран он хорош и Деб систра умана»

Я и сам знаю, что это никуда не годится, но сделать лучше все равно не могу.

Мы сдаем сочинения, и девочка, которая ходит по классу и собирает листки, замирает, увидев мой опус.

— Что? — интересуюсь я.

Прыснув со смеху, она признается:

— Моему брату семь лет, он и то лучше пишет.

— Что?

Прекратив смеяться, она говорит:

— Ничего... — берет у меня листок и чуть не падает, споткнувшись, так она спешит поскорее добраться до стола учительницы.

Я оглядываюсь посмотреть, кому еще смешно. Мои соседи по парте увлеченно разглядывают свои карандаши. За соседней партой ухмыляются, но, поймав мой взгляд, мгновенно опускают глаза. То же происходит и за другой партой, справа от меня: глаза опускают все, кроме Анны-Лизы. Она смотрит не в стол, а улыбается мне. Я не знаю, смеется она надо мной или нет. И сам отвожу глаза.

На следующий день у нас математика, и я ничего не могу решить.

Учительница, слава богу, быстро сообразила, что, если меня оставить в покое и не спрашивать,

я буду сидеть тихо. Не обращать внимания на Анну-Лизу не получается. Она правильно отвечает на вопрос. Отвечает на другой — и снова в точку. Когда она отвечает на третий, я слегка поворачиваюсь на месте, чтобы посмотреть на нее, и меня опять застают врасплох ее улыбка и взгляд.

На третий день, на уроке рисования, кто-то задевает меня рукавом. Чисто вымытая, золотистомедовая рука проскальзывает мимо меня и тянется к черному карандашу. Возвращаясь, рука проводит краем рукава по тыльной стороне моей ладони.

— Какая красивая картинка.

Что?

Я смотрю на свой набросок черного дрозда, клюющего крошки на пустынной площадке для игр.

Но меня уже не интересует ни сам дрозд, ни его изображение. В голове у меня только одна мысль: «Она со мной заговорила!»

Потом я начинаю думать: «Ответь что-нибудь!» Но ничего не происходит, только «Ответь что-нибудь! Ответь!» эхом гудит в моей пустой башке.

Сердце, как ненормальное, колотится о преграду грудной клетки, а кровь в жилах вскипает словами, которые я не способен произнести, да и просто толком понять.

Ответь ей хоть что-нибудь!

Ничего путного не придумав, хрипло и невнятно мямлю: «Я люблю рисовать, а ты?» и еще: «Ты хорошо соображаешь в математике». К счастью,

Анна-Лиза отворачивается прежде, чем я успеваю выдать из себя что-либо еще.

И все же она была добра ко мне. Не считая моих родственников, она стала первой Белой Ведьмой, которая улыбнулась парню, не умеющему связно написать даже одно предложение. Первой. И единственной. Никогда не думал, что она может улыбнуться; едва ли это случится еще раз.

Поэтому я говорю себе, что надо держаться от нее подальше.

Но ведь бабушка говорила, что мы должны «идти на компромисс» и «приспосабливаться», а разве это не значит быть вежливым? Поэтому, когда урок заканчивается, мне удастся заставить свое «тело» подойти к ней.

Я протягиваю ей свой рисунок.

— Как он тебе? Я его закончил.

Я готов к тому, что она скажет какую-нибудь гадость, посмеется над рисунком или надо мной. Но в глубине души я знаю, что ничего такого она не сделает.

Она улыбается и говорит:

— Очень красивый.

— Ты так думаешь?

Она говорит, глядя не на картинку, а на меня:

— Ты и сам знаешь, что рисунок отличный.

— Да, ничего... вот асфальт у меня не получается.

Она смеется, но, уловив мой взгляд, сразу же умолкает.

— Я не над тобой смеюсь. У тебя здорово вышло.

Я снова гляжу на рисунок. Птица недурна.

— Можно я его возьму? — просит она.

Что?

Зачем он ей?

— Ладно, не надо. Все равно это глупая идея. А рисунок отличный. — Тут она собирает свои вещи и выходит.

С тех пор Анна-Лиза всегда подстраивает все так, чтобы сидеть рядом со мной на рисовании и оказаться в одной команде на физре. На других уроках мы в разных группах из-за успеваемости. Я — среди двоечников, она отличница по всем предметам, так что мы не часто встречаемся.

На следующей неделе, когда мы сидим на рисовании, она спрашивает:

— Почему ты никогда не смотришь на меня дольше одной секунды?

Я не знаю, что сказать. Сейчас я смотрел на нее дольше секунды.

Я окунаю кисточку в банку с водой, поворачиваюсь к ней и смотрю. Вижу ее улыбку, ее глаза, кожу цвета меда и...

— Две с половиной в лучшем случае, — говорит она.

Мне показалось, что дольше.

— Вот уж не думала, что ты такой застенчивый.

Я не застенчивый.

Она наклоняется ко мне и шепчет:

— Мои родители сказали, чтобы я не разговаривала с тобой.

Теперь я смотрю на нее гораздо дольше. Глаза Анны-Лизы искрятся.

— Почему? Что они про меня говорили?

Она слегка краснеет, и ее глаза теряют часть своего блеска. На мой вопрос она не отвечает, но, что бы они ей не сказали, это, кажется, не пугает Анну-Лизу.

Дома в тот вечер я долго пялюсь на себя в зеркало ванной комнаты. Я знаю, что ростом я ниже большинства мальчишек моего возраста, хотя и не намного. Мне вечно твердят, что я грязный, но ведь я много времени провожу в лесу, а там трудно не запачкаться, и я вообще не понимаю — чего такого плохого в грязи? Хотя мне и нравится, что Анна-Лиза такая чистенькая. И как ей удастся?

Арран приходит чистить зубы. Он выше меня, но ведь и на два года старше. И он как раз из тех парней, которые, по-моему, должны нравиться Анне-Лизе. Красивый, добрый, и умный.

Тут заходит Дебора. В ванной становится тесновато. Дебс тоже чистюля, но не такая, как Анна-Лиза.

— Чем заняты? — спрашивает она.

— А на что похоже?

— Похоже, что Арран чистит зубы, а ты лобуешься в зеркале своей неотразимой красотой.

Арран подталкивает меня локтем и улыбается пенной улыбкой.

Мое отражение тоже пробует улыбнуться ему и выдавливает пасту себе на щетку. Я смотрю в свои глаза, когда чищу зубы. Глаза у меня ведьмовские. У фейнов глаза обыкновенные. А у всех ведьм, которых я видел, в глазах блески. У Аррана глаза светло-серые, а блески серебряные, у Дебс — более темные, зеленовато-серые, и блески светло-зеленые с серебром. У Анны-Лизы глаза голубые с серебристо-серыми искорками, которые то взвихряются, то опадают, особенно когда она поддразнивает меня. Дебора и Арран никаких блесков не видят, и бабушка тоже; она говорит, что мало кто из ведьм на это способен. Я никогда не говорил ей о том, что в своих темных глазах я вижу не искры, а черные, медленно вращающиеся треугольники, в которых совсем нет блеска. Их чернота не отражает свет, а словно поглощает его, и он проваливается в нее, как в пустоту.

У братьев Анны-Лизы — Ниалла и Коннора — глаза голубые с серебряными блесками. Я сразу узнаю в них О'Брайенов по белым волосам, длинным рукам и ногам и красивым лицам. На переменах и во время завтрака я избегаю Анну-Лизу, так как знаю — ей влетит, если братья увидят нас вместе. Мне не нравится, что они могут решить, будто я боюсь их, но я в самом деле не хочу, чтобы у Анны-Лизы возникли из-за меня неприятности, а в этой огромной школе затеряться легче легкого.

Под конец первого месяца учебы начинаются морозящие дожди, такие мелкие, что они напо-

минают туман, который быстро оседает на коже, отмывая ее дочиста. Я стою на улице, подпирая спиной стену спортзала, и обдумываю возможные альтернативы скучище на уроке географии, когда из-за угла выходят Ниалл и Коннор. Судя по их улыбкам, они нашли именно того, кого искали. Я, не отрываясь от стены, улыбаюсь им в ответ. Кажется, назревает что-то поинтереснее разговора о дельте Миссисипи.

Ниалл начинает так:

— Мы видели, как ты беседовал с нашей сестрой.

Мне непонятно, когда и где они могли это видеть, но не спрашивать же их об этом, и я отвечаю им взглядом, в котором ясно читается: «И что с того?»

— Держись от нее подальше, понял? — уточняет Коннор.

И они оба отступают на шаг, не зная, что делать дальше.

Я едва не засмеялся над ними, такими недотепами они мне показались, но молчу, прикидывая, все они сказали или нет.

Возможно, на этом бы все и завершилось, но тут позади них появляется Арран, рассекая ситуацию громовым воплем:

— Что тут у вас происходит?

Поворачиваясь к нему, они меняются на глазах. Его они не боятся и не хотят, чтобы он заметил, как они осторожничали со мной.

Хором они говорят ему:

— Отвали.

Он не слушается, и Ниалл делает шаг ему навстречу.

Арран не уходит, напротив, он говорит:

— Я остаюсь здесь, с братом.

Раздается звонок — завтрак кончился, начинается следующий урок, — и Ниалл толкает Аррана в плечо со словами:

— Давай, вали-ка обратно в класс.

От толчка Арран чуть не падает, но тут же снова делает шаг вперед со словами:

— Никуда я не пойду без брата.

Коннор смотрит на Аррана, стоя ко мне вполоборота, и я не могу побороть искушение, видя его физиономию в таком ракурсе. Я изо всех сил бью его в скулу собственным вариантом левого хука. Тело Коннора еще не успевает коснуться асфальта, а я уже поднырываю под Ниалла сзади и въезжаю локтем ему под коленки. Он грохается навзничь, да так резко, что я едва успеваю отскочить. Я еще не разогнул спину и, пользуясь этим, дважды бью Ниалла кулаком в лицо, но быстро, чтобы успеть перехватить Коннора. Я выпрямляюсь, лягаю Ниалла в бок, когда тот откатывается от меня, и встречаю поднимающегося Коннора ударом той же ноги в плечо. Однако наибольшую опасность представляет именно Ниалл: он крупнее и крепче своего брата, и у него хватает смекалки откатиться от меня, когда я начинаю набегать на него снова. Но я не поэтому не успеваю его пнуть: Арран с неожиданной силой хватается меня за плечи и отта-

скивает от Ниалла. Я не сопротивляюсь. Я сделал достаточно.

Обхватив меня рукой за плечи, Арран ведет меня в школу. Он прижимает, притягивает меня к себе, но у самого порога вдруг отталкивает. Отталкивает со злостью.

— В чем дело? — спрашиваю.

— Почему ты смеешься?

Я смеюсь? Даже не заметил.

Арран входит в школу, держа руку перед собой, как будто ему необходимо оградить себя. Причем от меня. Дверь захлопывается за ним со стуком.

ЕЩЕ ДРАКА И НЕМНОГО СИГАРЕТ

В тот день я больше не возвращаюсь в школу. Я иду в лес, а оттуда домой, подгадывая так, чтобы прийти в одно время с Арраном и Деборой. Я жду от Аррана каких-нибудь слов, пусть ругательных, но он со мной не разговаривает. Так продолжается весь вечер. Я решаю, что, когда настанет время ложиться спать, он оттаает, но, войдя в комнату, вижу только его руку, которая высовывается из-под одеяла, чтобы погасить свет. Я снова зажигаю свет и остаюсь стоять спиной к двери.

— Завтра я расскажу бабушке о драке.

Из-под одеяла ни звука.

— Ты разве не знаешь, что драка — это нормально? Все мальчишки дерутся. Было бы странно, если бы я не дрался.

По-прежнему тишина.

— Я смеялся потому, что мы их побили. Я радовался. Ты ведь был на моей стороне, а это, как ни крути, не главное преимущество.

Опять без ответа.

— Это еще не значит, что я Сатана.

Тут он пошевелился, сел и стал смотреть на меня.

— Ты же знаешь, они скажут, что это ты начал.

Конечно, знаю. Я знаю, что, если бы я никогда не дрался, близко не подходил к Анне-Лизе, даже если бы я встал на колени и вылизал Ниаллу с Коннором ботинки, это ничего бы не изменило — они все равно скажут, что захотят, и поступят, как захотят, и все им поверят. А Арран никак не может понять, что для меня нет надежды на будущее. От того и вид у него несчастный.

Я сажусь на свою кровать и спрашиваю:

— Тебе часто достается за то, что ты мой полу-брат?

— Я твой брат. — И он смотрит на меня своим особенным взглядом, взглядом самого доброго человека в мире.

— Ну, тогда сознайся, тебе часто достается за то, что ты мой брат?

— Не часто.

Он совсем не умеет врать, но пытается, и я еще сильнее люблю его за это.

— И потом, — продолжает он, — я ведь всю жизнь прожил рядом с Джессикой. Школьные задиры в сравнении с ней — любители.

Я гадаю, когда Ниалл и Коннор решат продолжить разборку со мной. Больше всего меня тревожит, как бы они не попытались отыгаться на Арране, но они ничего не предпринимают. Может

быть, понимают, что это куда глупее, чем пытаться поквитаться со мной.

После той драки я ухожу на большой перемене из школы и слоняюсь по улицам, стараясь не попасться на глаза О'Брайенам или кому другому, но недели через две я устаю прятаться.

Я стою, прислонившись спиной к стене в том самом месте, что и перед первой дракой, когда из-за угла выруливают Ниалл и Коннор. Я знаю, что на этот раз они наверняка лучше подготовились, но все же думаю, что, если свалю Ниалла первым, то у меня будет против них шанс.

Они бегут ко мне, и я вижу, что они и впрямь подготовились: в руке у Ниалла кирпич.

Нападение — лучшая защита. Где-то я это слышал. И я бросаюсь на них, вопя во все горло откровенную брань и всякие матерные слова.

Ниалл удивлен и даже замешкался, и я толкаю его, проношусь мимо и несильно бью кулаком Коннора, который на шаг позади. Но Ниалл успевает повернуться и ухватить меня за блейзер. Я вырываюсь, но Коннор уже держит меня обеими руками, прижимая к телу мою левую. Я хочу ударить его правой, но поздно, все уже кончено.

Ниалл бьет меня кирпичом по голове, а Коннор висит на мне.

Потом я получаю сильный удар в спину, должно быть, все тем же кирпичом. Но я еще в порядке.

И тут ТРАХ!

Сотрясение от удара прокатывается по моему позвоночнику и лишает возможности двигаться.

Меня вколотили в асфальт как гвоздь.

Коннор отталкивает Ниалла как можно дальше.

Он смотрит на меня, выпучив глаза; стоит с открытым ртом, а сам весь побледнел. Откровенно испугался.

А затем... он куда-то пропал...

Но теперь асфальт медленно-медленно поднимается к моему лицу, и я еще успеваю подумать, что никогда не видел ничего подобного и как это его, хрен знает...

...теперь мне холодно... а лежу я на чем-то твердом. Это твердое расквасило мне щеку. Я чувствую вкус крови.

Но я в порядке. Ощущение странное, но я в порядке.

Я открываю глаза: все серое и шершавое.

Я фокусирую взгляд. Ага, это ведь школьная площадка... Помню...

Я не двигаюсь. Кирпич лежит рядом со мной на асфальте. Он тоже не двигается. Вид у него такой, будто и ему сегодня досталось.

Я снова закрываю глаза.

А затем я в лесу рядом с домом. Совершенно не помню, как добрался туда. Лежа на спине, я смотрю в небо и чувствую, что у меня ломит все тело. Все так же лежа, я поднимаю руки и ощупываю свое лицо миллиметр за миллиметром, медленно приближаясь к тому месту, где, как я знаю, по-настоящему плохо.

Одну губу раздуло, и она онемела, зуб шатается, почему-то болит язык, нос разбит, глаз занлыл, а из пореза над левым ухом течет кровь и еще какая-то липкая хрень. На макушке — здоровенная шишка.

Бабушка обмывает мне лицо и кладет примочки на синяки, которые появились у меня на руках и спине. Из пореза на голове снова начинает идти кровь, и бабушка сбивает вокруг этого места волосы, прикладывает к нему примочку с каким-то снадобьем. Она молчит с того момента, как я рассказал ей, с кем подрался.

Я смотрю в зеркало и улыбаюсь, несмотря на разбитую губу. Оба глаза у меня подбиты, на лице настоящая радуга из фиолетового, зеленого и даже желтого. Правый глаз совсем закрыт. Нос распух и сильно болит, но не сломан. Волосы над левым ухом выбриты, кожа покрыта густой желтой мазью.

Бабушка разрешает мне не ходить в школу, пока не заживет глаз.

К счастью, кода я иду в школу, пролысина над ухом тоже начинает зарастать.

В первый день Анна-Лиза садится рядом со мной на рисовании.

Она шепчет:

— Они рассказали мне о том, что сделали.

Сидя дома, я много думал о ней и ее братьях. Я знаю, что разумнее всего было бы не обращать на нее внимания, и я почти уверен, что, если я попрошу ее, она больше не станет ко мне подходить. Я даже заготовил на этот случай небольшую речь,

что-то вроде: «Пожалуйста, не говори больше со мной, а я не стану говорить с тобой».

Но Анна-Лиза произносит:

— Прости меня. Это я виновата.

Но то, как она это говорит — как будто она и в самом деле виновата, как будто и в самом деле расстроена, — буквально сводит меня с ума. Я-то знаю, что ни в чем она не виновата, как и я не виноват. Я тут же забываю свою дурацкую речь, все свои дурацкие намерения и... касаюсь ее руки кончиками пальцев.

На уроках рисования мы с Анной-Лизой шепчемся и переглядываемся, и мне удается больше двух с половиной секунд выдержать ее взгляд. Но мне очень хочется смотреть на нее, когда никто не видит, и того же хочется ей. И мы начинаем придумывать, как бы нам встретиться где-нибудь наедине.

Мы договариваемся встретиться на Эдж-Хилл, в укромном местечке, мимо которого Анна-Лиза ходит по дороге домой. Но каждый раз, когда я спрашиваю ее, сегодня ли мы встречаемся, она качает головой. Братья стерегут ее, не отходят ни на шаг, когда она не на занятиях и не в школе.

Но стерегут не одну Анну-Лизу. Стоило мне вернуться в школу, как Дебора и Арран завели привычку оставаться со мной у автобуса до начала уроков. Арран провожает меня домой и даже пропускает завтраки, чтобы побыть со мной.

Школа становится невыносимой, даже несмотря на Анну-Лизу. Шумы у меня в голове про-

должаются, и, хотя я стараюсь не обращать на них внимания, иногда мне хочется выцарапать их оттуда или открыть рот и визжать, пока они не стихнут.

Через несколько недель после избиения у меня в голове начинает свистеть. Однажды мы сидим в компьютерном классе; зачем и для чего — я не знаю и знать не хочу. Я поднимаю руку и отпрашиваюсь в туалет, учитель не возражает, когда я выхожу из класса.

Тишина в коридоре приносит мне облегчение и от нечего делать я действительно плетусь в туалет.

Я вхожу туда в тот самый момент, когда из кабинки появляется Коннор.

Не проходит и секунды, как я, оценив свои шансы, уже бросаюсь на него, обрушиваю на него ураган ударов, а когда он оседает на пол, добавляю несколько пинков.

Коннор не сопротивляется, только закрывает лицо руками. Он даже ни разу не успевает ударить меня. Мою атаку прерывает мистер Тейлор, учитель истории, зашедший в туалет. Он оттаскивает меня от Коннора и прижимает к своей потной груди; держит, пока Коннор корчится на полу и стонет во всю мочь.

Мистер Тейлор говорит Коннору:

— Если у тебя что-нибудь сломано, лежи. Если нет, то поднимайся, посмотрим на тебя.

Секунду Коннор лежит тихо, потом встает.

Я бы сказал, что вид у него вполне сносный.

— Идите за мной. Оба. — Это не приказ и даже не просьба, а покорность судьбе.

Мистер Тейлор так крепко держит меня за запястье, что у меня немеют пальцы. Мы быстро идем пустыми коридорами по скрипучим половицам и оставляем Коннора в медицинском кабинете, который, оказывается, есть в нашей школе. Потом мистер Тейлор разворачивает меня в направлении директорского кабинета, и мы останавливаемся на ковре перед столом секретарши.

Мистер Тейлор рассказывает ей, что произошло, она кивает, стучит в дверь кабинета директора и исчезает за ней. Не проходит и минуты, как она появляется снова и говорит нам, что мы можем войти.

Только в кабинете директора мистер Тейлор отпускает мое запястье и садится на стул рядом со мной. Стул скрипит.

Мистер Браун барабанит по клавиатуре компьютера и не смотрит на нас.

Мистер Тейлор объясняет, что застал меня во время драки.

За время пересказа истории моей драки мистер Браун продолжает печатать, не перестает и когда рассказ закончен. Кажется, он перечитывает написанное на экране. Потом глубоко вздыхает, поворачивается к мистеру Тейлору и благодарит его за бдительность.

Мистер Браун снова вздыхает и в первый раз за все время глядит на меня. Он объясняет мне, какое поведение называется приемлемым, сообща-

ет, что я отстранен от занятий, и велит мне возвращаться в класс. Подобные процедуры ему явно не впервой, так что на все про все уходит меньше пяти минут.

Придется идти в класс. А компьютерные технологии еще не кончились.

— Нет. — Слово срывается с моего языка раньше, чем я успеваю подумать.

Мистер Браун спрашивает:

— Что?

— Нет. В тот класс я не пойду.

— Мистер Тейлор тебя проводит.

Мистер Браун считает, что все сказал, поэтому поворачивается к компьютеру.

Мистер Тейлор, кряхтя, поднимается со стула.

Я толкаю его обратно.

— Нет.

Я поворачиваюсь и выхватываю клавиатуру из-под рук мистера Брауна, которые остаются висеть над лакировкой стола. Я с размаху въезжаю клавиатурой в бок компьютеру и сбрасываю оба предмета на пол.

— Я же сказал «нет».

Не вставая, мистер Тейлор снова хватается за запястье и рывком подтаскивает к себе. Я не сопротивляюсь, но по инерции разворачиваюсь, врезаюсь в него и мы оба валимся на пол. Мистер Тейлор машет руками, как крыльями, точно хочет вернуть нас в исходное положение. Но так не бывает. Зато я теперь свободен, и посадка у меня мягкая, чего не скажешь о мистере Тейлоре.

Я встаю на ноги и выхожу из кабинета директора.

Я не уверен, что сделал достаточно для того, чтобы меня исключили из школы, поэтому в приемной секретарши я хватаю стул и вышвыриваю его в окно, после чего бросаюсь к выходу, включая, по ходу дела, пожарную сигнализацию. Ну а на улице, на всякий случай, хватаю стул, который не разлетелся на части, и высаживаю им лобовое стекло директорской машины.

Когда я прихожу домой, меня уже ждет полиция.

Мне все-таки приходится вернуться в школу, но лишь один раз, чтобы извиниться перед мистером Тейлором и мистером Брауном. Почему-то извиняться перед Коннором мне не нужно. Бабушка ворчит из-за того, сколько теперь надо заполнять бумажек, которые приносят инспектора по надзору за несовершеннолетними. Я должен отработать пятьдесят часов на общественных работах.

Таких, как я, четверо, и мы вместе убираемся в каком-то спортивном центре. Мне кажется, что, когда делаешь что-нибудь — пусть даже убираешься, — время идет быстрее, но Лайам, самый старший из нас и давно поднаторевший в служении обществу, даже слышать об этом не хочет. Первый час рабочего дня мы проводим, делая вид, будто ищем ведра и тряпки; то есть это я делаю вид, а Лайам просто бродит, что-то напевая. Потом мы выходим на улицу отдохнуть и покурить. Я никог-

да раньше не курил, но вот Джо у нас эксперт: он умеет пускать колечки, и еще колечки через колечки. Он учит меня всему, что умеет.

Периодически мускулистый парень, который работает в спортивном центре на рецепции, выходит во двор и велит нам идти внутрь, убираться. Мы не обращаем на него внимания, и он уходит.

Я почти все время сижу во дворе, курю и слушаю болтовню остальных.

Лайама не раз ловили на краже. Он тащит все: и дорогое, и дешевое, и полезное, и бессмысленное. Суть ведь в самой краже, а не в предмете, который ты воруюешь. Джо тоже поймали за кражей в магазине, а Брайан разбил чужую машину, которую взял покататься, так что у него еще даже шея в гипсе.

Если мы не курим, то шлепемся по спортивному центру. Я иногда беру с собой швабру. Больше всего народу утром в субботу. Нам с Джо нравится наблюдать за тренировками по карате. Там занимаются как дети, так и профи с черными поясами. Потом мы возвращаемся во двор и снова курим.

Как-то в субботу, когда занятия по карате уже закончились, появляется Брайан в дорогих кроссовках «Найк». И говорит:

— Самое время прибарахлиться. Гипс-то сняли. Лайам отвечает:

— Верно, парень. Иди и делай, вот мой девиз.

Мы с Джо лежим на невысокой стене и курим «Мальборо-лайт». Я тренируюсь пропускать через

серию из трех колец четвертое, самое маленькое. У меня уже почти получается, когда кто-то выходит в дверь черного хода и орет:

— Вы, уроды траханые, кто из вас мои кроссы звезданул?

Я прекращаю выдувать кольца и смотрю на парня. Он из группы ребят с черными поясами, только сейчас — в джинсах и босиком.

Лайам и Брайан куда-то смылись.

— Отдайте или хуже будет! Ну! — Парень с черным поясом наступает на нас с Джо.

Не вставая, я задираю ноги в старых ботинках и говорю:

— У меня их нет.

Джо садится и молча барабанит пятками своих старых серых кроссовок по стене. Он выпускает кольцо дыма, потом пропускает в него струю в форме сигары, нацеленную парню в лицо.

Я тоже сажусь и говорю:

— Мы видели тебя на кун-фу.

— Карате.

— Ну... карате. У тебя черный пояс, да?

— Да.

— Если завалишь меня, верну тебе кроссовки.

Джо смеется.

— Вот так вызов.

— А если я тебя повалю, они останутся у того, кто их взял.

Парень с черным поясом не раздумывает ни секунды. Он на голову выше меня и на десяток килограммов тяжелее и, кажется, не сомневается,

что черного пояса у меня нет. Он тут же принимает боевую стойку и говорит:

— Ну, давай рискни.

Я вынимаю изо рта сигарету и поворачиваюсь, как будто для того, чтобы передать ее Джо, а сам тем временем упираюсь ногами в край стены и прыгаю на того парня, коленями ему на плечи. В следующий миг он уже лежит на земле, а я уму-дряюсь приземлиться на ноги.

Но я держусь от него подальше, потому что он изрядно взбешен.

Вспомнив, что уронил сигарету, я наклоняюсь за ней, и тут, как в кино про кун-фу, появляется тренер. Он невысокого роста, лет ему где-то за сорок, и вид у него серьезный. В отличие от большинства детишек в его классе, ему явно случалось не раз давать сдачи желающим подраться.

И тут он говорит тому парню:

— Уговор есть уговор, Том. Он выиграл. А тебе надо было действовать быстрее.

Джо шмыгает носом.

Мистер Карате помогает парню с черным поясом подняться и отправляет его восвояси.

Тем временем я поднимаю сигарету и небрежно затягиваюсь. Мистер Карате говорит мне:

— Эти штуки тебя погубят. — Джо выпускает огромное кольцо, но оно выходит кривое, потому что он никак не может перестать ухмыляться.

Когда каратисты уходят, Джо спрашивает:

— А ты что, собираешься прожить так долго, чтобы умереть от рака легких?

ПЯТОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Примерно через неделю после моего исключения бабушка заявляет, что будет учить меня сама. Здорово. Никакой школы. Не надо больше «идти на компромисс» и «приспосабливаться».

Она говорит:

— Та же школа, только дома.

Она берет старые учебники Аррана, ручки, бумагу, и мы садимся за стол в кухне. Выполняем несколько упражнений очень-очень медленно. Я долго читаю задания, бабушка меряет шагами кухню, пока я пишу алфавит. Посмотрев, что я написал, она убирает учебники Аррана.

Днем мы идем гулять в лес, где говорим о растениях, о деревьях и даже рассматриваем лишайники в увеличительное стекло.

Когда Арран возвращается домой, бабушка просит его посидеть со мной, пока я читаю. Арран всегда терпелив, и я его не стесняюсь, но все равно читаю медленно и с трудом. Бабушка стоит рядом и смотрит. Позже она скажет:

— Книги никогда не будут твоими помощниками, Натан. А у меня точно не хватит ни терпе-

ния, ни способностей, чтобы научить тебя читать. Если хочешь научиться читать, придется Аррану побыть твоим учителем.

— Мне все равно. — Но я знаю, что Арран будет уговаривать меня не сдаваться.

— Как хочешь. Но тебе еще много чего надо узнать.

На следующий день мы с бабушкой отправляемся в наше первое путешествие в Уэльс. Мы два часа едем на поезде. На улице холодно и ветрено, но дождя нет. Мы бродим по горам, мне нравится наблюдать растения и зверей у них дома — там, где они живут и растут.

В первый теплый апрельский день мы остаемся там ночевать и спим прямо под открытым небом. Теперь мне уже никогда не захочется спать под крышей. Бабушка рассказывает мне о звездах и объясняет, как циклы луны влияют на свойства растений, которые она собирает.

Дома бабушка учит меня готовить снадобья, но по сравнению с ней у меня руки как крюки, и совсем нет чутья на то, как разные травы будут влиять друг на друга, усиливая или ослабляя совместный эффект. И все же я усваиваю азы ее мастерства, узнаю, как простое прикосновение или обычное дыхание добавляет снадобью магические свойства. Я умею делать простые снадобья для заживления порезов, пасту, которая помогает вытянуть из раны яд, и снотворное, но я уверен,

что ничего по-настоящему магического у меня не выйдет.

У меня есть карты Уэльса, и я выучиваю их почти наизусть. Я вообще легко читаю карты, ведь это картинки, а пейзаж я помню. Я запоминаю, где находятся разные реки, горы и долины, как они расположены относительно друг друга, как их пересечь, где найти укрытие и воду, где можно купаться, ловить рыбу и ставить капканы на зверя.

Скоро я уже начинаю ездить в Уэльс один, остаюсь там по два-три дня, сплю под открытым небом, ем то, что найду.

Во время первой самостоятельной поездки я сплю прямо на земле. Лежа на склоне горы в Уэльсе, я испытываю странное ощущение. Я пытаюсь разобраться в нем: я счастлив, когда просто сижу рядом с Арраном, наблюдаю его неспешные, мягкие движения, в которых видна его доброта; это лучшее, что я испытывал в жизни. Я также счастлив с Анной-Лизой, по-настоящему счастлив. Когда я вижу, какая она красивая, забываю о себе, и это ни с чем не сравнимо. Но, лежа на горе в Уэльсе, я чувствую себя совсем иначе. Я испытываю гораздо более сильное ощущение. И понимаю, что вот он — настоящий я. Настоящий, как гора, с которой мы дышим, как единое целое. И наши жизни сливаются.

Мой двенадцатый день рождения, на носу новое Освидетельствование. Я ненавижу эти процедуры, но вынужден переносить их, внушая себе,

что лучше один день вытерпеть все эти взвешивания, замеры, вопросы и ответы, чтобы быть свободным от Совета и советников на последующий год. Под конец этого Освидетельствования бабушке задают вопрос о моем образовании, хотя ясно как день, что в Совете прекрасно знают о моем исключении из школы. Бабушка отвечает немногословно и ничего не говорит о вылазках в Уэльс. Похоже, Освидетельствование прошло благополучно. Мой код не изменился: я все еще *не определен*.

Неделю спустя прибывает новое уведомление. Мы все сидим за кухонным столом, а бабушка читает его нам вслух.

*Уведомление о решении Совета Белых Ведьм
Англии, Шотландии и Уэльса.*

С целью обеспечения безопасности всех Белых Ведьм Советом постановлено запретить все передвижения половинных кодов (Б 0.5/Ч 0.5) за пределами мест их проживания без предварительного уведомления Совета и получения от него разрешения на поездку. Половинный код, обнаруженный за пределами территории проживания без письменного разрешения Совета, подвергнется ограничению свободы передвижений.

— Это уже слишком. Осталось только посадить его под домашний арест, — говорит Дебора.

— Думаете, они знают, что Натан ездит в Уэльс? — Арран выглядит встревоженным.

— Понятия не имею. Но приходится предположить, что знают. Я думала, они разрешили нам это потому, что... — Бабушка умолкает.

Я знаю, о чем она думает. Совет, наверное, надеется использовать меня как приманку для Маркуса, чтобы, когда он появится, наброситься на него... на нас и убить. Но теперь они почему-то решили ограничить мою свободу передвижения.

Дебора тоже явно думает о Маркусе. Она говорит:

— Это, наверное, из-за семьи на северо-востоке, на которую напал Маркус. — Мы все смотрим на нее.

— Вы не слышали? Их всех убили.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает бабушка.

— Так, держу ушки на макушке. Нам всем не мешало бы. Ради Натана... да и ради самих себя, если на то пошло.

— Ну и как эта новость добралась до тебя? — спрашивает бабушка.

Дебора явно сбита с толку, но быстро берет себя в руки, строптиво поднимает подбородок и говорит:

— Я подружилась с Ниаллом.

Арран качает головой.

— Слушаю его, открыв рот, и все время твержу ему, какой он красивый и умный... а он мне кое-что рассказывает.

Арран наклоняется к Деборе, чтобы предостеречь ее, наверное, но она опережает его:

— Я не сделала ничего плохого. Я разговариваю с ним и слушаю, что он говорит. Что в этом плохого?

— А когда он говорит что-либо гадкое о Натане, ты возражаешь ему или соглашаешься?

Дебора смотрит на меня.

— Я никогда ему не поддакиваю.

— Значит, ты с ним споришь? — Более язвительного тона от добряка Аррана я не слыхал за всю жизнь.

— Арран! По-моему, это хорошая идея, — вмешиваюсь я. — Бабушка ведь говорит, что у Совета повсюду свои шпионы. Так почему бы и нам не воспользоваться их тактикой? К тому же Дебора права, ничего плохого она не делает.

— Но и ничего хорошего тоже.

Я подхожу к Деборе, целую ее в плечо и говорю:

— Спасибо, Дебора.

Она обнимает меня.

— Так что же ты выяснила, Дебора? — спрашивает бабушка.

Дебора переводит дыхание.

— Ниалл сказал, что Маркус на прошлой неделе убил одну семью: мужчину, женщину и их сына-подростка. Отца Ниалла вызывали из-за этого на экстренное совещание Совета.

— Просто не верится, что он взял да и выложил тебе все эту информацию. — Арран снова качает головой.

— Ниалл любит хвастать своей семьей. Он мне уже все уши прожужжал о своем брате Киеране:

тот учится на Охотника и первым сдает все испытания, какие у них там есть, кроме тех случаев, когда его обгоняет Джессика. Похоже, что Киеран прямо спит и видит, чтобы его послали на разведку этого случая в качестве первого самостоятельного задания.

— А что это была за семья? — спрашивает бабушка.

— Ниалл сказал, что их фамилия Грей. Она была Охотницей, а он выполнял какую-то работу для Совета. Ты их знаешь?

Бабушка отвечает:

— Фамилию слышала.

— Ниалл сказал, что Греи были назначены хранителями чего-то под названием Фэйрборн, а за этим охотился Маркус. Что такое Фэйрборн, я не знаю; сомневаюсь, что Ниалл сам это знает. Когда я спросила его об этом, он, наверное, сообразил, что наболтал лишнего, и прикусил язык. С тех пор он со мной почти не разговаривает.

Я ничего не говорю. По какой-то причине мой отец только что убил троих людей, в том числе мальчика всего на пару лет старше меня. Что это было, ошибка? Он пытался объяснить им, что он на самом деле не злой, что он не хочет причинять им боль... Что ему просто нужен Фэйрборн. Наверное, он хотел забрать этот Фэйрборн у них, но они не отдавали, не слушали его... Они набросились на него, он стал защищаться, и вот...

Бабушка говорит:

— Я напишу в Совет и попрошу, чтобы они дали тебе разрешение ездить в Уэльс.

— Что? — Я прослушал.

— В Уведомлении сказано, что тебе нельзя путешествовать без разрешения. Я напишу в Совет, пусть выдадут разрешение.

— Нет. Я не хочу, чтобы они знали, где я бываю. Никакого разрешения мне не нужно.

— Ты собираешься продолжать ездить туда без спросу?

— Бабуля, пожалуйста. Попроси, пусть дадут мне разрешение ходить в соседний лес, в магазины и в другие места, до которых мне дела нет. Куда я вообще не хожу.

— Но, Натан, здесь же сказано... — Бабушка заглядывает в пергамент. — *«Половинный код, обнаруженный за пределами территории проживания без письменного разрешения, подвергнется ограничению свободы передвижений».*

— Я знаю, что там сказано. И знаю, что мне делать.

— Тебе всего двенадцать, Натан. Ты не понимаешь, на что они...

— Бабушка, я понимаю. Я все понимаю.

Вечером того же дня, когда я уже раздеваюсь перед сном, приходит Арран и пытается вызвать меня на разговор. Надо полагать, бабушка его попросила. Он говорит, что мне следует «подумать еще раз», «и, может быть, попросить разрешения посещать одно какое-то место в Уэльсе» и прочую

муру в том же духе. Слова взрослых. Бабушкины слова.

Я отвечаю:

— Можно мне получить разрешение пройти в ванную, пожалуйста?

Он молчит, тогда я бросаю джинсы на пол, встаю перед ним на колени и спрашиваю еще раз:

— Можно мне пойти в ванную, пожалуйста?

Он молча бросается на колени рядом со мной и обхватывает меня руками. Так мы и стоим. Он обнимает меня, а я весь заостенел от обиды, злости и желания сделать больно ему.

Проходит время, и я тоже обнимаю его, слегка.

МОЙ ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Совет дает мне разрешение посещать места в пределах нескольких миль от дома, то есть местные магазины и наш лес. Проходит год, за ним другой. Мое существование омрачают только мои дни рождения, тринадцатый и четырнадцатый, но я кое-как пробираюсь через Освидетельствования, и мой код по-прежнему остается *неопределенным*. Бабушка продолжает учить меня всему о зельях и растениях. А я продолжаю один ездить в Уэльс. Я учусь выживать в лесу зимой, читать знаки погоды и укрываться от дождя. Я никогда не отлучаюсь из дома дольше, чем на три дня, и всегда стараюсь передвигаться незаметно. Я уезжаю и возвращаюсь разными маршрутами и всегда осматриваюсь, не шпионят ли за мной.

Я часто думаю об отце, но мои планы сбежать когда-нибудь к нему остаются неопределенными. Куда чаще я думаю об Анне-Лизе. Я всегда помню и ее саму, и ее волосы, и кожу, и улыбку, но после четырнадцатого дня рождения мысли о ней становятся просто неотвязными. Мне надо увидеть

ее — живьем, и эти планы скоро обретают определенность.

Я не так глуп, чтобы искать ее в школе или возле ее дома, но между ними есть Эдж-Хилл — место, где мы однажды договаривались встретиться.

Вот я и иду туда.

Холм похож на перевернутую миску, вершина у него плоская, а склоны крутые, и вокруг них протоптана тропа. С южной стороны из холма выступает скала из песчаника, с вершины которой открывается вид на окружающую долину: сплошной зеленый ковер засеянных полей, разделенных дорогами на квадраты, обрамленные живыми изгородями, с редким вкраплением домов. Скала голая, она изборозжена глубокими горизонтальными и вертикальными складками. У ее подножия клочок утоптанной, голой земли. Она красно-коричневая и очень сухая, так что я отчаянно пылию ботинками, когда прохожу по ней.

Вскарабкаться на скалу совсем не сложно, трещины достаточно широкие, чтобы в них можно было просунуть руки и ноги. Сидя на вершине песчаной скалы, если ее можно так назвать, я не вижу тропинку у основания холма — ее загораживают склоны, зато я прекрасно слышу голоса редких собачников, которые приходят туда со своими питомцами, и переключку детей, медленно бредущих домой из школы. Если кто-нибудь другой, не Анна-Лиза, приблизится к моему убежищу, у меня будет время скрыться.

Каждый школьный день я поджидаю ее на вер-

шине. Один раз мне кажется, будто я слышу ее голос, она говорит с кем-то из братьев, и я отправляюсь домой.

Приближается зима, когда на повороте как-то вспыхивает сияющая светлая грива волос Анны-Лизы.

Я сажусь на краю каменного выступа, свешиваю ноги и старательно болтаю ими.

Анна-Лиза идет по холму вверх и не замечает меня, пока не переходит через самую крутую часть подъема. Тогда, подняв голову, она видит меня, оглядывается и, не замедляя шага, продолжает идти, пока не оказывается прямо подо мной. Она смотрит на меня, улыбается, краснеет.

Я так долго ждал встречи с ней, и я знаю, что хочу ей сказать, но сейчас любое первое слово в разговоре кажется мне глупым. Я обратил внимание, что перестал болтать ногами, да и дышу я тоже как-то странно.

Анна-Лиза карабкается вверх по утесу. Она ухитряется делать это элегантно, а через несколько секунд уже садится рядом со мной и тоже начинает болтать ногами.

Через минуту мне удастся начать разговор.

— Тебе придется поставить Совет в известность, что у тебя был контакт со мной.

Ее ноги останавливаются.

Я напоминаю:

— Совет Белых Ведьм постановил: *«О любом контакте между несовершеннолетними Белыми*

и носителями половинного кода обе заинтересованные стороны обязаны сообщать Совету».

Анна-Лиза снова начинает болтать ногами.

— Никакого контакта у меня не было.

Я вдруг начинаю ощущать каждый удар своего сердца: еще чуть-чуть — и оно выпрыгнет, разорвав грудную клетку.

— А еще у меня ужасно плохая память. Мама только и делает, что ворчит на меня из-за того, что я вечно все забываю. Я, конечно, постараюсь не забыть сказать ей о нашей встрече, но почему-то мне кажется, что и это вылетит у меня из головы.

— Рад, что не только у меня проблемы с памятью, — бормочу я, не сводя глаз с ее школьных туфель, которые мелькают за краем обрыва.

— Я никогда тебя не забывала. Я помню все твои рисунки, помню каждый твой взгляд на меня в классе.

Я чуть не падаю вниз. *Все?*

— И сколько же раз я глядел на тебя в классе?

— В первый день два.

— Два? — Я точно знаю, что она оглянулась только раз.

Чувствуя на себе ее взгляд, я продолжаю смотреть на ее туфли.

— Вид у тебя был такой... несчастный.

Приехали.

— Как будто тебе было больно.

Я фыркаю от смеха.

— Вот это похоже на правду. — Кажется, тот первый день был сто лет назад.

— Во второй день ты смотрел на меня десять раз, — продолжает она.

Я точно знаю, что всего один, и понимаю, что она меня дразнит.

— А на третий всего два раза, и, хотя в тот день я села рядом с тобой на рисовании, ты глядел не на меня, а на того воробья.

— Это был дрозд, и я его рисовал.

— Мне казалось, что после этого ты перестал меня стесняться, но, оказывается, нет, ведь ты и сейчас на меня не смотришь. — Перестав болтать ногами, она приподнимает их, сбрасывает туфли, и они падают вниз.

— Я не стесняюсь того, что на тебя смотрел.

— Посмотри сюда.

Я знаю, что она показывает на свое лицо, но продолжаю пялиться туда, где только что Анна-Лиза покачивала ногами. Медленно поворачиваю голову и с трудом сглатываю. Она, как всегда, прекрасна. Волосы — белый шоколад, а кожа — чисто медовая сладость, слегка тронутая румянцем и еще более нежно опрыснутая солнцем.

Господи! Если бы она еще и улыбнулась!

— Ты знаешь, какие у тебя удивительные глаза? — спрашивает она.

— Нет.

Она подталкивает меня плечом.

— Не будь таким угрюмым. Я ведь говорю тебе комплименты.

Она придвигается ближе и смотрит мне в глаза так, словно заглядывает в бездонный колодец. И я

тоже тону в ее голубых искристых глазах, и миг все длится и длится.

Анна-Лиза отодвигается от меня и производит:

— Ну, может, не такой уж ты и застенчивый. — Вдруг она соскальзывает с обрыва и мягко приземляется на красную землю внизу. Лететь там порядочно.

Я следую за ней, а когда я приземляюсь, она убегает от меня, точно газель, и мы с ней носимся друг за другом кругами, пока она не говорит, что ей пора — слишком рано.

Оставшись один, я ложусь спиной на песчаную плиту и переживаю все заново. И пытаюсь придумать, что бы такое сказать ей в следующий раз. Какой-нибудь комплимент, вроде того, что она говорила мне о моих глазах: «Твои глаза как небо летним утром», «Кожа у тебя как бархат», «Я люблю смотреть, как солнце запутывается в твоих волосах». Все это звучит так глупо, и я знаю, что никогда в жизни ничего подобного не скажу.

Мы встречаемся неделю спустя, но теперь Анна-Лиза грустит и не сводит глаз со своих туфель.

Я догадываюсь, в чем дело.

— Обо мне говорят много плохого?

Она отвечает не сразу, может, подсчитывает, сколько именно.

— Они говорят, что ты Черный Колдун.

— Будь это так, меня бы уже убили.

— Говорят, что ты скорее в отца, чем в мать.

И тут я вдруг понимаю, как опасны наши встречи.

— Иди. Тебе нельзя меня видеть.

Она хватается меня за руку, смотрит мне прямо в глаза и выпаливает:

— Мне плевать, что они говорят. Мне плевать даже на твоего отца. Мне нужен только ты.

Я не знаю, что ответить. Что тут вообще можно ответить? Но я делаю то, что мне хотелось сделать уже давно: беру ее руку, подношу к губам и целую.

С тех пор мы встречаемся каждую неделю, сидим на вершине скалы и разговариваем. Я рассказываю ей свою жизнь, не всю, только про бабушку, Дебору и Аррана. Я не говорю ей про Уэльс и про свои поездки туда, хоть мне и хочется. Но я боюсь. И ненавижу себя за это. Ненавижу себя за подлый, тошнотворный страх и мысль о том, что чем меньше она узнает, тем в большей безопасности будет.

Она рассказывает мне о себе. Ее отец и братья, судя по всему, та же Джессика, только в мужском варианте, а вот мать на удивление слабая для женщины Белая Ведьма. Похоже, дома у Анны-Лизы нет совсем никакой жизни, по сравнению с ней мое существование — сплошной покой и свобода. Зато она даже не слышала об Освидетельствованиях и не верит мне до тех пор, пока я не опиываю ей светловолосого члена Совета, того, что сидит обычно по правую руку от председателя.

Анна-Лиза говорит, что это, наверное, ее дядя — Сол О'Брайен.

Я спрашиваю ее о том, что меня всегда интересовало. Сколько на свете существует половинных кодов? Она не знает, но постарается выяснить у отца, который как-то связан с Советом.

На следующей неделе она сообщает мне ответ.
— Только один.

Однажды она спрашивает:

— Дебора уже нашла свой Дар?

— Нет. Ей будет трудно. Она слишком логически мыслит.

— Ниалл тоже мечется. Ему страшно хочется уметь становиться невидимым, как мой дядя и Киеран, но, кажется, это совсем не его сфера деятельности. Он так хотел, чтобы церемонию Дарения провел для него отец, наверное, думал, что это усилит его Дар. Но я сказала ему, что это не поможет. Киеран ведь выпил кровь мамы, а не папы. Мне кажется, что Дар связан с личностью самого человека: он либо есть, либо его нет в нем с самого начала, а магия Дарения лишь позволяет ему осуществиться, выйти наружу. Ниалл всегда слишком на виду, чтобы овладеть даром невидимости.

— Да, я тоже так думаю. Джессика всегда умела притворяться. И мастерски врала. Так что ее Дар вполне соответствует ее натуре. Но кровь ей дала бабушка, а у нее в родне нет никого с таким даром.

— Наверное, у меня будут зелья, тот же Дар, что и у мамы.

— У моей бабушки тоже зелья. Она училась, но у нее еще есть чутье. Наверное, поэтому у нее так хорошо получается. Ты будешь как она. У нее сильный Дар.

— Вряд ли у меня будет сильный Дар. Скорее я буду как моя мать.

Анна-Лиза редко ошибается, но тут она попала точно в цель. Я беру ее руку и целую.

— Нет, у тебя будет сильный Дар.

Анна-Лиза слегка краснеет.

— Интересно, а что будет у тебя? Иногда ты кажешься диким и безумным, и тогда я думаю, что ты будешь таким, как твой отец. Но ты можешь быть добрым и нежным, и тогда я уже не так уверена... может, ты будешь похож на свою мать. Но у тебя это будут точно не зелья.

Мы продолжаем встречаться раз в неделю весь учебный год, всю зиму, весну и начало лета. Мы осторожны: проводим вместе совсем немного времени и меняем дни. В каникулы мы не видимся.

Я глажу волосы Анны-Лизы, смотрю, как они текут у меня меж пальцев. А она разглядывает кожу у меня на руке, разглаживает ее кончиками пальцев. Она говорит, что по линиям на моей ладони она может прочитать мое будущее.

Она говорит:

— Ты будешь сильным колдуном.

— Да? И насколько сильным?

— Исключительно сильным. — Она опять гладит мою руку. — Да, это ясно. Я вижу это вот по этим линиям. У тебя будет очень необычный Дар. Мало кто таким обладает. Ты сможешь превращаться в животных.

— Звучит здорово. — Я отбрасываю ее волосы со лба, отпускаю их и смотрю, как они струятся.

— Но только в насекомых.

— Насекомых? — Я оставляю ее волосы в покое.

— Ты будешь превращаться только в насекомых. Особенно хорошо в навозных жуков.

Я фыркаю.

Она продолжает разглаживать мою ладонь.

— Ты неистово полюбишь одного человека.

— Точно человека, а не навозного жука?

— Человека. И этот человек будет любить тебя всегда, даже когда ты будешь навозным жуком.

— А какой он, этот человек?

— Этого я не вижу... на этом месте как раз прилип кусочек грязи.

И я глажу ее по щеке тыльной стороной пальцев. Она сидит тихо и позволяет мне прикасаться к ней. Мои пальцы скользят по ее щекам, гладят ее вокруг рта, по подбородку, спускаются вдоль шеи и снова возвращаются по щекам ко лбу, а оттуда один палец медленно соскальзывает вдоль ее носа через кончик к губам и там замирает. И тогда она целует его. Раз. Другой. А я наклоняюсь к ней и убираю палец лишь тогда, когда его место занимают мои губы.

И тут мы прижимаемся друг к другу, и мои губы, руки, моя грудь, бедра, все, что во мне есть, стремится ей навстречу,

Я не вынесу, если придется отнять губы от ее кожи.

Кажется, что прошло всего несколько минут, но, когда мы, наконец, отрываемся друг от друга, темнеет.

Когда мы прощаемся, она берет мою руку и целует мой указательный палец, так что я кожей чувствую прикосновение ее губ, языка и зубов.

Мы договорились встретиться через неделю. Следующий день тянется вечность. Дальше — хуже. Я не знаю, что с собой делать; все, что я могу, — ждать. Все мое тело болит от желания видеть ее. Кишки сводит.

Наконец подползает утро того дня, когда мы договорились встретиться, и медленно-медленно приближается полдень.

Я жду ее на плите из песчаника, лежу на спине и прислушиваюсь, не раздадутся ли шаги Анны-Лизы. Я реагирую на каждый звук и, едва заслышав, как она поднимается вверх по склону, перекатываюсь набок и сажусь. Ее светлая голова появляется из-за склона, я прыгаю со скалы вниз и приземляюсь на полусогнутые ноги, пальцами левой руки касаясь земли, а правую вытянув в сторону, — рисуюсь. Я выпрямляюсь и делаю шаг вперед.

Но что-то не так.

Анна-Лиза напугана... она в ужасе.

Я мешкаю. Подойти к ней? Или бежать? В чем дело?

Я озираюсь.

Наверное, все дело в ее братьях, но я их не вижу и не слышу. Неужели Совет... не может быть.

Я делаю шаг вперед. И тут рядом с Анной-Лизой появляется мужчина. Он был там все время, его рука лежала на плечах Анны-Лизы, он направлял ее по склону вверх, он держал ее, чтобы она не сбежала. И все это время его не было видно.

Киеран.

Старший брат Анны-Лизы высокий, как все в ее семье, но у него широченные плечи, и волосы не белые, а рыжеватые, редкие и очень коротко остриженные. Не сводя с меня глаз, он наклоняется к Анне-Лизе и тихо что-то говорит ей на ухо, я не слышу, что.

Анна-Лиза напряжена. Она отрывисто кивает в ответ на слова Киерана. Ее взгляд устремлен вперед, не на меня, вообще ни на что. Киеран снимает руку с ее плеча, и она, спотыкаясь, бежит вниз по склону.

ЧБ

Киеран отрезал мне пути к отступлению. Слева ко мне приближается Коннор; справа — Ниалл. Я бы мог набрать хорошую скорость, рванув вниз по склону, но Анна-Лиза не раз говорила мне, что Киеран очень быстро бежит. Чтобы очутиться на склоне, мне необходимо пробежать слева или справа от него, но если он так быстр, то...

Киеран ухмыляется и рукой манит меня к себе.

Нет, вперед тоже не имеет смысла.

Я поворачиваюсь и начинаю карабкаться вверх по склону из песчанника. Я ведь не раз лазал по нему раньше и знаю на нем каждый уступ и каждую выбоину. Хоть с завязанными глазами залезу. И Киеран не поймает меня, ведь он стоит ниже по склону. Но несколько секунд промедления дали Ниаллу и Коннору преимущество, так что, когда я взбираюсь на самый верх, Коннор уже бежит мне навстречу с протянутыми руками: упершись ими в мою грудь, он толкает меня вниз с обрыва.

Падая на спину, я переворачиваюсь в воздухе и оказываюсь на голой земле на том же месте,

в той же самой позе, в какой стоял там несколько секунд назад. Это было удачное приземление, и мне остается только рвануть вниз по склону холма. Но, едва я успеваю оторвать руку от земли, как в меня сбоку врезается ботинок, мой желудок подлетает к гортани, и я без дыхания падаю лицом вниз.

Киеран своими здоровенными черными ботинками скребет землю рядом со мной, взрывает пыль и швыряет ее мне в лицо. Я пробую ползти. И тут же получаю пинок под ребра. И еще один. Он намеренно не задевает ботинками мое лицо, останавливается и придавливает мне голову, вжимая меня в песок.

— Сядь ему на ноги, — велит Коннору Киеран. — А ты держи ему руки, Ниалл.

Тот садится мне на голову, хватает мои руки и прижимает их к земле своими ногами и ладонями. Под его потной задницей нечем дышать. Я ничего не могу поделать. Кроме серой шерсти штанов мне ни черта не видно, и я только слышу, как пыхтит Ниалл и нервно хихикает Коннор. Я не могу пошевелиться.

Киеран говорит:

— Знаешь, Коннор, что это такое?

Коннор недолго думает, потом отвечает:

— Охотничий нож.

Тут я начинаю дергаться, плевать и ругаться.

— Держи этого ублюдка крепко, Ниалл. Так вот, это французский охотничий нож. Отличные ножи делают французы. Погляди на его лезвие.

Как оно красиво уходит в рукоятку. Отличный дизайн. Швейцарцы любят набивать свои ножи всякими прибабасами, а ведь все, что нужно, — это хороший клинок.

Я слышу, как лопается моя футболка, чувствую, как по спине прокатывается волна прохлады. И снова начинаю вырываться и сыпать проклятиями.

— Держи его крепко и заткни ему рот этой половой тряпкой.

Ниалл подтягивает ноги, чтобы намертво оседлать, сует мне в рот кляп из моей же футболки, а я пытаюсь укусить его, но тут лезвие ножа начинает щекотать мне спину, я пробую увернуться от него, но Киеран не позволяет, а потом останавливает его на середине моей левой лопатки.

— Начну, пожалуй, отсюда. Будем считать, что эта половина у него Черная.

И острие ножа входит внутрь. Боль медленно разрезает мне спину сверху донизу, я ору и матерюсь, но футболка во рту гасит все звуки.

Киеран шипит мне в ухо:

— Ниалл говорил тебе, держись подальше от нашей сестры, ты, Черный кусок дерьма.

Он опять втыкает острие ножа в мою левую лопатку, и я, стискивая зубы, визжу, пока он делает еще один надрез.

Он снова останавливается и говорит:

— Зря ты его не послушал.

И медленно делает еще один надрез.

А я схожу с ума, вопя и умоляя, чтобы кто-нибудь его остановил.

Но он все режет и режет, а я могу только визжать и молиться.

— Сделаем перерыв.

Все молчат. Только у меня в голове дикий звон. И еще я слышу нашептывание молитвы. Пожалуйста, кто-нибудь, пожалуйста, сделайте так, чтобы он не продолжал.

Киеран говорит:

— Красиво, правда, Коннор? Хорошо смотрится.

Я перестаю молиться и слушаю.

Коннор не отвечает.

Ниалл говорит:

— Киеран, кровь из него так и течет. — Голос у него взволнованный.

— Ох, чуть не забыл. Спасибо, что напомнил мне, Ниалл. Я же захватил из лагеря порошок. — Его голос звенит у меня в ушах: до меня вдруг дошло, о чем он говорит. — У нас его называют Возмездием.

Моя молитва становится еще громче: пожалуйста, не дайте ему это сделать, пожалуйста.

— Он останавливает кровь. Нельзя допустить, чтобы все Черные Колдуны истекли кровью до смерти. Правда, я слышал, что порошок слегка жжет. Вот это мы сейчас и проверим, да?

И тут я начинаю умолять. Про себя, конечно, но все же я умоляю. *Не надо, пожалуйста, пожалуйста, нет, нет, нет...*

— Эй. Просыпайся.

Дышать уже легче. Ниалл слез с моей головы. Футболки во рту тоже нет.

— Просыпайся.

Черный ботинок, начищенный, но с при- ставшими к нему песчинками и мелкими брыз- гами крови — вот что я вижу. Я снова закрываю глаза.

Киеран шепчет мне прямо в ухо, он наклоняет- ся так близко, что я чувствую его дыхание.

— Как самочувствие? Порядок?

Мне страшно.

Боль в спине притупилась. Но больше истяза- ний я не вынесу. Я отдам все, что угодно, лишь бы он прекратил пытку. Я бы встал на колени и умо- лял, и про себя я так и делаю, я говорю: *Пожалуйста, не надо больше. Пожалуйста.* Я не могу это выговорить, слова застревают у меня в горле, но про себя я умоляю его: *Пожалуйста, не надо больше.*

— Да ты плачешь. Эй, Ниалл! Коннор! Он плачет.

Молчание.

— Как, по-твоему, он готов просить прощения, Коннор? За то, что избил тебя?

Коннор что-то бормочет.

— Может быть. Но я не уверен. А ты, Ниалл?

— Да. — Я едва слышу Ниалла. Голос у него злой.

— О'кей... Ну, ладно. — И Киеран снова накло- няется к моему уху и шепчет:

— Так ты просишь прощения за то, что избил моих сопляков-братцев?

Мне хочется сказать «да». Мне очень хочется сказать это. Про себя я так и говорю. Но из моего рта не вылетает ни звука.

— А за то, что встречался с моей сестрой, ты готов просить прощения?

Как я ненавижу его за все мои слезы, крики и мольбы.

— Чем еще ты с ней занимался?

Я хочу, чтобы он знал, что мы делали вместе, но ни за что не скажу ему этого, никогда.

— Что-то ты, по-моему, еще не готов... а?

Я не готов. Я не стану просить прощения. Я настолько переполнен ненавистью, что уже ни о чем не жалею.

— Ну, тогда давай попробуем снова. С другой стороны. Здесь, наверное, твоя Белая половина.

Футболку снова запихивают мне в рот, и я чувствую, как лезвие скользит вдоль правой стороны моей спины, близко к хребту. Все надрезы, которые он сделал до сих пор, были на левой стороне, и я понимаю, что ждет меня дальше.

Мне больно, когда он режет, но думаю я только о порошке. Вот что по-настоящему страшно. Но Киеран не торопится...

— Просыпаемся, просыпаемся... — Шлепок по щеке. — Уже почти закончили. Остался последний кусочек, мой самый любимый. Приятное принято приберегать на последок, ведь так?

Я уже перестал думать; молиться тоже перестал, давным-давно. Я смотрю на песок. Крошечные гранулы, оранжевые, кирпично-красные, красные и даже совсем крошечные, черные.

— Хочешь присыпать его порошком, Ниалл?

— Нет.

— Нет? Ну, тогда ты, Коннор.

— Киеран. — Голос у Коннора совсем тихий. — Я...

— Заткнись, Коннор! Бери порошок и сыпь.

Киеран садится недалеко от меня на колени и шепчет:

— И смотри, чтобы этого больше не было, ты, Черно-Белый мешок дерьма, не то в следующий раз поймаю тебя и, прежде чем выпотрошить, отрежу тебе яйца.

А я ненавижу его, проклиная его и ору в футболку.

Стемнело. Земля подо мной холодная. И я внутри тоже весь холодный, только спина в огне. Я почти не могу двигаться, но огонь надо погасить. Я катаюсь по земле. Кто-то кричит; где-то далеко.

Крики...

Голос Аррана...

Деревья, как часовые, только они маршируют мимо.

Чернота.

— Натан? — тихо шепчет Арран мне в ухо.

Я открываю глаза и вижу перед собой его лицо. Кажется, мы в кухне.

Я лежу на столе. Как цыпленок, поданный к обеду. Бабушка стоит ко мне спиной; делает соус. Дебора подносит чашку, над которой клубится пар. Может быть, в ней вареный картофель.

— Все будет в порядке. Все будет в полном порядке, — приговаривает Арран. Голос у него какой-то странный.

Дебора ставит чашку рядом со мной, и я вижу, что в ней не картофель. Мне становится страшно, очень страшно. Сейчас она будет трогать мою спину. И я умоляю Аррана не дать им прикоснуться ко мне.

— Надо очистить порезы. Ты будешь в порядке. Все будет в порядке.

А я все умоляю его не дать им прикасаться ко мне. Только слова, кажется, не рождаются в моем горле.

Он крепче сжимает мою руку.

Я снова просыпаюсь. Все еще лежу на столе, как цыпленок. Рука Аррана крепко держит мою. Спина горячая внутри, но холодная снаружи.

Арран тихо шепчет:

— Натан?

— Побудь со мной, Арран.

Солнце пригревает мне лицо. Кожа на спине туго натянута, боль отдается в ней в такт ударам пульса. Я боюсь пошевелить чем-нибудь, кро-

ме пальцев. Арран по-прежнему держит меня за руку.

— Натан?

— Воды.

— Поворачивай голову очень медленно. Я положу соломинку тебе в рот.

Моргая, я открываю глаза. Я лежу на своей кровати наискось, моя голова свешивается с матраса. Внизу стакан воды и длинная соломинка.

Попив, я ненадолго забываюсь сном, но тут же просыпаюсь от урчания в животе. Меня тошнит в таз, который оказался на месте стакана, мне очень страшно, потому что каждый позыв рвоты отзывается сильной болью в спине.

Когда я просыпаюсь в следующий раз, Арран все еще сидит рядом со мной. Он говорит:

— Бабушка сделала для тебя напиток. Сказала, чтобы ты пил его маленькими глотками.

Вкус у него отвратительный. Должно быть, в него подмешали снотворное снадобье, потому что я засыпаю и просыпаюсь только следующим вечером.

Я шевелю пальцами, но Аррана рядом нет. В комнате темно, но я вижу его силуэт на кровати; он спит. В доме тихо, но из-за двери раздаются приглушенные голоса, и я поворачиваю голову в ту сторону, стараясь разглядеть в неплотно прикрытую дверь, кто там. Бабушка стоит на площадке лестницы с Деборой. Они раз-

говаривают, и я напрягаюсь, чтобы расслышать, о чем, но потом вдруг понимаю: они не говорят, они плачут.

Наутро я снова просыпаюсь от жажды. Стакан воды стоит внизу; хорошо, что не надо больше пить снадобье. Я жадно высасываю воду через соломинку, издавая хлюпающие звуки, когда вода кончается.

— Тебе следовало пить небольшими глотками.

Я слегка приподнимаю голову и вижу Аррана, он сидит на своей кровати, свесив ноги и прислонившись к стене, лицо у него бледное, под глазами темные круги.

— Как себя чувствуешь?

Я задумываюсь и поворачиваю голову. Кожа на спине все еще стянута.

— Лучше. А ты?

Он трет ладонями лицо и отвечает:

— Устал немного.

— Хорошо хоть ты не плачешь, — говорю я. — Никогда еще не видел, чтобы бабушка плакала.

Я снова сосу через соломинку, хотя в стакане уже ничего не осталось, потом перевожу на него взгляд и спрашиваю:

— Что, так плохо?

Он отвечает на мой взгляд.

— Да.

Некоторое время мы молчим.

— Ты меня искал?

— Когда стало поздно, я пошел искать тебя в лесу; было около десяти. Там тебя не было, я прочесал все закоулки. В полночь позвонила Дебс. Кто-то сообщил ей, где ты. Она думает, что это был Ниалл.

Я рассказываю Аррану о том, что случилось, и о моих встречах с Анной-Лизой.

Он не отвечает, и я спрашиваю:

— Думаешь, я свалил дурака, что встречался с ней?

— Нет.

— Правда?

— Вы ведь друг другу нравитесь. Она добра с тобой и... ну, ты знаешь... она красивая.

Мы снова молчим.

— Обещай, что больше не будешь с ней видеться.

Я смотрю в пол и думаю об Анне-Лизе: о ее улыбке, о ее глазах и о том взгляде, который застыл у нее на лице, когда я видел ее в последний раз.

— Натан. Обещай мне.

— Я же не дурак.

— Обещай.

— Я обещаю тебе, что не буду дураком. — Но смотрю я в пол.

Арран соскальзывает со своей кровати и садится рядом со мной на пол. Он нежно убирает волосы с моего лица и целует меня в лоб со словами:

— Пожалуйста, Натан. Я этого не вынесу.

Мои раны заживают быстро, даже если учесть, что я сын колдуна и колдуньи, и все же проходит целых пять дней, прежде чем мне снимают повязки. Я стою в ванной комнате, спиной к большому зеркалу и смотрю на себя в бабушкино зеркальце. Арран спросил меня на второй день, объяснил ли Киеран, что он делает. Тогда я понял, что это были не просто порезы.

Шрамы идут от лопаток до поясницы: на левой стороне буква «Ч», на правой — «Б».

ПОСТ-ТРАВМА

Я знаю, что мне надо держаться подальше от Анны-Лизы. Я же не дурак; я не буду пытаться увидеть ее снова, по крайней мере, в ближайшее время, но мне надо знать, в порядке ли она.

С тех пор как Дебора закончила школу, у нее не было никаких контактов с Ниаллом, кроме того звонка. Но даже общайся они регулярно, я все равно не поверил бы тому, что сообщил бы о ней Ниалл. Я прошу Аррана передать ей кое-что. Он говорит мне, что Ниалл предупредил его: «С тобой будет то же, что с твоим братом, если сунешься к ней». Сомневаюсь, чтобы Ниалл сказал «с братом», но мне все ясно, и я говорю Аррану, чтобы он забыл о моей просьбе.

Арран говорит:

— Не вини себя.

А я и не виню. Виноват Киеран и его тупые братцы.

И я знаю, что Анна-Лиза думает так же, она знает, что я никогда не хотел для нее проблем... но я облажался. По наивности. Я знал, что мы оба попадем в серьезную беду, если нас выследят, и не обращал на это внимания. Но и она тоже.

Бабушка сидит у моей кровати и стирает с моей спины мазь.

Она проводит пальцами по шрамам, и я поднимаю руку и тоже трогаю их. На ощупь они как неровные, шероховатые бороздки.

Бабушка говорит:

— Хорошо зажили. Выглядят так, как будто им уже несколько лет.

Я сгибаю спину, наклоняюсь вперед, вожу лопатками. Не болит; и ощущение, как будто не хватает кожи, тоже пропало.

— Часть работы сделали мази, остальное — ты сам. Твое тело учится самоисцелению.

У ведьм все заживает быстрее, чем у фейнов. У некоторых даже намного быстрее. Кое у кого вообще мгновенно. И я знаю, что бабушка права. Чувствую я себя отлично. Легкий такой зуд в спине...

Но вот исцеление закончено. Впервые с тех пор, как бабушка перестала накладывать мне мазь, я могу лежать в постели не только на боку, но и в любом другом положении. Это здорово, но улучшение длится недолго. Меня вдруг прошибает пот, а головная боль, на которую я уже давно стараюсь не обращать внимания, нарастает так стремительно, что, кажется, череп вот-вот лопнет. Я иду в кухню попить воды, но от воды меня начинает мутить, и тогда я сажусь отдохнуть на ступеньку крыльца и сразу чувствую себя лучше. Я остаюсь сидеть там, прислонившись спиной к стене. Небо ясное, но шар

полной луны напоминает огромную гирю. Вокруг так спокойно и тихо, что я совсем не чувствую себя уставшим. Оглянувшись, я вижу свою тень, которая растянулась на полу кухни. Я захожу внутрь, чтобы взять из ящика стола нож, и тут же чувствую, как тошнота нападает с новой силой; стоит же мне шагнуть за порог, и я опять в полном порядке.

Я держу нож в руке, раздумывая, откуда лучше начать.

Кончиком ножа я делаю маленький надрез на подушечке указательного пальца. Слизываю кровь и изучаю надрез, раздвинув кожу. Снова выступает кровь, я снова ее слизываю, а потом смотрю на надрез и пытаюсь его зарастить.

Я внушаю: *Заживай!*

Но вновь течет кровь.

Я пытаюсь расслабиться, смотрю на луну, потом снова концентрируюсь на порезе, чувствуя, как саднит палец. Концентрируюсь. Думаю одновременно и о порезе, и о луне. Проходит вполне приличный отрезок времени. Но я уверен — что-то происходит; расплываюсь в улыбке, и ничего не могу с этим поделать. Чувствую зуд. Это даже весело. Я снова втыкаю острие ножа в кончик пальца.

Следующей ночью я ложусь спать, но, как только становится темно, тошнота снова наваливается на меня; я выхожу на улицу, и все приходит в норму. Я сплю в саду и возвращаюсь в спальню незадолго до пробуждения Аррана.

То же происходит и на третью ночь, но утром, когда я возвращаюсь, Арран уже одевается.

— Где ты был ночью?

Я пожимаю плечами.

— Ты не встречаешься с Анной-Лизой?

— Нет.

— Если да, то...

— Нет.

— Я знаю, она тебе нравится, но...

— Я же сказал, нет! Просто не мог заснуть. Было жарко, и я спал в саду.

Аррана не убеждают мои объяснения. Я выхожу и вижу на площадке лестницы Дебору: она расчесывает волосы и делает вид, что не подслушивала.

Когда мы сидим в кухне за завтраком, Дебора наклоняется ко мне и говорит:

— Вчера ночью не было жарко. Я думаю, тебе стоит побеседовать с бабушкой о том, что ты не спишь.

Я качаю головой.

И тогда Дебора во всеуслышаньи объявляет:

— Я тут читала про посттравматический стресс.

Арран закатывает глаза. Я ковыряю ложкой хлопья.

— Реакция на шок может наступить позднее. Кошмары и плохие воспоминания — ее типичные проявления. Гнев, обида...

Я посмотрел на нее как можно злее и запихнул в рот огромную гору хлопьев.

В разговор вмешивается бабушка:

— О чем это ты, Дебора?

— Натан пережил ужасную травму. Он не спит. Его все время бросает в жар и пот.

— Ага, понятно, — говорит бабушка. — Тебе снятся кошмары, Натан?

— Нет, — уверенно отвечаю я сквозь хлопья.

— Если у него кошмары и если он в самом деле страдает от стресса, то говорить об этом за завтраком не очень-то тактично, — замечает Арран.

— Я просто подумала, что бабушка могла бы дать ему снотворное, вот и все.

— Тебе нужно снотворное, Натан? — спрашивает Арран.

— Нет, спасибо, — говорю я, набивая рот едой.

— Ты хорошо спал прошлой ночью, Натан? — с дурашливой озабоченностью спрашивает Арран.

— Да, спасибо. — Я говорю сквозь хлопья.

— Но почему тогда ты не спал в своей постели, Натан? — спрашивает Дебора, переводя взгляд на меня.

Я перемешиваю хлопья в чашке. Арран глядит на Дебору со злостью.

— Ты, случаем, не ходишь на свидания с Анной-Лизой? — спрашивает бабушка.

— Нет! — Хлопья разлетаются по столу.

Бабушка смотрит на меня внимательно.

Почему мне никто не верит?

— Ты так и не ответил, почему не спал в своей постели прошлой ночью, — напоминает Дебора.

— Мы все знаем, что он любит спать на улице, Дебора, — говорит Арран.

Я с размаху ударяю по столу ложкой.

— Я не спал в своей постели потому, что мне было плохо! И все! Понятно?

— Но это же... — начинает Дебора.

— Пожалуйста, замолчите. Все, — перебивает ее бабушка. — Пальцами она трет себе лоб. — Мне надо вам кое-что сказать. — Потом протягивает руку в сторону и кладет ладонь мне на плечо. — Ходит много разных слухов о Черных Ведьмах и их особой связи с ночью.

Я поднимаю на нее глаза и ловлю ее взгляд; пусть старый, но серьезный и озабоченный, устремленный прямо на меня. *Связь с ночью Черных Ведьм?* Неужели она думает, что, раз я поспал на улице пару ночей, так я уже Черный Колдун?

Я вырываю у нее свою руку и встаю.

— Но ведь Натан же не Черный... — возражает Арран.

— Рассказывают также и об их слабости, — продолжает бабушка. — Некоторые из Черных вообще не могут оставаться ночью под крышей. Это, конечно, разговоры. Но это не значит, что в них совсем нет правды. — Бабушка снова трет лоб. — Если запереть их в доме на ночь, они сходят с ума.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

Арран смотрит на меня и качает головой.

— Нет, с тобой такого не будет.

Бабушка продолжает:

— Одну из таких историй я вам сейчас расскажу. Натану надо ее знать.

Я тем временем уже забился в угол кухни. Дебора поднимается из-за стола, подходит и встает рядом со мной. Обняв меня одной рукой, она прижимается ко мне и шепчет:

— Прости меня, Натан. Я не знала. Не знала.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК УМЕРЛА САБА

Саба была Черной Ведьмой. Она убила Охотника и пустилась в бега. Вирджиния, предводительница Охотников, и ее отборный отряд преследовали ее по пятам. Они гонялись за ней по всей Англии, по деревням, лесам и городам и были уже совсем близко.

Саба выбилась из сил, и отчаяние вынудило ее спрятаться в погребе большого дома на краю деревни. Должно быть, она и впрямь дошла до предела, иначе она бы не стала прятаться. Прятаться от Охотников бесполезно. Она должна была знать, что ее все равно найдут. Так и случилось. Охотники обнаружили дом и окружили его. Бежать Сабе было некуда. Кое-кто из Охотников предлагал взять погреб приступом, но Вирджиния не хотела терять своих людей. Вход в погреб был только один — через откидной люк в полу, и Вирджиния приказала завалить его чем-нибудь и оставить так на месяц, а через месяц Саба либо умрет, либо так ослабеет, что ее можно будет взять голыми руками.

Вирджиния знала, что не всем ее Охотникам нравится этот приказ. Многие хотели мести,

славы, быстрой кончины Сабы и этой охоты. Поэтому Вирджиния выставила у погребка охрану: следить, чтобы Саба не выбралась наружу и чтобы никто из ее людей не нарушил приказ и не попытался проникнуть внутрь.

Настала ночь, Охотники легли спать, кто в доме, кто в саду. Но уснуть никто так и не смог, потому что, едва стемнело, из погребка по-неслись ужасные вопли.

Охотники бросились к люку в полу, уверенные, что один из них нарушил приказ Вирджинии, пробрался в погреб, и теперь его мучает Саба. Но нет, стража по-прежнему стояла у заблокированного выхода. Крики из погребка неслись до самого рассвета. Охотники пытались заснуть, клали себе на головы подушки и затыкали уши клочками ткани, вырванными из одежды, но ничего не помогало — пронзительные вопли проникали им прямо в мозг. Каждому из них казалось, что это кричит он сам.

К утру Охотники совсем измучились. Это были крепкие мужчины и выносливые женщины, но они давно уже гонялись за Сабой по городам и весям, а эта ночь их окончательно измотала.

На вторую ночь вопли возобновились, и снова никто не уснул.

Так продолжалось ночь за ночью, так что к концу первой недели Охотники перессорились и разве что не дрались друг с другом. В результате один пырнул другого ножом, а кто-то и вовсе сбежал. Вирджиния была на пределе: она

тоже не могла спать, а ее отборный отряд разваливался прямо у нее на глазах. На восьмую ночь, едва вопли раздались снова, она бросилась к погребу и, вне себя от ярости, принялась расшвыривать баррикаду из мебели на его крышке. Другие Охотники стояли и смотрели, не зная, что думать. Конечно, им всем хотелось войти в погреб и прекратить эту пытку, но, видя, как их предводительница, обычно воплощенное спокойствие и самоконтроль, в ярости царапает ногтями крышку погреба, они даже испугались: а не сошла ли она с ума?

Но вот один из них набрался храбрости, подошел к Вирджинии и напомнил ей, что она сама приказала держать Сабу в погребе месяца, а прошла всего неделя. Вирджиния оттолкнула его со словами, что готова рискнуть и своей жизнью, и их тоже, только бы прекратить эту пытку.

Отбросив крышку погреба, Вирджиния первая спустилась в люк, Охотники за ней.

В погребе было темно. Светя себе фонариком, Вирджиния пробиралась между стоявшими повсюду ящиками, коробками, старыми креслами, бутылками с вином и мешками с картофелем. Наконец она дошла до двери, которая вела в другую комнату. Вопли доносились оттуда. Охотники шли следом за Вирджинией.

Сначала им показалось, что во второй комнате пусто. Наконец в самом дальнем углу они разглядели кучу тряпья.

Вирджиния подошла к ним, разбросала тряпки и под ними увидела Сабу. Едва живая, она совершенно обезумела и не переставала кричать. Ногтями она изорвала себе лицо, на котором не осталось живого места. Говорить она не могла, так как отгрызла себе язык. Но кричать не переставала.

Вирджиния могла бы убить ее на месте, но решила, что Сабу надо доставить в Совет на допрос. Саба была полумертвой, но она была сильной Черной Ведьмой, и Вирджиния велела связать ее, прежде чем выносить наружу.

Была полночь, но от полной луны снаружи было светло почти как днем. Едва Охотники вынесли безжизненное тело Сабы из дома, как та застонала, а потом начала извиваться. Слишком поздно Вирджиния поняла, что сила Сабы вернулась к ней, как только она оказалась на открытом воздухе. Из рта Сабы вырвался язык пламени и сжег двух Охотников, которые ее несли. Она упала на землю и огнем пережгла свои пути. Вирджиния схватила пистолет и выстрелила Сабе прямо в грудь, но у той еще достало сил вцепиться в Вирджинию мертвой хваткой и сжечь ее тоже. Столб пламени охватил их обеих, когда сын Вирджинии, Клей, выстрелил Сабе в шею. Она упала, безмолвная и бездыханная, на лужайку перед домом.

Вирджиния скончалась от ожогов, а ее сын, Клей, стал предводителем Охотников. Он командует ими и теперь.

Бабушка трет лицо ладонями и говорит:

— Эту историю рассказала мне одна Охотница много лет назад. Дело было на поминках ее партнерши, тоже Охотницы. Девушка была пьяна и очень горевала. Я вывела ее из дома, дала ей успокаивающего настоя. Мы сели на траву и говорили.

Она рассказала мне, что ее партнерша и была той самой Охотницей, которая сбежала. Клей выследил ее и приказал казнить. Эту девушку, ту, которая напилась, заставили выстрелить в нее.

Дебс качает головой:

— Все они чудовища. Охотники сами не лучше...

— Дебора! Не говори так! — перебивает ее Арран.

Я спрашиваю:

— Кто такая Саба?

Бабушка переводит дыхание и отвечает:

— Саба была матерью Маркуса.

Почему-то я не удивлен. Оттолкнув Дебору, я выхожу из кухни и сажусь на ступеньку крыльца.

Арран выходит и садится рядом со мной. Он придвигается ближе и говорит:

— Это ничего не значит.

— Саба была моей бабкой.

— Но это не значит, что ты такой же, как она.

Я качаю головой.

— То же происходит и со мной, Арран. Я же чувствую. Я — Черный Колдун.

— Это твое тело, а не ты сам. Твое настоящее «я» не имеет никакого отношения к этому. В тебе

есть гены Маркуса и гены Сабы. Но это физиология. А Черными Колдунами становятся не из-за физиологии, не из-за генов и даже не из-за Дара. Ты должен в это верить. Только твои мысли и твои поступки показывают, кто ты. Ты не злой, Натан. В тебе нет зла. У тебя будет сильный Дар — мы все это видим, — но только от того, как ты используешь его, будет зависеть, хороший ты будешь или плохой.

Я почти верю ему. Я не чувствую себя злым, но я боюсь. Мое тело ведет себя так, что я его не понимаю и не знаю, что еще оно выкинет. Впечатление такое, что оно действует по собственной воле и толкает меня на путь, по которому я должен пойти. Ночная дрожь гонит меня прочь из дома, прочь из моей привычной жизни. И шумы в голове тоже как будто изолируют меня от людей.

Каждый раз, когда Джессика говорила, что я наполовину Черный, бабушка добавляла:

— И наполовину Белый. — И я всегда думал, что гены моего отца и моей матери смешались во мне, а оказалось, что все не так: тело у меня от отца, а дух — от матери. Возможно, Арран прав, и в душе я не злой, но мне придется учиться жить с телом, которое выкидывает странные штуки.

В то же утро я уезжаю на два дня в Уэльс. Спать на воле и кормиться с земли приятно, и мне спокойно впервые после разговора с Арраном, как будто я уже понял, кто я и откуда. На самом деле я всего лишь по-иному взглянул на вещи, не бо-

лее того, зато я смог понаблюдать за своим телом и узнать, на что оно способно. Я наблюдаю за ним почти беспрерывно, ставлю над ним опыты, оцениваю его способность к самоисцелению, сравнивая, как влияет на жизненные процессы ночь.

Я провожу в Уэльсе день, другой, третий. Нахожу заброшенный амбар и пробую спать в нем, обнаруживаю, что луна влияет на мое самочувствие. В полнолуние я совсем не могу оставаться под крышей, через час после наступления темноты меня начинает лихорадить и выворачивать наизнанку. Когда луна молодая — в амбаре не так уж и плохо, я чувствую себя прилично, вот только подташнивает немного. Полная луна усиливает мои способности. Я прихожу к такому выводу, экспериментируя с порезами на руке. На молодой луне порез заживает в два раза дольше, чем точно такой же при полной луне.

Дни следуют один за другим, и я узнаю о себе все больше нового, но отлично понимаю, что не смогу поделиться этими знаниями ни с кем, даже с Арраном. Все, что касается Черных, должно храниться в тайне, а я больше ни на процент не сомневаюсь, что у меня тело Черного Колдуна.

МЭРИ

В Уэльсе я провожу больше месяца. Мне приятно изучать свое тело и в то же время стыдно. Почему-то мне кажется, что мой отец все время смотрит на меня. И видит все, что я делаю. Он, как истинно мудрый человек, довольно покачивает головой всякий раз, когда я открываю в себе что-то новое, одобрительно улыбается, когда я ловлю кролика, снимаю с него шкурку, чтобы зажарить и съесть. Точно так же он хмурится, когда я принимаю неправильное решение: замерзаю, когда не удается найти надежное укрытие в холодную погоду, или совершаю недостаточно длинный прыжок. Он — невидимый судья каждого моего поступка, и со дня на день я жду, что он вот-вот появится.

Но он так и не приходит. Иногда я думаю: может, это потому, что я наполовину Белый, недостаточно Черный? Но потом я говорю себе, что это еще не настоящие испытания; настоящей проверкой окажется, смогу ли я найти к нему дорогу.

До моего пятнадцатого дня рождения три недели; сидеть в Уэльсе больше нельзя, но и идти

на новое Освидетельствование страшно. Я уверен, Совет увидит, что происходит с моим телом, как оно меняется, и мой код вряд ли останется по-прежнему неопределенным. Никто не говорил мне, что будет со мной, если Совет решит изменить мой код на Черный, но, поскольку Черных Ведьм в Англии ловят или убивают на месте, я и так представляю себе, что меня ждет.

Надо уходить. Но сначала надо увидеть Аррана. Через неделю его семнадцатый день рождения, и я хочу быть с ним на его Дарении. А потом я пойду искать отца.

В первое утро дома Дебора подает мне конверт, который пришел недели две назад. На нем мое имя. Я в жизни не получал ничего по почте. Уведомления всегда посылали бабушке. Я уверен, что и на этот раз там какой-нибудь новый указ Совета, но внутри оказывается карточка из плотной, белой бумаги, на которой что-то написано красивым почерком.

Я передаю его Аррану.

— Кто такая Мэри Уокер?

Я пожимаю плечами.

— Ей исполняется девяносто лет. Она приглашает тебя на свой день рождения.

— Никогда о ней не слышал, — говорю я.

— А ты ее знаешь, ба? — спрашивает Арран.

Бабушка хмурится и как-то осторожно кивает.

— И?

— Просто старая ведьма.

— Ну, это-то мы и сами сообразили, — говорит Арран.

— Она... я... я давно ничего о ней не слышала.

— Как давно?

— С юности. Она когда-то работала в Совете, а потом... стала немного странной.

— Странной?

— Необычной.

— То есть спятила.

— Ну... стала странно вести себя, бросалась обвинениями направо и налево. Сначала все думали, что она вредит только самой себе, потом стало ясно, что она сошла с ума. Она то ли танцевала на совещании, то ли пела любовные серенады Главе Совета. В общем, ее выгнали с позором. Мало кто сочувствовал ей тогда.

— А зачем она пригласила Натана к себе на день рождения?

Бабушка не отвечает. Перечитав приглашение, она опять берется за чайник.

— Так ты пойдешь? — спрашивает Арран.

Бабушка держит в руках пустой заварочный чайник. Я говорю:

— Чокнутая старая ведьма. Никого больше не пригласила. Я ее не знаю, и вообще без разрешения Совета мне никуда ходить не положено. — Я улыбаюсь Аррану. — Так что, без сомнения, я иду.

Бабушка отставляет чайник, так и не налив в него воды.

День рождения через четыре дня. За это время я не узнаю ничего нового о Мэри от бабушки, которая, стоит мне завести о ней разговор, тут же заставляет меня повторять инструкции, которые Мэри написала на обороте карточки. Там крохотная карта с указаниями времени, в которое я должен быть в том или ином месте. Бабушка говорит, что я должен следовать им буквально.

Я отправляюсь в путь ранним утром дня рождения и начинаю с железнодорожной станции нашего городка. Там я сажусь сначала в один поезд, потом в другой, потом в автобус и еще в один автобус. Путешествие получается длинным, и хотя я мог бы уехать двумя автобусами раньше, но инструкции мне даны четкие, и я им следую.

Потом я долго иду пешком. Дойдя до определенного места в лесу, жду, когда пройдет достаточно времени, и только потом перебираюсь на следующее, где вновь жду «своего» времени, чтобы двинутся дальше. Лес тут — настоящая чащоба, и, чем дальше я продвигаюсь, тем тише становится вокруг. В ожидании последнего перехода я понимаю, что в голове у меня больше не шумит, а вокруг благодатная тишь. Раздумывая о том, каких именно шумов я больше не различаю, я едва не пропускаю время. Но мне все же удастся соблюсти расписание, и вскоре я выхожу к ветхому дому посреди поляны.

Слева перед ним что-то клюют куры, грядки с овощами, справа журчит ручей. Я сворачиваю направо зачерпнуть воды. Она чистая и сладкая.

Мелководный ручей совсем узкий, так что мне не надо даже делать шире шаг, чтобы перешагнуть через него. Я обхожу вокруг дома: он такой ветхий, что задняя стена уже почти отвалилась, и заглядываю в спальню, где гуляет курица. Я продолжаю обход, пока не нахожу зеленую деревянную дверь, в которую стучу легонько, чтобы она, чего доброго, не отвалилась из-за ветхости.

— Что за радость сидеть дома в такой славный денек?

Я поворачиваюсь на голос.

Его сильные, молодые звуки совсем не вяжутся с горбатой старой ведьмой в мятой широкополой шляпе, мешковатом джемпере крупной вязки, в потертых, дырявых джинсах и покрытых грязной коркой резиновых сапогах.

— Мэри? — Я не совсем уверен в этом, меня сбивают с толку редкие седые усы.

— Зато нет нужды спрашивать, кто ты такой. — Что ж, голос точно женский.

— С днем рождения. — Я протягиваю ей корзинку с подарками, но она даже не пытается ее взять.

— Это подарки. Для вас.

Она по-прежнему молчит.

Я опускаю корзинку.

Она издает звук, напоминающий то ли кашель, то ли смех, отчего по подбородку у нее начинает течь слюна, и тут же привычным жестом утирается рукавом.

— Что, никогда не видел старой ведьмы?

— Не часто... одним словом — нет...

Она всматривается в меня пристальнее, и я прекращаю мямлить.

Ее спина согнута почти вдвое, так что ей приходится запрокидывать голову, чтобы смотреть на меня.

— Может, ты и не совсем такой, как твой отец, хотя сначала я так о тебе и подумала. Но внешне ты все же на него похож.

— Вы его знаете... в смысле... вы встречались?

Не обращая внимания на мой вопрос, она берет у меня корзинку.

— Это мне? Подарки?

Прикидывается, будто плохо слышит, хотя, похожему, со слухом у нее все в порядке.

Она подходит к ручью и опускается на небольшой травяной холмик. Я сажусь рядом, она вытаскивает из корзины баночку джема.

— Слива?

— Яблоко и ежевика. Из нашего сада. Бабушка варила.

— Старая сука.

У меня отвисает челюсть.

— А это? — В руке у нее большой глиняный горшок, запечатанный воском и перевязанный ленточкой.

— Мммм... мазь, для суставов, чтобы не болели.

— Да! — Она ставит горшок на траву и уточняет: — Это точно — мази у нее всегда были превосходные. Надо полагать Дар у нее такой же сильный, как и прежде?

— Да.

— Корзинка тоже славная. В доме не бывает слишком много корзин, вот что я тебе скажу. — Она рассматривает корзинку, вертя ее то так, то эдак. — Если за сегодняшний день ты ничему больше не научишься, запомни хотя бы это.

Я глупо киваю и опять бормочу свой вопрос:

— Вы видели Маркуса?

Не обращая на меня внимания, она достает из корзинки последний подарок: скрученный лист бумаги, аккуратно перевязанный тонкой полоской кожи, которую она снимает и кладет обратно в корзинку, приговаривая:

— Ох и везет мне сегодня. Давненько у меня такого урожайного дня рождения не было... ох давненько.

Мэри разворачивает бумагу: это рисунок пером, я нарисовал для нее деревья и белок. Она долго разглядывает его, потом говорит:

— По-моему, твой отец любит рисовать. У него талант, и у тебя тоже.

Очень интересно? Откуда она об этом знает?

— Вежливые люди отвечают «спасибо», когда им говорят комплимент.

Я бормочу:

— Спасибо.

Мэри улыбается.

— Хороший мальчик. Ну а теперь выпьем чаю с тортом... девяносто свечей — это интересно.

Через какое-то время мы сидим на той же траве с чаем и именинным тортом. Свечки — ровно девяносто — отсчитывала Мэри, а ставил на небольшой вишневый торт я, и до сих пор не могу понять, как они туда поместились. Буркнув какое-то заклинание, Мэри щелкнула пальцами, и свечи зажглись. Потом она дунула, но из ее рта вылетело больше слюны, чем воздуха, и мне пришлось тушить непогасшие свечи кухонным полотенцем. За все это время я не узнал от Мэри ничего, кроме того, что именно она кладет в пирог, где хранит запас свечей и как ей хочется, чтобы кто-нибудь, наконец, придумал заклинание, прогоняющее слизней с огорода.

Тогда я спрашиваю ее, почему она позвала меня на свой день рождения.

Она говорит:

- Ну не сидеть же мне тут в одиночку, правда?
- Почему вы не позвали мою бабушку?

Мэри, причмокивая, делает большой глоток остывшего чая из своей чашки и звучно рыгает.

— Я пригласила тебя потому, что хотела поговорить с тобой, а бабушку твою не пригласила потому, что с ней мне говорить не о чем. — Она снова рыгает. — Да уж, хороший получился пирог.

— А о чем вы хотите поговорить?

— О Совете и о твоём отце. Хотя про него я мало что знаю. Зато я много знаю про Совет. Я там работала.

— Бабушка мне говорила.

Молчание.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

— Что ты знаешь о Совете, Натан?

Я пожимаю плечами:

— Мне приходится ездить к ним на Освидетельствования и выполнять их уведомления.

— Расскажи-ка.

Я излагаю факты.

Пока я говорю, Мэри молчит, только кивает да время от времени пускает слюну.

— Думаю, если я пойду на следующее Освидетельствование, меня убьют.

— Может быть... но, скорее всего, нет. Иначе они бы уже давно с тобой разделились. И если ты еще жив, то это не потому, что они такие добрые, уж поверь.

— А вы знаете, почему?

— У меня есть кое-какие догадки. — Она вытирает рукавом рот и хлопает меня по руке ладонью. — Скоро тебе надо будет уходить.

Солнце уже за деревьями.

— Да. Поздно уже.

Она вцепляется в мою руку своими кривыми пальцами, точно клешнями.

— Да не отсюда уходить. Тебе придется скоро уйти из дома. Найти Меркури. Она тебе поможет. Даст три подарка.

— Но мой отец...

— Найти отца даже не пытайся. Меркури тебе поможет. Она помогает Ведьмам, попавшим в беду. Конечно, не бесплатно. Но она тебе поможет.

— Кто такая Меркури?

— Одна Черная Ведьма. Старая Черная Ведьма. Ха! Считаешь *меня* старухой. *Она* — вот кто старуха! Но Дар у нее сильный, очень сильный. Она может контролировать погоду.

— Но как она может дать мне кровь? Она же мне не мать и не бабушка.

— Нет, зато она очень дальновидная деловая женщина. Самое смешное, что процветание бизнеса Меркури обеспечил Совет. Видишь ли, много лет назад они решили создать банк крови всех Белых Ведм, чтобы, если ребенок останется без родителей, Совет мог заменить их и провести церемонию Дарения.

— И это сработало?

— О да. Заклинание, правда, немного подновили, но кровь берется родительская или от бабушек с дедушками, и подарки дарятся по-прежнему.

— Постойте, я угадаю... Меркури украла немного крови. — Наверное, так к ней попала и кровь моей матери.

— Догадаться несложно. Всякий сказал бы Совету, что это рано или поздно случится, и многие говорили. Совет предупреждали, те не слушали, говорили, что кровь в надежном месте, а тем временем Меркури потаскивала из их запасов. Не целыми бутылками, конечно, нет, но ровно столько, сколько понадобилось бы на проведение церемонии, случись какому-нибудь несовершеннолетнему колдуну или ведьме повздорить с родителями или впасть в немилость у Совета.

— Существует немало снадобий, в рецепт которых входит кровь ведьмы. Белые Ведьмы тоже идут к Меркури, когда не могут найти подмоги среди своих. И Черные идут к ней, когда для какого-то снадобья им понадобится кровь Белой Ведьмы. Меркури помогает всем, но не бесплатно, только платят ей не деньгами: ей платят натурой. Она меняет кровь на снадобья, заклинания, редкие ингредиенты, магические предметы... Ну, ты понял. Она научилась делать зелья и накладывать заклятия, хотя это и не ее специальность. У нее есть доступ к сильной магии, и она стала могущественной ведьмой.

— И как мне ее найти?

— О, этого я не знаю. Мало кто знает, где ее искать. Но среди Белых Ведьм есть те, кто не согласен с методами Совета или разругался с ними по иной причине. Меркури действует через таких людей. И один из них мой знакомый.

— И я могу ему доверять?

— Да, Бобу ты можешь довериться. У него свои причины презирать Совет. Он — друг.

Мы ненадолго замолчали. Кажется, Мэри можно доверять, но вот Меркури, похоже, не самое лучшее решение моей проблемы. И еще я хочу увидеть отца.

Я начинаю:

— Но, мне кажется, отец...

Мэри перебивает меня:

— Да, кстати, об отце. Я мало что о нем знаю. Разумеется, твоя бабушка знает его гораздо лучше.

Я был удивлен, как будто ослышался.

— Судя по выражению твоего лица, она тебе об этом не сказала?

— Нет! Откуда бабушка может знать Маркуса?

— Мы еще об этом не говорили. Пока. Лучше скажи мне сначала, что ты знаешь об отце.

У меня голова пошла кругом. *Бабушка знает Маркуса*. Это значит...

Мэри дергает меня за руку.

— Расскажи мне, что ты знаешь о Маркусе. О твоей бабушке мы еще поговорим.

Я замешкался. Бабушка учила меня никогда и ни с кем не разговаривать о Маркусе, и сама о нем не говорила. Но все это время она хранила от меня секрет...

Я отвечаю четко и ясно.

— Маркус — мой отец. Единственный Черный Колдун в Англии.

Мне всегда было страшно говорить о нем; всегда казалось, что Совет может подслушать, но теперь мне померещилось, что это он подслушивает наш разговор.

И тут меня разобрало такое зло — и на него, и на бабушку, — что я не сдержался:

— Он могущественен и беспощаден. Он убивает Белых Ведьм и забирает их Дары. В основном он убивает членов Совета и еще Охотников и членов их семей. Его Дар, тот, который принадлежал ему с самого начала, состоит в том, что он может превращаться в животных. Так он съедает сердца тех ведьм, чей Дар хочет забрать. Он становится

львом или чем-то в этом роде и съедает их живые, бьющиеся сердца и так получает их Дар.

Я тяжело дышу.

— Его мать звали Саба; ее убил Клей. Саба убила мать Клея, Вирджинию. Саба страдала, когда ночью оказывалась взаперти. Я тоже. Думаю, что и Маркус такой же.

— Я хорошо рисую, и Маркус тоже. Я паршиво читаю, и, наверное, Маркус тоже. Я слышу странные звуки у себя в голове, и это, надо полагать, тоже семейное.

— Маркус терпеть не может Белых Ведьм. Я и сам их не очень-то люблю. Но я же их не убиваю! — Последнюю фразу я кричу во весь голос, глядя на вершины деревьев.

— Он никого не щадит. Он убивает женщин, детей, всех, только мою мать почему-то не убил. Он, наверное, убил бы Джессику, Дебору и Аррана тоже, если бы в ту ночь они не были у бабушки. Их отца он убил.

Молчание.

Я смотрю на Мэри и говорю уже спокойнее.

— Он не убил мою мать. И он не убил бабушку, хотя вы говорите, что они встречались. Вы говорите, что бабушка знает его лучше, чем вы, значит, они встречались не один раз...

Мэри кивает...

— Значит, Маркус знал мою мать. И она не ненавидела его... и не боялась, и не презирала?

— Надо полагать, нет.

Я раздумываю.

— Но ведь они не могли... дружить... или любить друг друга... Это было бы...

— Неприемлемо, — добавляет Мэри.

— Если бы они любили друг друга, то им пришлось бы держать это в тайне... А бабушка узнала?

— Или знала с самого начала.

— В любом случае, какая разница: бабушка тоже ничего не могла сделать, только держать все в тайне.

— У нее не было другого, лучшего способа защитить твою мать. Должна признать, что, учитывая все обстоятельства, у нее все получалось. Думаю, твои мать с отцом встречались один раз в год.

— Значит, Маркус и моя мать... они хотели видеть друг друга... устроили встречу, отослали детей к бабушке... но тут вдруг появился муж... и Маркус убил его.

Мэри кивком подтверждает каждое мое предположение.

— Но моя мать убила себя, потому что чувствовала вину... — Я чувствую, как Мэри трясет головой.

— Потому что не могла быть с Маркусом?

Мэри продолжает трясти головой.

Я опускаю глаза и произношу наконец то, что знаю уже давно:

— Из-за меня?

Ладонь Мэри ложится на мою руку, и, повернувшись, я встречаю взгляд ее выцветших, слезящихся от старости голубых глаз.

— Не так, как ты думаешь.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

— А как же?

— Думаю, она надеялась, что ты будешь похож на нее, на остальных детей. А ты оказался другим. С первого дня твоей жизни было ясно, что твой отец — Маркус.

Значит, она покончила с собой из-за меня.

— И что же Совет захотел, чтобы твоя мать сделала? — поинтересовалась Мэри. Я вспоминаю рассказ Джессики и единственную открытку, которую, по ее словам, получила мать. И говорю:

— Убила меня?

— Нет. Не думаю, чтобы Совету было это нужно. Но твоя мать была Белой Ведьмой; она полюбила Черного Колдуна и родила от него ребенка. Из-за их отношений погиб другой Белый Колдун, член Совета.

Открывшаяся мне правда опустошает. Они хотели, чтобы она убила себя. Они заставили ее сделать это.

ДВА ОРУДИЯ

На завтрак Мэри варит овсянку. Ест она отвратительно, чавкает и хлюпает. Я не спал всю ночь, и эти звуки за завтраком действуют мне на нервы.

Мэри прожевала еще две ложки и продолжила:

— Твоя бабушка сделала ради тебя все, что можно.

Я отвечаю ей угрюмым взглядом.

— Моя бабушка врала мне всю жизнь.

— Это в чем же?

— В том, что она никогда не говорила мне, что видела Маркуса и вообще знает его. В том, что никогда не отрицала, будто он напал на мою мать. В том, что не рассказала мне правду о ее смерти и что в ней виноват Совет.

Мэри тыкает в меня ложкой.

— Эй, если бы Совет нашел меня здесь и выяснил, что я помогла тебе сделать кое-какие открития, как думаешь, что бы со мной стало?

Я отвожу взгляд.

— Ну?

— Хотите сказать, что они и бабушку убили бы?

— И еще убьют.

Конечно, я понимаю, что она права, но лучше мне не становится.

Мэри взваливает на меня целый воз работы по хозяйству, чтобы «разогнать мою утреннюю хандру».

Когда она приходит посмотреть, хорошо ли я вычистил курятник, я задаю ей вопрос:

— Бабушка говорит, вас выгнали из Совета с позором.

— Что ж, можно, наверное, и так сказать.

— А сами бы вы как сказали?

— Легко отделалась. Закончишь здесь, запривсе, как было. Потом поставишь чайник, и я тебе все расскажу.

Я кипячу воду на плите в доме, а Мэри сидит снаружи, на солнышке. Когда я приношу ей чай, она похлопывает ладонью по траве рядом с собой, приглашая меня сесть. Мы сидим, подпирая спинами стену ее избушки.

— Помни, Натан, Совет опасен. Они никому не позволяют ни грамма жалости к Черным Ведьмам. Однажды у меня хватило глупости выразить свою тревогу вслух. Я тогда была секретарем в Совете. Вела у них архив. Там было множество папок с делами, и вот как-то раз, во время уборки, я присела отдохнуть и заглянула в одно из дел. Там описывалось Наказание, определенное одному Черному Колдуну. Оно было страшным.

Я тогда возьми да и скажи одному из членов Совета, что Наказание очень жестокое. Но это еще ничего. Наказанию полагается быть таким,

и если бы я на этом успокоилась, ничего не было бы. Но я не успокоилась. Мысль о нем грызла меня. Я не спала ночами. Я всегда знала, что Наказания существуют, но никогда раньше не задумывалась о том, сколько боли в них заключено. Ведьму пытаются месяц и только потом дают умереть. Я пришла работать в Совет, потому что считала Белых Ведьм добрыми, возвышенными существами, и вдруг выяснилось, что они ничем не лучше Черных, не лучше людей, что они такие же, как все.

В камере как раз сидел один Черный Колдун, и я знала, что они с ним делают.

Глупо было даже пытаться ему помочь. Он все равно не смог бы никуда убежать. Но меня переполнял праведный гнев, и я решила: сделаю, что смогу.

Я притворилась, будто ненавижу этого колдуна до смерти. Это было нетрудно: ведь он вырезал семью одного из членов Совета, хотя, по правде говоря, при жизни они были заносчивые снобы и обращались со мной так, словно я грязь у них под ногами.

Она отхлебнула еще чаю.

— Под каким-то предлогом я зашла в тюрьму. Никакого плана у меня не было, да и оружия, по правде говоря, тоже, но у двери стоял стол с ножами и... другими инструментами. Орудия пыток — так их, кажется, называют. Я схватила какой-то нож, завопила и сделала вид, будто сейчас наброшусь с ним на пленника. Бестолковая затея, разу-

меется. Никакой возможности убить его у меня все равно не было. В меня тут же вцепился охранник, и, отбиваясь от него, я сделала так, что нож упал рядом с тем местом, где заключенный сидел на цепи. Тот схватил его и тут же ударил им себя в сердце.

Мэри поставила на землю чашку.

— Я прикинулась сумасшедшей. И меня отпустили. Но сомнения остались. Многие считали, что я все это нарочно устроила. Так что с тех пор я... как это говорится? Стараюсь не высовываться.

— Ничего себе.

— Да, я и сама часто удивляюсь, неужели я это сделала? Но ни о чем не жалею. Я спасла того человека от многодневной пытки.

— А кто это был?

— Ну, наконец-то хороший вопрос.

Ее ладонь мягко опускается на мою руку.

— Его звали Массимо. Он был дедом твоего отца.

Позже в то же утро Мэри затвердила со мной инструкции моего возвращения домой. Они сильно походили на те, что привели меня к ней.

— Это что, заклинание, сбивающее со следа?

— Да, я в них специалист и, хотя нехорошо хвастаться, скажу, что не многие так могут. Большинству просто не хватает терпения. Прежде чем сделать новый шаг, приходится подождать. Зато, если вытерпишь, даже Охотники тебя не найдут.

— Они, наверное, пошли бы сюда за мной.

— Охотники ходят за тобой везде, Натан, всю твою жизнь. Только сюда они за тобой и не пришли. И на обратном пути тоже не выследят, если ты все сделаешь, как я говорю.

— Почему они ходят за мной всю жизнь?

— На то они и Охотники, Натан. Работа у них такая. И они хорошо ее делают.

Я киваю.

— Да, знаю.

— Ничего ты еще не знаешь. Врага нельзя недооценивать, Натан. Запомни. Охотники ходят за тобой по пятам всюду и уже давно убили бы тебя. Им так этого хочется. Но они работают на Совет, а Совету пока удастся держать их в узде, с трудом.

— Мне что, благодарить их за это?

Мэри качает головой.

— Совет еще опаснее Охотников, не забывай. Охотники у них на службе. Им служат все.

Что значит «все»? Я говорю:

— Бабушка рассказывала мне, что у них есть шпионы.

— Да, шпионить — это они любят. Никому не доверяйся, Натан. Ни друзьям, ни родственникам. Если они Белые, значит, Совет обязательно попытается использовать их. И обычно им это удается.

Совет и Охотники связаны общей целью: они хотят убить Маркуса. И истребить всю его родню.

— Вчера вы говорили, что Совет никогда не хотел моей смерти.

— Да, до тех пор, пока они считают, что ты полезнее им живой.

— Значит, они хотят использовать меня как приманку для Маркуса?

— Такая идея наверняка приходила им в голову, быть может, они даже пытались ее осуществить. Но это не самое главное. Не ходи больше ни на какие Освидетельствования. Найди Меркури. До твоего Дарения она спрячет тебя у себя. Уходи как можно скорее.

Я снова киваю, но вижу, что она хочет сказать мне еще что-то. Однако она умолкает.

Тогда я говорю:

— Я вспомнил еще кое-что о Маркусе. Несколько лет назад убили семью Белых Ведьм по фамилии Грей. Это сделал Маркус. Мне кажется, он хотел забрать у них вещь под названием Фэйрборн. Вы знаете, что это такое?

— Да, знаю. Это нож.

— Зачем он Маркусу?

— Это непростой нож. Он с характером. Фэйрборн — фамилия человека, который сделал этот нож лет сто тому назад, как я помню. Свое имя он написал на клинке. Я многое узнала об этом ноже, пока шло следствие по делу о моем нападении в подвале: именно его я швырнула в камеру к Массимо. Это был его нож.

— Теперь я понимаю, почему Маркус хотел за получить его обратно.

— Нет, Натан. Ты не понимаешь.

Тыльной стороной ладони Мэри трет себе лоб и вздыхает.

— Маркус был у меня несколько недель назад. Просил об одолжении. Он видит фрагменты будущего... возможного будущего. По-моему, это скорее наказание, чем Дар. Одно из своих видений он мне пересказал: оно впервые явилось ему много лет назад и продолжает являться до сих пор. Он хотел, чтобы я рассказала о нем тебе. Думал, ты лучше поймешь его, если узнаешь.

— Он что-то просил мне передать! И вы говорите мне об этом только сейчас, когда я ухожу?

— Будь моя воля, я бы вообще молчала. Ты должен понять, Натан, что это всего лишь видение. Один из *возможных* вариантов будущего. Не больше. Но чем серьезнее люди относятся к видениям, тем больше у тех шансов сбыться.

— Да вы представляете, как я жду от него хотя бы слова? — Я вскакиваю, дохожу до края лужайки, возвращаюсь, склоняюсь над ней и говорю: — Рассказывайте.

— Натан, многие Белые Ведьмы тоже видят будущее. Если Маркусу было видение, то, будь спокоен, в Совете уже знают о нем. Маркус хочет, чтобы ты понял его, а заодно и их.

— Так вы расскажете или нет?

— Существуют два орудия, которые, только слившись воедино, убьют твоего отца. Совет охраняет их оба до тех пор, когда ими можно будет воспользоваться.

— Что это такое?

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

— Первое орудие — Фэйрборн.

— А второе?

— Второе орудие...

И тут мне неожиданно расхотелось слушать... Я понял, какое следующее слово она произнесет, и сразу же в голове загрохотал гром и завыли волки. Пусть они воют все громче и громче! Главное — не слышать ее голоса, которым она произнесет сейчас совсем не то, чего я так ждал услышать все эти годы. Это же неправда! Губы Мэри продолжают шевелиться, но в моей голове стоит такой шум, что я, наверное, неправильно расслышал. А если шум не прекратится, то мне не надо будет...

— Натан! Ты меня слушаешь?

Я трясую головой.

— Я не хочу его убивать.

— Вот почему тебе надо уходить. Если останешься у Белых Ведьм, Совет заставит тебя это сделать. Второе орудие — это ты.

ШЕСТОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Есть лишь один-единственный реальный вариант будущего.

Я твержу это как заклинание, хотя знаю, что прочих вариантов будущего миллионы, если не миллиарды.

Нет, я не убью его. Я не сомневаюсь в этом, ведь он мой отец.

Не убью.

Я хочу его увидеть. Потому что убить его — вне моих сил и возможностей. Вне моего желания. Я обязан сказать ему все это. Но он верит в видение. И не захочет встретиться со мной. Никогда.

А если я сам попытаюсь найти его, он решит, что я хочу его убить. И убьет меня.

Мэри дала мне адрес Боба, ее друга, который поможет мне отыскать Меркури. Она говорит, что мне надо уходить немедленно, и я соглашаюсь, но все это паршивый треп. На самом деле я не знаю, что мне делать.

И иду домой.

Я хочу поговорить с бабушкой. Надо расспросить ее о Маркусе. Она должна мне что-нибудь

рассказать. Да и до дня Дарения Аррана всего ничего. Побуду с ним в его день, а потом уйду.

Домой я приезжаю вечером. Еще светло. Бабушка в кухне, печет пирог, чтобы полакомиться после церемонии. О Мэри и ее дне рождения она не спрашивает.

Я не говорю ей «привет», или «я соскучился», или «как тут у нас пирог?». Я спрашиваю напрямик:

— Сколько раз ты видела Маркуса?

Она замирает и, взглянув на дверь кухни, тихо отвечает:

— Джессика приехала домой на День Дарения Аррана.

Я подхожу к бабушке совсем близко и спокойно говорю:

— Он мой отец. Я хочу знать.

Бабушка качает головой. Я так зол, что меня трясет. Бабушка пытается уговорить меня отложить разговор до завтра, но я угрожаю ей, говорю, что позову Джессику, пусть послушает. И хотя бабушка должна знать, что я никогда ничего такого не сделаю, она тяжело опускается в кресло и едва ли не шепотом рассказывает мне все, что сама знает о Маркусе и моей матери.

В нашей спальне с Арраном я открываю окно. Темно, тонкий полумесяц так и тянется в небо. Арран выбирается из постели и подходит, чтобы меня обнять. Я тоже обнимаю его, и мы долго стоим так. Потом мы садимся у окна на пол.

Арран спрашивает:

— Ну, как прошла вечеринка?

— Понятия не имею, о чем ты.

— Ты совсем ничего не можешь мне рассказать?

— Расскажи лучше ты. Про завтрашний день.

Какие у тебя ощущения?

— Прекрасно себя чувствую. Правда, немного нервничаю. Надеюсь, все пройдет гладко.

— Не сомневаюсь.

— Джессика приехала на церемонию.

— Бабушка мне уже сказала.

— Ты пойдешь?

Я не могу даже покачать головой. Арран говорит:

— Да все в порядке.

— Я собирался прийти.

— Хорошо, что ты здесь. Так даже лучше.

Мы с Арраном еще долго болтаем, вспоминаем фильмы, которые вместе смотрели в детстве, наконец, разговор переходит на завтрашнюю церемонию. Я говорю, что, по-моему, у него, как у матери, будет дар целителя. Она была очень сильной, к тому же заботливой и доброй, как мне сказала бабушка. Думаю, что Арран будет похож на нее. Но он считает, что его Дар будет слабым, каким именно — ему все равно, и я не сомневаюсь, что он не лукавит, а говорит правду.

Он ложится в постель позже обычного, и я его рисую. Его и себя, вспоминая, как мы играли в лесу.

Почти всю ночь я сижу на полу, положив голову на подоконник открытого окна, и смотрю на

спящего Аррана. Я знаю, что, раз там будет Джессика, остаться на церемонию не смогу. Но и сказать Аррану, куда я ухожу, тоже. Он так красиво спит, что я даже не в силах разбудить его, чтобы проститься.

Я думаю об отце и матери, об их отношениях, пытаюсь понять, почему бабушка скрыла от меня их взаимные чувства, но, в конце концов, решаю, что лучше пока забыть об этом.

Еще темно, когда я встаю, чтобы уйти. Арран «разбросался» на кровати, свесив одну ногу на пол. Я прижимаю кончики пальцев к своим губам, потом к его лбу, кладу ему на подушку мой рисунок и наклоняюсь за рюкзаком.

В холле я включаю лампу и беру со столика фотографию мамы. Теперь я вижу ее иначе. Может быть, муж ее и любил — вид у него вполне счастливый, — но она печальна: хочет улыбнуться, но не может, только щурится. И вовсе не из-за солнца.

Я опускаю фото на стол и быстро выхожу через кухню.

Свежий воздух сразу приносит мне облегчение. Но не успеваю я сделать и пары шагов, как на меня обрушивается шипение мобильных телефонов. Двое в черном возникают из ниоткуда, хватают меня за руки и плечи, разворачивают к стене дома и придавливают к ней. Я отбиваюсь, тогда меня хватают снова и еще раз ударяют о стену изо всех сил. За моей спиной защелкиваются наручники, и меня еще раз молотят о стену.

И вот я опять в комнате для Освидетельствований. После того как меня выволокли из машины, где я ехал на заднем сиденье с двумя Охотниками, наручники с меня сняли. Из их разговора я понял, что бабушку везут во второй машине, сзади.

Мои мысли о церемонии Аррана. Бабушки там не будет, и я понимаю, что Джессика явилась не за тем, чтобы присутствовать на ней, а чтобы ее провести. Совет наверняка дал ей кровь. Арран будет расстроен. Ради этого все и затевалось. Любят они не просто всадить тебе под ребра ножичек, но еще и повернуть его в ране.

Я стою перед тремя членами Совета. Их Предводитель начинает говорить:

— Тебя привезли сюда сегодня, чтобы ты ответил на ряд серьезных вопросов.

Я притворяюсь наивным и удивленным.

Женщина справа от Предводителя встает со стула и медленно обходит вокруг стола, пока не оказывается прямо передо мной. Она ниже ростом, чем я ожидал. Сегодня на ней не белая мантия, в каких обычно члены Совета присутствуют на Освидетельствованиях; она в сером костюме в узкую полоску и в белой блузке. Ее высокие каблуки звонко цокают по каменному полу.

— Закатай рукава.

На мне футболка и рубашка с расстегнутыми рукавами, пуговицы с манжет потерялись давным-давно. Я поднимаю левый рукав.

— Другой тоже задери, — говорит женщина. Теперь, когда она стоит так близко ко мне, я вижу,

что глаза у нее карие, почти такие же темные, как кожа, но в их глубине сворачиваются в спираль серебряные искры: вот они почти исчезают, а вот вспыхивают и появляются вновь.

— Покажи мне руку, — приказывает она.

Я закатываю второй рукав и поднимаю руку. На ее внутренней стороне еще видны тонкие бледные шрамы, всего двадцать восемь — по числу ночей, когда я проверял свои целительские способности.

Женщина берет меня за запястье большим и указательным пальцами, крепко сжимает его и вздергивает мою руку почти к самым глазам. Пока она держит мою руку, я чувствую, как ее дыхание щекочет мне кожу, но вскоре женщина выпускает мое запястье. Она говорит:

— Покажи руку всем членам Совета.

Я делаю шаг вперед и кладу руку на стол.

Дядюшка Анны-Лизы, Сол О'Брайен, почти не глядит на нее. Его зализанные назад светлые волосы отливают желтизной. Наклонившись к уху Предводителя Совета, он что-то шепчет.

Интересно, знают ли они о шрамах у меня на спине. Наверное, да. Киеран наверняка растрезволил о том, что сделал.

— Теперь отойди от стола, — говорит Сол.

Я делаю, что мне велят.

— Ты умеешь заживлять порезы? — спрашивает он.

Отрицать это смешно, но я ни в чем не хочу признаваться в этих стенах. Он повторяет вопрос, я стою и молчу.

— Ты обязан отвечать на наши вопросы.

— Почему?

— Потому что мы Совет Белых Ведьм.

Я смотрю на него.

— Ты умеешь залечивать порезы?

Я продолжаю молча на него смотреть.

— Где ты провел последние два дня?

Я по-прежнему не свожу с него глаз, но на этот вопрос отвечаю.

— В лесу, рядом с домом. Спал на воле.

— Лгать Совету — тяжкое преступление.

— Я не лгу.

— В лесу тебя не было. Тебя не было ни в одном из тех мест, где Совет разрешил тебе находиться.

Я снова изображаю удивление.

— Тебя вообще нигде не было.

— Вы ошибаетесь. Я был в нашем лесу.

— Нет. Я не ошибаюсь. И, как я уже говорил, лгать Совету — серьезное преступление.

Я выдерживаю его взгляд и повторяю:

— Я был в лесу.

— Нет. — Судя по голосу, Сол несколько не злится; он утомлен и ему скучно.

Предводительница Совета поднимает руку:

— Довольно.

Сол переводит взгляд с меня на свои ногти и откидывается на спинку стула. Предводительница обращается к охранникам в дальнем конце комнаты:

— Приведите миссис Эшворт.

Лязгает задвижка, и издалека доносятся медленные шаги бабушки. Ее ставят рядом со мной, я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на нее, и с ужасом вижу перед собой маленькую, перепуганную старую женщину.

Предводительница интересуется:

— Миссис Эшворт. Мы пригласили вас сюда сегодня затем, чтобы вы могли ответить на выдвинутые против вас обвинения. Серьезные обвинения. Вы не справились с возложенной на вас задачей следовать всем Уведомлениям Совета. В Уведомлениях ясно сказано, что Совет должен знать о любых контактах половинного кода с Белыми Ведьмами, взрослыми и несовершеннолетними. Вы не уведомили нас об этом. Вы также не смогли препятствовать проникновению половинного кода на закрытые для него территории.

Предводительница заглядывает в свои бумаги, потом опять смотрит на бабушку.

— Хотите что-нибудь сказать?

Бабушка молчит.

— Миссис Эшворт. Вы как опекун половинного кода обязаны были следить за исполнением инструкций, сообщенных вам в Уведомлениях. Вы не обеспечили пребывание половинного кода на дозволенных ему территориях, вы не проинформировали Совет об имевших место встречах половинного кода с Белыми Ведьмами Киераном, Ниаллом, Коннором и Анной-Лизой О'Брайен.

— Моя бабушка ничего не знала об этом. А встречаться с Киераном, Ниаллом и Коннором я не собирался. Они сами на меня набросились.

— По нашим сведениям, это ты напал на них, — отвечает Предводительница.

— Ага, один на троих. Как же.

— А с Анной-Лизой? С ней ты встречаться собирался?

Я снова молчу и смотрю.

— Ты собирался встречаться с Анной-Лизой? Или ты хотел напасть на нее? Или еще что-нибудь похуже?

Мне жаль, что я не умею убивать взглядом.

Предводительница Совета снова обращается к бабушке.

— Миссис Эшворт, почему вы проигнорировали наши инструкции?

— Я не игнорировала. Я их выполняла. — Голос бабушки звучит сипло и совсем тихо.

— Нет. Вы их не выполняли. Вы не сумели контролировать поведение половинного кода. Или, быть может, вы знали о его отлучках в недозволенные места и просто решили закрыть глаза на эти нарушения?

— Я следовала инструкциям, указанным в Уведомлениях, — тихо отвечает бабушка.

Предводитель Совета вздыхает и кивает дяде Анны-Лизы; тот вытаскивает из ящика стола лист пергамента. И начинает читать вслух: дату и время

каждого моего отъезда из дома, дату и время каждого возвращения домой. Все мои поездки в Уэльс.

Я чувствую себя паршиво. А я-то был уверен, что езжу незаметно. Зато о поездке к Мэри нет даже упоминания. Ее инструкции сработали, хотя мое исчезновение их явно переполошило.

— Так ты отрицаешь, что совершал эти поездки за пределы отведенной тебе территории? — спрашивает Предводительница.

Я по-прежнему не хочу ничего признавать, но и отрицание выглядит бессмысленным.

— Бабушка не знала, что я делаю. Я говорил ей, что хожу в лес, где мне можно находиться.

Женщина подводит итог:

— Итак, ты признаешь, что нарушал инструкции Уведомлений. Ты лгал Совету. Ты обманывал родную бабушку, чистую Белую Ведьму.

Дядя Анны-Лизы продолжает:

— Совершенно очевидно, что он пытался обмануть всех. Однако следить за тем, чтобы инструкции соблюдались, обязана миссис Эшворт. И... — сделав паузу, он смотрит на Предводительницу, которая едва заметно наклоняет голову, — коль скоро миссис Эшворт явно не справилась со своими обязанностями, нам придется назначить ей замену.

И тут из дальнего угла комнаты к столу выходит женщина громадного роста. Я уже давно ее заметил, но думал, что она из охраны. Слева от стола она останавливается. Несмотря на размеры, движения ее легки и изящны, и, даже стоя почти

по стойке смирно, она производит странное впечатление помеси солдата с балетной танцовщицей.

Предводительница извлекает из стола другой пергамент и говорит:

— Вчера мы приняли новое Уведомление. — Она медленно читает:

*Уведомление о решении Совета Белых Ведьм
Англии, Шотландии и Уэльса.*

Все носители половинных кодов (Б 0.5/Ч0.5) должны проходить обучение и жить под присмотром лишь тех Белых Ведьм, чьи кандидатуры одобрены Советом.

— Он получает образование под моим присмотром. Я Белая Ведьма. И я хорошо его учу. — Голос бабушки едва слышен. Кажется, будто она разговаривает сама с собой.

Предводительница говорит ей:

— Миссис Эшворт, нам ясно, что вы не смогли проследить за исполнением по крайней мере двух пунктов наших инструкций. Для вас было одобрено наказание.

Наказание? Что это еще такое? Что они с ней сделают?

— Однако цель Совета не в том, чтобы наказывать Белых Ведьм. Мы здесь, чтобы помогать им и защищать их.

Предводительница Совета продолжает читать с пергамента, держа его в руках. Дядя Анны-Лизы скучает и принимается разглядывать свои ногти;

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

женщина в сером костюме смотрит на Предводительницу.

Мимо охраны мне не прорваться, но в дальнем конце зала есть дверь. Через нее входят и выходят члены Совета.

Предводительница все читает, но я уже не слушаю.

— ...мы осознаем, что задача... слишком обременительна. Новое Уведомление... освобождает вас от ответственности... образование и развитие половинного кода... относиться серьезно... контролировать и направлять.

Я бросаюсь к дальней двери, прыгнув на стол между Предводительницей и женщиной в сером. Под громкие вопли охраны я соскакиваю на пол, Предводительница тянется, чтобы схватить меня за ногу. Пять или шесть хороших прыжков, и я скроюсь за дверью. Но тут меня оглушает шум.

Высокий воющий звук врывается мне в мозг так неожиданно, что я ничего не могу сделать, кроме как зажать уши ладонями и кричать. Боль разрывает меня на части. Я падаю на колени и стою, глядя на дверь, не в силах пошевелиться. Я кричу, чтобы выключили шум, но он продолжается в черной пустоте.

ТИШИНА

Я лежу на полу, у меня текут сопли, мои пальцы все еще в ушах. Около минуты я был без сознания. Передо мной на полу армейские ботинки той женщины: то ли охранницы, то ли танцовщицы.

— Вставай. — Голос у нее спокойный и тихий.

Тыльной стороной ладони я вытираю нос и, весь трясясь, поднимаюсь на ноги.

На женщине зеленые парусиновые брюки и камуфляжная армейская куртка. Лицо у нее до того некрасивое, что иначе как страшным его не назовешь. Кожа на нем изрыта оспинами и слегка загорела. У нее широкий рот и толстые губы. Глаза голубые, с крошечными серебристыми точками, но их совсем немного. Ресницы короткие, белые. Коротко стриженные светлые волосы торчат ежиком, сквозь него просвечивает череп. Лет ей, навскидку, около сорока.

— Я твоя новая учительница и наставница, — говорит она.

Я не успеваю отреагировать: она кивает, и меня, взяв под руки, выволакивают из комнаты. Я сопротивляюсь как могу, но мои ноги даже не

касаются земли. Отбиваясь от охранника, я успеваю увидеть у него под мышкой бабушку. У нее на глазах слезы, кардиган съехал с одного плеча, как будто ее тянули за него, не пускали. Теперь она стоит одна, и вид у нее потерянный.

Меня несут по коридору и вытаскивают на мощеный двор, где стоит белый фургон с открытыми задними дверцами. Меня бросают внутрь. Я не успеваю подняться на ноги, как чье-то колено прижимает меня к полу и наручники смыкаются на запястьях. Затем меня тащат дальше в фургон, и толстые пальцы, ее пальцы, застегивают ошейник на моей шее. Я плююсь и матерюсь, и тут же получаю по затылку. Перед глазами все плывет. Ошейник пристегивается к кольцу в полу фургона, так что мне не поднять головы.

Но я продолжаю бороться, пинаться, визжать и ругаться.

И тут меня снова накрывает шум.

На этот раз я не могу заткнуть уши. Я в ужасе ору и в таком состоянии, пинаясь и брыкаясь, буквально проваливаюсь в мрак тишины.

Когда я прихожу в себя, фургон уже движется, и меня болтает по его ржавому металлическому полу. Мы едем долго, но мне виден только затылок большой женщины. Она ведет фургон, но никаких охранников или Охотников рядом с ней нет.

Я кричу, что мне надо в туалет. Надеюсь, что раз она одна, то, может, мне удастся удрать.

Она молчит.

Я снова ору:

— Мне писать надо. — Это правда.

Тогда она поворачивает голову и кричит:

— Ну так и лей. Все равно тебе завтра фургон чистить.

И продолжает крутить баранку. Темнеет, и у меня начинает сводить внутренности от тесноты и духоты фургона, от бесконечной тряски. Я стараюсь, чтобы меня не стошнило, но моих стараний хватает минуты на три, не больше.

Из-за ошейника и короткой цепи я не могу повернуть голову, приходится лежать лицом в своей же блевотине. А она все едет и едет, и когда много часов спустя мы прибываем на место, я уже лежу в коктейле из блевотины и мочи.

Часть третья

Второе орудие

ОШЕЙНИК

Надо отдать ей должное: страшна она как черт, но и работает как дьявол. Не спала всю ночь и почти весь день: отлаживала новую кислотную ленту.

Теперь она пристегивает ее ко мне. Очень крепко.

— Привыкнешь.

Между лентой и шеей с трудом можно протиснуть один палец.

— Дай-ка я слегка ослаблю. Если, конечно, не возражаешь.

Я равнодушно смотрю в ответ.

— Стоит только попросить.

На самом деле даже кадыком не пошевелить, так плотно сидит ошейник.

Ты снова на кухне, сидишь за столом. Никакой утренней зарядки, никакого завтрака, хотя с этой штукой на шее все равно не поешь. Неужели она и правда оставит его на мне? С ним не то что глотать, дышать почти невозможно.

Заживляющий зуд кончился, как будто весь вышел. Рука вздулась и зажила лишь отчасти.

Больно. Ты чувствуешь, как кровь пульсирует в руке и в шее.

— У тебя усталый вид, Натан.

Ты и вправду устал.

— Сейчас я приведу в порядок твою руку.

Она окупает кусок материи в тазик с водой, отжимает. Ты тянешь руку к себе, но она берет ее и обматывает влажной материей твоё запястье. Прохладно. Приятно. До чего же хорошо не чувствовать жжения хотя бы одну секунду. Она осторожно обтирает тряпкой тыльную сторону твоей руки, поворачивает ее ладонью кверху и обтирает ладонь. Грязь остается, но вода все рано освежает. Все ее движения очень нежны.

— Можешь пошевелить пальцами?

Четыре пальца шевелятся, но большой онемел и совсем не двигается из-за отека. Но раз она просит, ты и одним пальцем не пошевелишь.

Она споласкивает тряпку в тазике, отжимает и поднимает выше.

— Сейчас я помою тебе ухо. В нем много крови.

Она тянется к твоему уху и обтирает его: снова очень медленно и нежно. Твое левое ухо совсем не слышит, но, может быть, вся причина в запекшейся крови, которая забила слуховой проход. Левая ноздря тоже заполнена.

Она снова опускает тряпку в таз, к воде примешивается кровь. Она выжимает тряпку и тянется к твоему лицу. Ты отшатываешься.

— Я знаю, что ошейник давит. — Она разгла-

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

живает тряпку у тебя на лбу. — И еще я знаю, что ты это вытерпишь. — Она нежно проводит тряпкой по твоей щеке. — Ты крепкий, Натан.

Ты слегка отворачиваешься.

Она снова кладет тряпку в таз, теперь к воде примешивается не только кровь, но и грязь. Она выжимает тряпку и вешает ее на край таза.

— Я ослаблю, если ты попросишь. — Она протягивает руку и слегка касается твоей щеки тыльной стороной пальцев. — Я хочу помочь тебе. Но ты должен попросить, — говорит она ласково и тихо.

Ты снова подаешься назад, ошейник врезается в шею.

— Ты устал, не так ли, Натан?

Ты и в самом деле устал от всего этого. Так устал, что, кажется, вот-вот заплачешь. Но нет, ни за что.

Ни за что. Просто тебе хочется, чтобы все прекратилось.

— Ты только попроси меня, и я ослаблю ленту.

Ты не хочешь плакать и не хочешь ни о чем ее просить. Но ты хочешь, чтобы больше не было больно.

— Попроси меня, Натан.

Ошейник такой тугой. А ты так устал.

— Попроси.

Ты молчишь уже несколько месяцев. А если пытаешься что-либо произнести, то слышишь незнакомый каркающий голос. Кончиками пальцев она вытирает твои слезы.

НОВАЯ УЛОВКА

Режим дня остается прежним. Клетка тоже. И кандалы. Ошейник тоже на месте, сидит, правда, свободно, но он там, где ему и положено быть. И если я еще раз убегу, то умру, никаких сомнений. А именно сейчас мне этого совсем не хочется.

Утро проходит, как обычно. Только теперь я пробегаю внешний круг быстрее, чем за тридцать минут. Все благодаря диете и упражнениям, которые превратили меня в поджарую и злую машину для бега. Но главным образом благодаря новой уловке.

Которая столь же проста, как и прежняя.

Новая уловка состоит в том, чтобы всегда жить настоящим. Затеряться в деталях. Любить их.

Полюбить тончайшую настройку, баланс между моими пальцами и землей, в которую они упираются всякий раз, когда я делаю отжимания. Я нахожу баланс, выверяю положение пальцев относительно друг друга, когда они согнуты и когда выпрямлены, и ощущаю прикосновение земли к ним,

когда я совершаю движения вверх и вниз. Я могу часами размышлять о своих пальцах и о том, что они чувствуют, когда я отжимаюсь.

В жизни много всего, что может доставить удовольствие, очень много. Например, когда я бегу по кругу, я могу сконцентрироваться на том, как глубоко и ровно я дышу; но я могу думать и о влажности атмосферы, и о направлении ветра, который то притормаживает меня над холмами, то подгоняет вновь, так что я влетаю в узкую горловину долины, как в аэродинамическую трубу. Ноги без усилий несут меня вниз с холма — это мое самое любимое время, когда все, что от меня требуется, — это выбрать место, куда поставить ногу: на маленькую травяную подушечку между двумя серыми камнями, на плоский обломок скалы или прямо в ложе мелкого ручейка. Я выбираю, глядя впереди, чтобы оценить, что там, и делаю шаг, а остальное выполняет за меня гравитация. Но суть не только во мне и в гравитации — суть в самом холме. Возникает ощущение, что земля заботится о том, чтобы я поставил ногу в нужное место. А потом начинается подъем, ноги горят немилосердно, и тут уж приходится находить места не только для ног, но и для рук, когда подъем становится особенно крут, и надо не только бежать, но и карабкаться. Я пашу как вол, а гравитация отдыхает и словно бы говорит: «За все приходится платить», а холм точно шепчет: «Не обращай внимания, просто беги, и все». Гравитация беспощадна. Зато холм — мой друг.

Сидя в клетке, я могу запоминать облака в небе, их контуры, скорость движения и то, как они меняются в полете, и тогда я словно бы лечу вместе с ними, наслаждаясь их формами и переменчивыми цветами. Я могу проникнуть даже в пятнистые прутья моей клетки, карабкаться по трещинам в краске. И бродить внутри решетки.

Мое тело изменилось. Я вырос. Помню свой первый день в клетке, когда я едва дотягивался до прутьев на потолке, а чтобы схватиться за них, надо было подпрыгнуть. Теперь, стоит мне потянуться, мои руки оказываются на свободе до самых запястий. Конечно, я еще не такой высокий, как Селия, но она-то великанша.

Селия. Надо признать, от нее трудно получать удовольствие, но иногда мне это удается. Мы разговариваем. Она не такая, как я думал. По-моему, я тоже оказался не таким, как она ожидала.

РУТИНА

Поймите меня правильно. Тут у нас не летний лагерь, как сказала бы Селия, и не ГУЛАГ. Вот мой режим дня:

Подъем на рассвете и мой выход «на арену» из клетки: как обычно, Селия кидает мне ключи. Ап!

Как-то я спросил у нее, что случится со мной, умри она ночью в своей постели. Она откровенно ответила: «Думаю, без воды ты протянул бы неделю. Будь погода дождливой, вода бы скопилась на брезенте. Учитывая, как часто здесь идут дожди, ты скорее умрешь от голода, чем от жажды. Так что, вполне вероятно, протянешь месяц-другой».

У меня есть гвоздь, припрятанный в земле. Я могу дотянуться до него прямо из клетки и открыть им замки кандалов. Висячий замок на двери, надо признать, мне пока открыть не удавалось, но у меня и не было достаточно времени. Самое же неприятное — я не представляю, как освободиться от ошейника. Если не снимать, думаю, что протяну с ним год.

Утренняя зарядка — бег по большому или малому кругу, гимнастика, упражнения. Иногда она устраивает мне две пробежки. Да, это лучшая часть дня, ведь обычно я бегаю босиком. Грязь давно уже стала частью моих подошв.

Утренние процедуры: мытье, стирка, уборка клетки — я выношу ведро, наполняю его водой из ручья, моюсь в ручье, стираю рубашку или даже джинсы, когда есть надежда, что они высохнут быстро (другой одежды у меня нет), подметаю клетку, мажу маслом и чищу прутья, замки, кандалы, хотя она не заставляет меня надевать их каждую ночь.

Завтрак — я его готовлю, и я же мою потом посуду. Зимой и летом овсянка. Иногда мне разрешается добавить в нее меда или сухофруктов.

Работа по дому — собрать яйца, вычистить курятник, дать курам еды и воды, покормить свиней, вычистить плиту в кухне, нарубить дров. (Когда в один из первых раз я собрался бежать, то попробовал перерубить колоду, к которой была прикована моя цепь.)

Обед — приготовить, убрать посуду. Раз в два дня я пеку хлеб.

Дневная тренировка — самооборона, бег, упражнения. Я учусь обороняться, но с Селией

нелегко — она быстрая и сильная. Эта тренировка больше похожа на упражнение для нее — она практикуется вышибать из меня дух.

Дневные занятия — чтение. Селия читает мне сама: мило, но не слишком доходчиво. По прочитанному она задает вопросы. Если я отвечаю плохо, она больно бьет меня по щекам. И все равно, хорошо, что мне не приходится читать самому. Селия пробовала меня учить, но в конце концов мы пришли к решению прекратить это обоюдомучительное занятие. Она даже сказала: «Иногда приходится признавать поражение» — и закатила мне оплеуху, когда я фыркнул.

На той неделе я взял книжку и стал по буквам читать слова, но она выхватила ее у меня из рук, сказав, что, если я буду продолжать, ей придется меня убить. Книг у Селии немного. Три по ведовству: одна про снадобья, другая про Белых Ведьм прошлого, третья про Черных Ведьм. Похоже, что она читает их не только мне, но и себе. Фейнских книг больше: один словарь, одна энциклопедия, несколько книг по жизни в буше, по альпинизму, по выживанию, еще что-то в таком духе и несколько романов, в основном русских. Мне больше нравятся ведовские книги, но Селия заявляет, что заботится о моем «всестороннем образовании»: наглая ложь, по-моему. Иногда, читая те, другие книги, она становится совсем не похожа на Белую Ведьму и выглядит почти... почти как человек. Вот сей-

час она как раз читает нам книгу, которая называется «Один день Ивана Денисовича». Любит она эти книжки про ГУЛАГ. Говорит, из них видно, что даже фейны могут выжить в условиях куда худших, чем те, которые приходится выносить мне. Причем говорит так, что поневоле подумаешь: уж не хочет ли она устроить мне что-нибудь похуже?

Чай — приготовить, выпить, убрать.

Вечерняя работа по дому — хорошо хоть зимой ее немного: темнеет рано, и мне не надо быть на улице. Но до выхода мы обсуждаем прошедший день, говорим о том, чему я научился, что узнал — в таком духе. Селия говорит, что она не читает лекций, а обучает. То есть, беседуя, я должен слушать и отвечать, «пользуясь своим интеллектом». После этого, если еще светло, мне разрешают порисовать.

Вечерняя зарядка — зимой, когда ночь наступает рано, на нее отводится не только вечер, но и вся вторая половина дня. Я и в темноте хорошо бегаю. Видеть не вижу, но что-то ведет меня изнутри: я расслабляюсь, слушаюсь какой-то голос и просто бегу. Это мне и правда нравится, без уловок.

Кроме бега, мы еще боремся в темноте. Я сильнее и быстрее в полную луну. В полнолуние даже Селия не может меня побить, надо

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

только держаться от нее подальше. Она уже не раз говорила мне: «Молодец. На сегодня хватит». И, по-моему, говорила, изрядно запыхавшись.

Отбой — время возвращения назад, в клетку. Если Селия не в духе, то в кандалах.

Сон — почти каждую ночь, в основном кошмары. Хорошо, когда можно просто лежать и глядеть на звезды, но небо часто облачное, да и я сильно выматываюсь.

СВЕДЕНИЯ О МОЕМ ОТЦЕ

Селия — бывшая Охотница. Она не говорила мне, когда она уволилась и почему. Сказала только, что Совет нанял ее быть моей опекуной и учительницей.

Она следит за тем, чтобы я не сбежал, и учит рукопашному бою и выживанию. Кстати, от невооруженного боя мы уже перешли к вооруженному, правда, ножи у нас пока деревянные. Я спросил, будем ли мы тренироваться с пистолетами, а она ответила: «Посмотрим сначала, как ты с ножом справишься» — так, как будто сама ниндзя, кем она потом, естественно, и оказалась. Ножи хотя и фальшивые, но очень длинные и тонкие. Наверное, и Фэйрборн такой же.

А еще Селия рассказывает мне о Маркусе.

Так что все, похоже, идет к одному. Поначалу я ничего не говорю, притворяюсь простофилей, но нельзя же притворяться все время. Надо когда-нибудь найти в себе силы и для ответного удара, и вот вчера я очертя голову кинулся вперед.

— Я не стану убивать своего отца. Вы же это знаете или нет?

Она сделала вид, будто не услышала.

Но я и сам мастер делать вид, поэтому повторил еще раз.

— Я не убью его.

Она отвечает:

— Я получила инструкции рассказать тебе это. Я и рассказываю. Зачем, не мое дело.

— А сами говорите мне, что надо всегда задавать вопросы.

— Да, но на некоторые из них никогда не будет ответов.

— Я его не убью.

— Предположим, Маркус будет угрожать убить кого-то из членов твоей семьи: Аррана, к примеру. Тогда единственным способом спасти Аррана будет убить Маркуса.

— Давайте предположим что-нибудь более правдоподобное. Совет угрожает кому-то из членов моей семьи: например, Аррану. У меня есть один способ спасти Аррана — убить Маркуса.

— И?

— Я не стану убивать своего отца.

— Вся твоя семья — бабушка, Дебора и Арран — все в тюрьме, их пытаются.

— Совет бы точно их прикончил. Они же убийцы. Я — нет.

Тут уж у Селии глаза на лоб полезли.

— Да ты меня чуть не убил, лишь бы сбежать отсюда.

Я широко улыбаюсь.

Она встряхивает головой.

— Ну а если бы угрожали тебе? Пытали тебя?

— А мне и так постоянно угрожают. И непрерывно мучают.

Мы помолчали.

Я пожал плечами.

— Кроме того, у меня все равно сил не хватило бы.

— Нет, пока нет.

— Думаете, когда-нибудь хватит?

— Возможно.

— Мне понадобится мой Дар.

— Вероятно.

— Что, три подарка мне даст Совет?

Молчание. И взгляд, полный великолепного безразличия. Я и раньше задавал этот вопрос, но ни разу не получил ответа.

— А что бывает с Черными, которые не получают три подарка? Они умирают?

— Я слышала об одной Черной Ведьме, несовершеннолетней, ее заперли, когда ей еще не исполнилось шестнадцати. Совет держал ее в тюрьме, обращались с ней хорошо. Разумеется, три подарка она не получила. У нее развилась болезнь легких, а затем и мозга. Незадолго до своего восемнадцатого дня рождения она умерла.

Может быть, меня тоже держат здесь ради эксперимента: посмотреть, что со мной будет?

Изучение темы Маркуса подразумевает разговор о совершенных им убийствах и о его Дарах. Имеется огромный список ведьм, которых он

убил: когда и где, да еще со всеми подробностями. «*Иде*», конечно же, уточняет название страны, города или деревни, а дополнительно — что именно случилось и в каком месте: в доме, под открытым небом, у воды, в горах, у лесного ручья или на городской улице... «*Когда*» сообщает нам даты, описывает время суток, фазы луны, а также погодные условия... Белых Ведьм в списке сто девяносто три. И двадцать семь Черных, хотя по-настоящему их, наверное, куда больше. Маркусу сейчас сорок пять, а значит, все двадцать восемь лет с тех пор, как он получил свой Дар, он в среднем убивал в год человек по семь-восемь.

Хотя это и не совсем точно: пик убийств пришелся на год, когда ему было двадцать восемь — тридцать два трупа за двенадцать месяцев. С тех пор он, наверное, постарел, или подобрел, или просто прикончил всех или почти всех, кого собирался.

Есть в списке Селии и Дары, которыми обладали убитые им ведьмы. Однако сердца он съел не у всех, а лишь у тех, чьи Дары хотел получить.

Дар самого Маркуса — тот, который был у него изначально, — состоит в том, что он может превращаться в разных животных. Больше всего он любит обращаться в больших кошек. Правда, никто этого толком не видел: судить ведь можно только по отпечаткам лап, по состоянию тел да свидетельствам редких очевидцев, видевших что-то с большого расстояния. Уцелевших почти нет. Точнее, они есть, но их всего двое: парнишка, кото-

рый спрятался за книжными полками, и моя мать. Мальчик ничего не видел, только слышал рычание и визг. Мать говорила, что тоже спряталась, она говорила, что никогда не видела Маркуса, но это все вранье, а правды она никому не сказала, даже бабушке.

У большинства ведьм, которых убивал Маркус, не было никакого особого Дара, в лучшем случае зельеварение; значит, он убивал их не потому, что хотел присвоить их способности. В основном это были Охотники, пытавшиеся его захватить, но были и члены Совета и просто Белые Ведьмы. Полагаю, у него были на то свои причины, но какие, Селия мне не рассказывает, если, конечно, сама знает подробности. Вот список Даров, похищенных им у других ведьм (не считая зельеварения), которые перечислены следом за способностями:

— Умение посылать столбы пламени изо рта и ладоней (отец Аррана, член Совета).

— Невидимость (отец Киерана, Охотник).

— Способность двигать предметы силой мысли (Дженис Джонс, почтенная старая Белая Ведьма, хотя, по мне, так обыкновенная мошенница).

— Способность видеть будущее (Эмеральда, Черная Ведьма. Интересно, а свое будущее она знала?).

— Умение принимать облик любого человека, хоть женщины, хоть мужчины (Джози Бах, Охотница).

— Умение летать (Малькольм, Черный Колдун из Нью-Йорка, — эту способность Маркуса ставят под сомнение: говорят, что он просто-напросто делает необычайно большие шаги).

— Способность заставлять растения расти или вянуть (Сара Адамс, член Совета — интересно, он что, любит копать в саду?).

— Умение испускать электрические разряды разными частями тела (Фелисити Лэм, Охотница).

— Умение исцелять других (Дороти Мосс, секретарь Предводителя Совета).

— Способность гнуть и корезить металл (Сьюзан Портер, Охотница).

И, наконец, самое странное:

— Умение замедлять время (Курт Куртейн, Черный Колдун).

Я задаю вопросы о Маркусе и его предках. Селия назвала мне их имена по мужской линии. Впечатляющий список могущественных Черных Колдунов. И у всех был один и тот же Дар: способность превращаться в животных. Но я продолжаю сомневаться относительно своего Дара. А вдруг половина Белой крови во мне на что-то повлияет?

И хотя тема Маркуса больше не табу, это не значит, что мне позволено знать о нем все. Задавая вопрос, я слышу обычно один ответ: «Это не имеет значения».

Я спрашивал имена предков Маркуса по женской линии.

Но мне ответили, что это не имеет никакого значения. Где Маркус родился и вырос? Не имеет значения. Как он познакомился с моей матерью? Пощечина.

Но я и сам знаю, как это произошло, ведь после моего возвращения от Мэри бабушка рассказала мне все. И я поневоле задаюсь вопросом: знает ли сама Селия правду об этом, да и обо всем остальном, что касается моего отца, тоже?

Один раз Селия спрашивает:

— Как, по-твоему, я контролирую свой Дар?

Я очень устал в этот день: вычистил кухонную плиту и сделал три пробежки. Поэтому я просто пожимаю плечами.

В следующую секунду я уже лежу на кухонном полу, зажимая уши руками. Нечасто она пускает в ход свой Дар; обычно просто бьет.

Шум обрывается так же внезапно, как и возникает; я поднимаюсь, хватаясь за край плиты. Из носа у меня течет кровь.

— Ну, здорово я контролирую свой Дар?

Тыльной стороной ладони я вытираю нос и говорю:

— Да, вы думаете о том, что сделать и...

...снова оказываюсь на полу.

Шум прекратился, я тупо смотрю на половицы. Мы с ними старые друзья. У них я часто ищу совета. Но в подобных ситуациях они плохо сообщают. Я встаю на колени.

— Ну?

Я пожимаю плечами.

— Просто делаете это, и все.

— Да. — Она съездила меня ладонью по макушке. — Так же, как и бью. Я знаю, что хочу ударить, знаю кого и знаю куда, так что это почти рефлекс. Я просто делаю, и все. Мне же не надо думать о том, чтобы замахнуться и нанести удар. — Она отвешивает мне новую оплеуху. Я встаю на ноги и отодвигаюсь. — А как Маркус контролирует все свои Дары? Те, которые он украл? — спрашивает она.

— А он их все контролирует?

Селия кивает в ответ.

— Есть свидетельства того, что он может пользоваться молниями, передвигать предметы, делать огромные скачки...

— Есть люди, которые могут играть на разных музыкальных инструментах. Просто берут инструмент и играют. Но прежде чем научиться играть как следует, они, наверное, много тренируются.

Селия говорит:

— Но ведь у каждого всегда есть один любимый?

— У меня и своего-то Дара нет, так откуда...

Ну и больно же она дерется.

А еще Селия обучает меня ведьмовской истории. Не знаю, чему можно верить, если верить хоть чему-либо из того, что она говорит. Короче, она утверждает, что сотни или даже тысячи лет назад, когда мир еще был един, а не расколот на страны, в нем жили племена, и у каждого племени

был свой целитель: шаман. Мало кто из них обладал настоящими способностями, но одна женщина, Гита, отличалась от других: она была сильной, доброй и милосердной. Она лечила больных и раненых как из своего племени, так и из других племен.

Это очень не нравилось вождю, Астеру, который запретил людям из других племен приходить к Гите без его ведома. Он сделал ее настоящей пленницей деревни. Но Гита хотела лечить всех, и, договорившись с раненым воином из своего племени, воином по имени Каллор, она сбежала.

Каллор и Гита поселились в пещере далеко от деревни. Гита лечила всех, кто к ней приходил. Каллор охотился и защищал Гиту. Они любили друг друга, и у них родились дети: две дочки-близняшки, которых называли Ева и Дон. Гита учила обеих ведовству, а в день семнадцатилетия дала каждой по три подарка и свою кровь. Они должны были стать могущественными колдуньями.

Тем временем старый вождь племени Гиты заболел и послал ей весточку с просьбой вернуться в деревню и вылечить его. Гита хотела ему помочь, но Каллор не доверял Астеру и убедил ее послать вместо себя в деревню Еву, младшую дочь. Но Ева, маленькая зловредная пакостница, не стала лечить Астера, а наложила на него заклятие и сбежала. Месяц промучившись жестокой болью, Астер умер. Его сын, Эш, отомстил за отца, убив Каллора и взяв Гиту и Дон в плен.

Дальше в истории сказано, что сострада-
тельная Дон полюбила Эша, и у них родилась
дочь. Она и стала первой Белой Ведьмой на
земле.

А Ева продолжала скитаться от одного племе-
ни к другому. У нее тоже родилась дочь, которая
стала первой Черной Ведьмой.

Я спросил Селию:

— А вы вот в это верите?

— Это наша история.

— Написанная Белыми Ведьмами.

Черные Ведьмы и сегодня насмеваются над Бе-
лыми за то, что те живут в общинах фейнов и при-
творяются людьми. По их мнению, Белые Ведьмы
измельчали, стали похожи на фейнов: теперь, что-
бы убить, им нужен пистолет, а чтобы поговорить
с кем-то на расстоянии — телефон.

Белые Ведьмы ненавидят Черных за их без-
рассудство и анархизм. Они и с фейнами жить не
могут, и свои общины устраивать не хотят. Если
Черные женятся, то это ненадолго, их браки обыч-
но плохо заканчиваются. Живут они чаще всего
в одиночку, ненавидят фейнов и их технологии.
И у них всегда сильный Дар.

Говорить со мной о женской линии моего род-
ства Селия не пожелала, но имена дедов и пра-
дедов она мне все же назвала. Список получился
впечатляющий и в то же время тоскливый. Все
они были могущественными Черными Колдунами,
и ни один из них не умер в своей постели, дожив

до глубокой старости. Мой прапрадед Массимо совершил самоубийство, так что можно считать, что Белые Ведьмы тут ни при чем, но в остальном тенденция прослеживается ясная:

— Аксель Эдж (отец Маркуса) — умер в тюремной камере в здании Совета, не выдержав Наказания.

— Массимо Эдж (отец Акселя) — совершил самоубийство в тюрьме Совета.

— Максимилиан Эдж (отец Массимо) — умер в тюрьме Совета, не выдержав Наказания.

— Кастор Эдж (отец Максимилиана) — умер в тюрьме Совета, не выдержав Наказания.

— Лео Эдж (отец Кастора) — умер в тюрьме Совета, не выдержав Наказания.

— Дариус Эдж (отец Лео) — умер в тюрьме Совета, не выдержав Наказания.

Селия говорит, что с Дариусом не все ясно, так как дело было во времена становления Совета Белых Ведьм как официальной организации, а до того момента записи скудны и отрывочны. Но, судя по устным рассказам, еще несколько поколений моих родственников к списку можно добавить смело:

— Гонт Эдж (отец Дариуса) — убит Охотниками в Уэльсе.

— Титус Эдж (отец Гонта) — убит Охотниками в лесу где-то в Британии.

— Хэрроу Эдж (отец Титуса) — убит Охотниками где-то в Европе.

Я спросил у Селии:

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

— Неужели никто из моих предков не жил долго и счастливо?

— Кое-кто дожил лет до пятидесяти. Счастливо или нет — не знаю.

Так стоит ли удивляться тому, что мой отец немного перестраховывается? А я, когда думаю о своих предках, вспоминаю о том, сколько боли и страданий они вытерпели, и не могу понять: за что? Просто не понимаю. С какой целью меня самого держат в клетке? Я не хочу жить в клетке, я не хочу в ней умереть, я не хочу, чтобы меня мучили, и не хочу убивать своего отца. Ничего этого я не хочу, только жизнь не меняется к лучшему.

Интересно, если у меня будет когда-нибудь сын, какое будущее ждет его? Может, и я поступлю, как Маркус: просто брошу его и буду надеяться, что без меня ему повезет больше. Посмотрите на меня: вот он я, сижу в кандалах, в клетке, и нет у меня ни малейшей надежды на лучшую жизнь.

Но, несмотря на все страдания, жестокость и боль, я все же думаю, что и мои предки хотя бы временами бывали счастливы. Мне кажется, что я могу быть счастлив, значит, могли быть счастливы и они. По крайней мере, я очень на это надеюсь. Потому что, если уж мне суждено умереть в клетке, то я хочу сначала кое-что получить. И тогда я вспоминаю Аррана, и Анну-Лизу, и Уэльс, и что я чувствую, когда бегу, и каждый, абсолютно каждый, глоток воздуха кажется мне столь важным, драгоценным и дарующим надежду.

ФАНТАЗИИ О МОЕМ ОТЦЕ

Благодаря режиму дня я всегда либо еще занят, либо уже устал, и все же остается немного времени, когда я в клетке и мне не хочется ни подниматься в облака, ни отжиматься: я лежу и просто размышляю.

Мне по-прежнему нравится представлять, как отец придет и спасет меня в мой семнадцатый день рождения. Вот я лежу в клетке, сам в кандалах, вокруг все тихо, и вдруг издалека доносится какой-то звук — не ветер и не удар грома, но такой же яростный и могучий. Он появляется из-за холмов на западе, он летит, но не на метле и не на лошади, а стоя, как на доске для серфинга, хотя никакой доски нет, по крайней мере, ее не видно, а он летит ко мне, весь в черном. А шум все нарастает, клетка разлетается на куски, и кандалы просто падают с меня. Отец облетает меня кругом, и тогда я вскакиваю на свою невидимую доску и улетаю с ним. Это лучшее в мире чувство: я рядом с моим отцом, и мы летим, а разбитая клетка навсегда остается позади.

Мы уходим в горы, где он живет, там все такое зеленое и пышное, прямо как в тропиках. Там, среди старых деревьев и замшелых камней, на берегу хрустального ручья мы с отцом сидим, и он дает мне три подарка — нож, поцелуй и кольцо; я пью теплую кровь из его руки, а он шепчет мне на ухо тайные слова, и мы остаемся жить в том лесу: охотимся, ловим рыбу.

Наверное, это моя главная фантазия; по крайней мере, к ней я всегда возвращаюсь.

Но есть и другие. Почти в каждой присутствует Анна-Лиза, обнаженная плоть, нежные ладони, пот и поцелуи. Чаще всего я представляю нас с ней на скале из песчаника, где Киераном и не пахнет; она — в форме, и я медленно-медленно целую Анну-Лизу. Какой восторг! Я расстегиваю блузку Анны-Лизы, снимаю юбку, покрываю поцелуями тело девушки.

Другая фантазия очень похожа: мы с Анной-Лизой на скале из песчаника, но теперь она раздевает меня, стаскивает с меня футболку, расстегивает на мне джинсы и целует меня в грудь, в живот, везде.

Есть и вариации: она раздевает меня на склоне горы в Уэльсе; она раздевает меня на пляже; она раздевает меня на солнце, под луной, в дождь, в грязи и в лужах.

В этих фантазиях на мне нет ни единого шрама.

Последняя вариация такова: я в клетке, которую разрываю на части одной силой мысли, — тут появляется Анна-Лиза, мы целуемся, я раздеваю

ее и целую везде, она раздевает меня и целует мне грудь, живот и спину. Все мои шрамы на месте, но она не обращает на них внимания, и мы падаем на овечьи шкуры и любим друг друга прямо среди обломков клетки.

Это мне нравится. Мне нравится, что ее не пугают мои шрамы. Вообще-то не думаю, чтобы они ей на самом деле понравились, но, может быть, она не будет возражать.

Есть еще фантазия, которая мне не слишком нравится, но я не могу временами ничего с собой поделать и не повторять ее. В ней я живу в маленьком домике, среди прекрасной долины, на берегу быстрой неглубокой реки, вода в которой такая прозрачная и чистая, что серебрится и сверкает даже ночью. Холмы там заросли зелеными деревьями, в их кронах поют птицы и жужжат насекомые. Лес полон зверья. Моя мама жива, она вместе со мной и папой в этом домике. Я почти все время провожу с отцом, мы спим не в доме, а в лесу, вместе охотимся и ловим рыбу. Мы часто бываем у мамы; она разводит кур и выращивает овощи. Летом в долине жарко и солнечно, зимой морозно, кругом лежит снег, и мы всегда жили и живем там все вместе. Мама с папой стареют, но они счастливы, а я не покидаю их, и каждый наш день прекрасен.

МЫСЛИ О МАТЕРИ

Когда я вернулся от Мэри, бабушка рассказала мне, что Маркус и моя мать были влюблены друг в друга. Но моя мать знала, что любить Черного Колдуна — «плохо». И чувствовала себя виноватой. Она вышла за Дина, родила от него детей и старалась стать счастливой, хотя на самом деле давно любила Маркуса, буквально с первого взгляда.

Интересно, продолжала ли она любить его, когда он убил ее мужа, отца ее детей?

Думаю, когда Дин застал Маркуса и мою мать вместе, произошло что-то вроде драки. Дин мог метать пламя из ладоней и рта — такой у него был Дар, но он сослужил ему дурную службу, потому что Маркус тоже владел этим Даром.

Когда же потухло пламя? Может быть, его язычки еще курчавились повсюду, когда Дин выпускал дух?

И где в это время была моя мать? Рядом? Смотрела, как мой отец ест сердце ее мужа?

Легко ли ей было убивать себя, зная, что она всю жизнь любила человека, который лишает жиз-

САЛЛИ ГРИН

ни других? Она любила убийцу большого числа мужчин, женщин и детей, она любила убийцу своего мужа, отца ее детей. Она любила того, кто ел людей. И когда она взглянула на меня и увидела, что я — вылитый Маркус, решила ли она, что знает, чего от меня ждать?

ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

Теперь я прохожу Освидетельствования ежемесячно. Проводит их Селия.

Она начинает с того, что взвешивает меня, меряет мой рост и снимает меня на фото. Ни результатов измерений, ни снимков она мне не показывает.

Затем тестируется мое физическое состояние: скорость бега, результаты тренировок. Все записывается. Этих записей я тоже не вижу.

Потом мне тестируют память, общий интеллектуальный уровень, и я решаю примеры. Тут у меня все в порядке. Это же не письмо и не чтение, хотя, как говорит Селия, эти навыки тоже необходимо тестировать, но мы с ней прекрасно знаем, каков будет результат.

Вот так.

Следующий день я провожу в клетке, закованный. Она уезжает из дома утром и возвращается во второй половине дня. Может быть, встречается с кем-то, я не знаю. Я спрашиваю, но мои вопросы игнорируются.

САММИ ГРИН

Есть и еще одна перемена, о которой Селии сообщили только что: мне не надо ехать в Лондон на ежегодное Освидетельствование. На мой шестнадцатый день рождения Совет пожелает ко мне сам. А значит, я должен выглядеть как можно лучше.

ПАНК

— Ну и чего ты добиваешься?

— А?

— Вот этим. — Медленным кивком головы Селия показывает на мою голову.

Я ухмыляюсь.

Раз в месяц, перед Освидетельствованием, мне разрешается войти в дом и помыться как следует. Там есть горячая вода, правда, коричневая, как торфяная, и мыло. Я сбрываю волосы, которые курчавятся у меня над верхней губой и на подбородке. Бритва такая тупая, что хоть выброси, и я давно уже решил, что в качестве оружия от карандаша было бы больше толку. Раз в месяц Селия стрижет мне волосы, коротко, но сегодня я сам сбрываю их по бокам, и получается ирокез.

— Лучше бы ты сбрил их совсем. Так ты похож на монаха.

— То есть на того, кто чист душой и ищет Истину?

— Нет, на того, кто мягок и беззащитен. На неискушенного новичка.

— А это не про меня.

— Им лучше не перечить.

Селия хочет, чтобы я произвел хорошее впечатление. Наверное, мой успех хорошо отразится и на ней.

Я сажусь за стол.

— А теперь что?

— А теперь я буду сидеть здесь и ждать, а ты пойдешь в ванну и сбреешь всю эту чепуху.

— У вас нет чувства юмора.

— Вид у тебя невероятно забавный, должна признать, но будет гораздо лучше, если ты пойдешь и сбреешь все сам, по доброй воле.

Я возвращаюсь в ванную. Из зеркала на меня глядит незнакомец. Нет, с волосами у него все в порядке, пушистый такой куст. Просто я не узнаю себя.

Наверное, отвык от зеркала. Я наблюдаю, как человек в нем расчесывает волосы, вижу его правую руку со шрамом, которой он держит расческу, а это точно моя рука. Но вот лицо чужое. То есть я знаю, что оно мое, на нем мои шрамы: один под глазом — его оставила Джессика, другой — белая полоска на фоне множества черных точек — там, где я обрил волосы, от камня, которым меня когда-то треснул Ниалл. И все равно мое лицо выглядит совсем другим, не таким, как я его помню. Оно стало старше. Намного. Глаза большие, темные, и даже когда я улыбаюсь, в них нет и тени веселья. Они как будто мертвые внутри, и в них медленно вращаются черные треугольники. Я наклоняюсь к зеркалу, чтобы разглядеть, где кончаются мои

зрачки и начинается радужка, но стукаюсь лбом о стекло. Я отступаю в дальний конец ванной, отворачиваюсь и быстро поворачиваюсь к зеркалу снова, надеясь уловить что-то, какой-нибудь проблеск света. Ничего.

— Что так долго? — кричит Селия.

Я беру бритву и снова кладу ее на место.

Минуту спустя я выхожу.

Она начинает хохотать, но тут же спохватывается и говорит:

— Ну, это уже глупо. Сними.

Я ухмыляюсь ей и щупаю бровь. Я продел в нее три маленьких железных колечка, кольцо побольше продел в правую ноздрю, другое такое же — в левый край нижней губы.

— Это часть моего прикида. Я панк. — Я провожу пальцами по ошейнику. — Жалко, булавок в нем нет.

— Где ты взял эту штуку, которая у тебя во рту?

— Снял с цепочки от затычки для ванной.

— Что ж саму затычку не повесил? Выглядел бы полным дураком.

— Вы старая уже, ничего не понимаете.

— Может, вернемся к моему первому вопросу?
Чего ты добиваешься?

Я смотрю в окно, на холмы и небо, бесцветные от светло-серых облаков, плывущих высоко в небе.

— Ну?

— Свободы от преследований. — Я говорю это спокойно, даже невыразительно.

Молчание.

— Как вы думаете, я когда-нибудь этого добьюсь?

Никакого движения снаружи; ветер не ерошит вереск на склонах холмов, не гонит облака.

Вечером того же дня я рисую. Карандашом — чернила и уголь кончились. Карандаш тоже нормально. Я уже нарисовал растения и животных, которых видел здесь. Несколько моих рисунков Селия отложила в сторону, чтобы показать Совету. Меня так и подмывает спросить: «Чего вы этим добиваетесь?» — но я решаю, что не стоит, все равно ответом мне будет равнодушный взгляд.

Я рисую Селию. Она терпеть этого не может, но так еще интереснее. Рисую я беспощадно: с бородавками и всем прочим. Пленных не берем. Рисунок она потом сожжет. Она всегда сжигает свои портреты. Меня как художника это нисколько не задает — проблема тут в самой натуре, а не в ее изображении.

Еще я рисую автопортреты, но только своей правой руки. Расплавленная кожа на ней напоминает потеки густой масляной краски, каждый заканчивается не до конца затвердевшей каплей. Кожа на тыльной стороне руки, между потеками, вспучилась и потрескалась, тоже как старая краска. Моя рука — искусство.

Я рисую свою руку, сжимающую тонкий, длинный кинжал, как две недели назад. Следя за мной, Селия так долго не дышала, что я думал, она по-

теряла сознание. Я смял рисунок и со словами «Чепуха какая-то» швырнул его в огонь — она не успела меня остановить. Больше я так не рисовал, это было совсем не интересно.

Пейзажи у меня обычно дерьмовые. Не получаются они у меня, и дома тоже ужасно скучные. Но клетку я все же нарисовал. Ухватил сходство. Передал ее бессмысленную черноту, ее стремление держать и не пускать. Я ведь так хорошо ее знаю, свою клетку. Это мой шедевр. Я сказал Селии, что этот рисунок надо послать Совету. Она не ответила, но больше я той картинки не видел. Наверное, она ее сожгла.

— Они будут здесь к концу утра, — говорит она, пока я рисую. — Я взвешу и сфотографирую тебя до их приезда.

— Волнуетесь?

Она не отвечает, и я отодвигаюсь, ожидая пощечины, но она не клюет и на эту наживку.

— Я не напортачу. Не бойтесь. Буду хорошим мальчиком и отвечу на все их вопросы как следует. И плевать не буду, ну, только в конце.

Селия вздыхает.

Снова становится тихо, я сосредоточиваюсь на том, что рисую ее волосы. Похоже, они поредели, наверное, на нервной почве.

— А вы будете присутствовать, когда они будут проводить Освидетельствование?

— А ты сам как думаешь?

— Наверное, нет... Точно нет.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Так, для поддержания беседы.

— Ну, тогда лучше поддерживай.

Я как раз рисую ее рот. У нее широченная улыбка, от которой ее толстые губы кажутся не такими уродливыми и даже более интересными. Мне хочется нарисовать ее возле моей клетки стоящей навтыжку, с ключами в руках и выражением, которое иногда появляется у нее на лице и сильно напоминает жалость. Наверное, потому она и взялась за эту работу.

— Ну? — спрашивает она.

— Ну что?

— Я же знаю, ты что-то хочешь спросить.

Как это она узнала?

— Хммм. Ну-у. Интересно просто... Как случилось, что вы стали моей тюремщицей?

— Учителем и опекуном.

— Желающих, надо полагать, было не так много. — Я уже заканчиваю рот, когда кислое выражение оригинала чуть смягчается.

Она поворачивается ко мне, сменив позу.

— Думаю, что против меня ни у кого не было шансов.

— Вы хотите сказать, что никого, кроме вас, вообще не было?

Я жду, но она ничем себя не выдает.

— А ваша собственная жизнь до того пуста, что сидеть здесь, в этом богом забытом месте, и служить тюремщицей невинному ребенку вам кажется вполне подходящим занятием.

Тут она начинает по-настоящему улыбаться.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

— Да и оплата наверняка не слишком высокая. Она едва заметно кивает.

— Посадить под замок, избивать, наносить увечья, как телесные, так и духовные, мальчику, которому нет еще шестнадцати лет... который не сделал никому ничего плохого... это, несомненно, плюсы вашей работы.

— Да, — говорит она. — Это все плюсы.

Улыбка погасла, но ухмылка не вернулась. Приняв прежнюю позу, она сказала, не глядя на меня:

— Маркус убил мою сестру.

Тогда она должна быть в списке. Я не знаю фамилии Селии. Я спрашивал раньше, но это, по-видимому, не имеет значения.

— Какой у нее был Дар?

— Составление снадобий.

Я киваю.

— Маркус тоже может... как вы... ну, это, с шумом?

— Это есть в списке?

— Вы бы поосторожнее. Он наверняка не прочь получить ваш Дар.

Мы снова молчим.

Я и раньше догадывался, что имею для Селии какое-то значение, точнее, значение имеет то, что я сын убийцы ее сестры. Список убитых Маркусом велик, поэтому она просто не могла не знать лично кого-либо из них. А тут дело гораздо круче — он убил ее сестру.

Я говорю:

— Но я ведь не Маркус.

— Знаю.

— Я не убивал вашу сестру.

— Несправедливо, правда? Но, по-моему, один шанс из тысячи за то, что ему небезразлична судьба его сына, все же есть, и тогда его наверняка бесит то, что тебя здесь держат.

— Он знает, что я здесь?

— Нет, того, что ты именно здесь, он не знает. Это место хорошо спрятано, так что даже ему с его способностями нас не найти. — Она разминает затекшую шею и плечи. — Я хочу сказать, ему известно, что ты у нас. И он наверняка догадывается, что ты тут не как сыр в масле катаешься. Мне бы не хотелось обмануть его ожидания.

— Тогда почему вы не оставляете меня на целый день в клетке? Не думаете же вы, на самом деле, что я смогу его убить? Все эти тренировки — одна сплошная глупость.

Она встает и начинает ходить туда и сюда по комнате. Верный признак того, что не хочет отвечать на заданный вопрос.

— Возможно, но оставлять тебя в клетке на весь день было бы жестоко.

Я так удивлен, что начинаю смеяться только секунды через две. Когда мне наконец удастся взять себя в руки, я говорю:

— Вы меня поражаете. Я же ношу ошейник, который легко может меня прикончить. На ночь вы запираете меня в кандалах в клетке.

— Зато я хорошо тебя кормлю. И сейчас ты сидишь здесь, рисуешь.

— И что мне теперь, спасибо вам сказать?

— Нет. Сиди тут с полным брюхом и рисуй.

— Я уже закончил, — говорю я ей и протягиваю рисунок.

Она берет лист и поворачивает к себе, чтобы рассмотреть. Минуту спустя она сворачивает его трубкой и бросает в огонь.

Я снова беру карандаш и начинаю следующий портрет. Теперь я рисую себя, свое лицо, каким я видел его утром в ванной, только еще старше, так, как по моим предположениям должен выглядеть сейчас Маркус. Я чувствую, что Селия пристально наблюдает за каждым моим движением. Затаив дыхание. Я никогда еще не рисовал его. Глаза я ему делаю в точности такими же, как у меня. Не думаю, что бывают глаза еще мрачнее.

Закончив, я остаюсь недоволен результатом. Слишком он красив получился, слишком хорош.

— Сожгите его, — говорю я. — Это неправильный рисунок.

Селия протягивает руку за портретом и изучает его гораздо дольше, чем свой собственный. Потом выходит с ним из комнаты.

— Это значит, что он именно так и выглядит? — ору я ей вслед.

Она не отвечает.

Я собираю карандаши, кладу их вместе с точилкой и резинкой в старую жестяную коробку.

Крышка закрывается со щелчком и тут же возвращается Селия и снова садится напротив.

— Неужели никому так и не удалось подобраться к нему близко? — спрашиваю я.

— Кто знает, насколько близко или далеко от него они были? Схватить его не удалось никому. Он очень умен. Очень осторожен.

— Думаете, его когда-нибудь поймают?

— Рано или поздно он совершит ошибку, всего одну, но этого будет достаточно: его убьют или схватят.

— А меня используют как наживку?

Она, довольная, отвечает:

— Да уж, надо полагать.

— Но как именно, вы не знаете? Каким образом?

— Моя работа — учить тебя и присматривать за тобой. Больше я ничего не знаю.

— До каких пор?

— Пока мне не скажут «достаточно».

— А что будет со мной, если его схватят?

Она выпячивает нижнюю губу. Губа огромная и толстая. Она медленно втягивает ее назад, не говоря ни слова.

— Меня убьют?

Губа снова выпячивается вперед, но теперь возвращается на место куда быстрее, а ее обладательница говорит:

— Может быть.

— Хотя я ничего плохого не сделал.

Она пожимает плечами.

— Лучше перестраховаться, чем потом жалеть, так?

Она не отвечает.

— А что бы вы сделали, если бы вам велели меня убить? Если бы сказали: «Всади пулю половинному коду в лоб?» — Я приставляю к виску палец, как будто это пистолет, и изображаю соответствующий звук.

Она встает, подходит ко мне со спины, упирается мне в череп своим твердым пальцем и изображает тот же звук.

Ночью мне не спится. Не из-за холода. Ветра нет, все тихо. Облака висят неподвижно. Дождя тоже нет.

Я волнуюсь из-за встречи с Советом. Даже руки дрожат. Нервы, в них все дело.

Я до сих пор ощущаю прикосновение пальца Селии к моей голове. Я знаю, что меня могут убить в любую минуту. Кто и как именно, не важно; все равно результат будет один. И все же сама мысль о том, что это может быть Селия, мне неприятна. Хотя я знаю: она это сделает. Ей придется, иначе кто-то сделает это с ней.

Главное — получать удовольствие от всего, что происходит. Но как можно получать удовольствие от мысли о том, что тебя убьют?

А вот, найди способ.

Селия рассказывала мне, что Анна-Лиза не пострадала, и Дебора с Арраном и бабушкой тоже, но подтекст был такой, что все это может пере-

мениться в любую минуту. Когда меня не станет, они будут вне опасности.

Вот тебе и оборотная сторона медали.

Можно радоваться, думая о том, что они живы-здоровы и все у них в порядке.

Анна-Лиза бежит в лесу среди деревьев, улыбается, хохочет, карабкается на скалу из песчаника. Мне так хочется ее увидеть, еще раз коснуться ее кожи; я хочу, чтобы она опять поцеловала мои пальцы, мое лицо, мое тело. Но я знаю, что этому не бывать никогда, что вместо меня рядом с ней будет какой-нибудь тупоголовый Белый, который будет ее лапать. Вот и получай тут удовольствие!

Дебора выйдет замуж за хорошего парня, у них родятся дети, они будут счастливы. Это я могу себе представить. Так и будет. У нее будет трое или четверо ребятишек, она будет замечательной матерью, и они все будут счастливы. Бабушка будет мирно доживать свой век у нее в доме, кормить цыплят и попивать чай.

Это приятные мысли. А потом я вспоминаю, как бабушка с Деборой плакали на площадке лестницы. Но ведь их слезы высохли тогда, высохнут и теперь — может, они уже не плачут. Может, думают, что меня уже нет.

Не думаю, что Арран поверит в то, что я умер. Вспоминаю, как он, убрав волосы с моих глаз, сказал: «Я бы этого не вынес». Он спит, одна нога свешивается с кровати, а я касаюсь кончиками пальцев его лба и плачу.

ОХОТНИК

В мой шестнадцатый день рождения Селия взвесила и измерила меня. И обрила мне голову.

Середина утра, а я уже в клетке, сижу в оковах. Наверное, Селия считает, что это придает ее работе более добросовестный вид.

На дороге появляется джип. После нескольких лет тишины его шум кажется до смешного громким. А он все нарастает и нарастает. Наконец шум стихает, и они выходят из машины.

Предводитель Совета приехать не соизволила, и та, другая женщина, тоже. Зато здесь Сол О'Брайен, дядя Анны-Лизы, а с ним еще двое мужчин. Один моложавый, темноволосый, в новых прогулочных ботинках, джинсах и блестящей кожаной куртке с иголки. Он до того бледен, словно сроду на улице не бывал. Другой, наоборот, выглядит так, словно много лет не заходил в дом. Волосы у него светлые, с сединой. Сам он высокий, мускулистый, и весь в черном, что и подсказывает мне, кто он. С ними вообще все ясно. Эти на всех глядят сверху вниз, даже на советников.

Селия выходит им навстречу. Интересно, она просто поздоровается или пожмет им руки? Ни то ни другое.

Они подходят поглядеть на меня. Как я сижу в клетке. У Охотника глаза бледно-голубые, даже больше бледные, чем голубые, столько в них серебряных блесток.

Они сначала глядят на меня, потом поворачиваются ко мне спиной и оглядывают окрестности, а потом заходят в дом.

Затем все идет как всегда при Освидетельствовании. Я жду.

За мной приходит Селия. Она молча отпирает клетку и поворачивает назад, к дому. У входной двери она останавливается. Когда я прохожу мимо нее и вхожу внутрь, я жду, что она шепнет мне «Удачи», но она не так уж сильно нервничает.

Гости сидят за кухонным столом, все трое. Я, разумеется, стою. Снаружи, за окном, меряет шагами двор Селия.

Все вопросы задает дядюшка Анны-Лизы, он же записывает ответы. Спрашивает он все о том же, о чем месяцы подряд спрашивала меня Селия. Он ерзает, когда я начинаю читать, в остальное время его лицо сохраняет выражение скуки. Однако он не торопится, и тесты на проверку интеллекта мы проделываем все до одного.

Он говорит:

— У меня все.

Обращается он не ко мне, а к Охотнику. Тот не говорит ни слова. Ни ему, ни мне.

Охотник встает и обходит меня кругом, оглядывая с головы до ног. Он ненамного выше меня, но плотнее. Грудь у него вдвое шире моей, а шея в три обхвата.

Он встает у меня за спиной и тихо говорит, щечка своим дыханием мою шею:

— Сними рубаху.

Я делаю, что он говорит. Медленно, но делаю.

Третий гость, темноволосый, встает и обходит меня кругом — поглядеть на мою спину. Он берет меня за руку, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не отдернуть ее. Пальцы у него слабые, мокрые. Он поворачивает мою руку ладонью вверх, рассматривает шрамы на моих запястьях.

— Ты хорошо заживляешься. И быстро?

Я не знаю, что сказать.

— Сейчас мы выйдем отсюда и посмотрим, — говорит Охотник. И опять я чувствую его дыхание на своей шее.

Охотник что-то говорит Селии. Она кивает и идет туда, где мы обычно занимаемся самозащитой.

— Покажи мне, что он умеет, — говорит Охотник.

Мы с Селией устраиваем небольшой поединок.

Охотник командует перестать и подзывает к себе Селию, которой что-то коротко шепчет на ухо.

Селия возвращается ко мне, и мы схватываемся не на шутку. Мы деремся по-настоящему. Она побеждает — я подпустил ее слишком близко. У меня расквашен нос, под глазом синяк.

Теперь подзывают меня. Темноволосый хочет посмотреть, как я заживляю раны. Я делаю это не спеша.

Я думаю, что на этом все кончится, но Охотник опять говорит с Селией, потом поворачивается ко мне и командует:

— Беги большой круг.

Я бегу, не очень быстро. Что за нужда надрываться.

Когда я возвращаюсь, Охотник снова велит нам с Селией драться. Только на этот раз у нее в руке нож. Она побеждает снова. У меня на руке порез. Я должен залечить его для того, темноволосого.

— Снова беги большой. — Теперь темноволосый уже сам командует.

Я делаю, что велят. Из кожи вон не лезу, так как уверен, что, когда пробежка закончится, меня снова будут бить.

Точно. И Селия снова выигрывает. Видимо, ей сказали не сдерживаться. Я получаю удар ножом в мякоть бедра. Глубокий порез. Тут уж я бешусь. Заживляюсь и...

— Еще раз большой.

Я бегу, но думаю не о беге, а о том темноволосом, об ухмылке на его роже.

На этот раз, когда я прибегаю, Охотник тоже ухмыляется.

У меня возникает дурное предчувствие.

Мне опять приходится драться с Селией. За сегодняшний день я уже пробежал три больших

круга и проиграл три поединка. Я очень стараюсь не подпускать Селию близко, один раз мне даже удается нанести ей удар ногой, но, стоит мне повернуться к Охотнику спиной, как он толкает меня прямо на Селию, и тут уж наступает конец. Я оказываюсь на земле. Охотник подходит и сильно ударяет меня ногой в ребра. Раз. Потом другой. Ботинки у него как из железобетона.

— Вставай. Беги внешний круг.

Я знаю, что два-три ребра он мне поломал. Он, думаю, тоже знает.

Я заживляю их и медленно встаю.

Он тут же наносит мне удар и сбивает с ног. Потом пинает. Снова ломает мне ребра. Я лежу.

— Я сказал, вставай, беги внешний круг.

Я могу заживиться опять, но плохо. На сегодня моя способность к заживлению исчерпана. Я медленно встаю. Медленно начинаю бежать.

На бегу я говорю себе расслабиться. Забыть о них. Притвориться, как будто их нет на свете. Я пробегаю круг и едва успеваю заживиться к его окончанию.

Темноволосый подходит ко мне и разглядывает мою грудь. Синяков нет.

Тут подходит Охотник, в руках у него что-то вроде дубинки. Я гляжу на Селию, но она смотрит в землю.

Когда он заканчивает, я остаюсь лежать. Дубинка была странная. Кажется, у меня ничего не сломано, но самочувствие странное.

Темноволосый подходит и встает надо мной.

— Заживиться можешь? — спрашивает он. — Встать можешь?

Да, встать я могу. Я встаю на колени, но тут у меня все начинает кружиться перед глазами, и я ложусь опять — лежать так хорошо.

Когда я открываю глаза снова, передо мной сидит на корточках Селия.

Я спрашиваю ее:

— Уехали?

— Да.

— Я полежу здесь.

— Да.

День близится к вечеру, и я полностью исцелился. Я получаю добавочную порцию рагу и хлеба. Селия молча смотрит, как я ем.

Я говорю:

— Типичные Белые Ведьмы. Добрые, нежные, сострадательные натуры.

Селия не отвечает.

— Я бы не возражал, но ведь я на них даже не плюнул.

Селия все молчит, и я захожу с другого боку.

— Вряд ли это так важно; Предводитель Совета приехать не потрудились.

— А ты знаешь, кто был тот блондин?

Я пожимаю плечами.

— Это Сол О'Брайен. Его недавно назначили исполняющим обязанности Предводителя Совета.

Я киваю. Интересно, значит, дядюшка Анны-Лизы попер в гору.

— А кто был тот Охотник?

Селия коротко усмехается. Я даже перестаю есть, чтобы взглянуть на нее.

— Я думала, ты знаешь. Это был Клей.

— А! — Значит, меня приезжал проверять главный Охотник. — А другой, темноволосый? Он кто?

— Сказал, что его зовут мистер Уолленд. Я его раньше не видела.

Я приканчиваю рагу и досуха вытираю миску остатками хлеба. Потом отодвигаю ее и говорю:

— Я решил дать вам выиграть все поединки, чтобы вы не позорились.

— Очень заботливо с твоей стороны.

— Только едва ли их это впечатлило. Мои проигрыши. Если уж я не могу побить даже вас, куда мне тягаться с Маркусом.

— Возможно.

— И я даже не пытался ударить Клея.

— Мудрое решение.

Я тоже так думаю, хотя, знай я тогда, что это он...

— Что? — спрашивает Селия.

Не знаю... я не знаю, что думать о Клее, и поэтому говорю:

— Он убил Сабу — мать Маркуса.

Селия кивает:

— Да, а Саба убила его мать.

Я киваю.

— Твоя мать... — Селия произносит эти слова и умолкает. Я даже не смотрю на нее, чтобы не

спугнуть: она явно балансирует на грани какого-то признания, как акробат на туго натянутом канате. — Твоя мать спасла однажды Клею жизнь. Его сильно ранил кто-то из Черных, яд разъедал ему плечо. Твоя мать была единственной, кто мог его спасти. Без ее помощи он бы умер.

Я по-прежнему не смотрю на Селию. Да и что я могу ей сказать?

— У твоей матери был исключительный целительский Дар. По-настоящему исключительный.

— Бабушка говорила. — Хотя эту историю она мне никогда не рассказывала.

— Их интересует твоя способность к самоисцелению.

— И? — Теперь я смотрю на Селию в упор.

— Теперь, я думаю, ты исцелился достаточно для того, чтобы помыть посуду.

БАБУШКА

После Освидетельствования проходит несколько месяцев; режим дня все тот же, что и всегда. Приходит осень, ночи становятся длиннее, и это хорошо. Зима. Снег. Ветер. Я сильнее, чем всегда. Дождь мне не помеха. Мороз я обожаю. Кожа на ступнях моих ног ороговела.

Снег тает, но кое-где в лощинах еще лежит. Солнце уже понемногу греет, хотя приходится долго стоять на одном месте, чтобы это почувствовать.

До моего семнадцатого дня рождения остались месяцы, не годы.

Селия никогда не заговаривает о моем семнадцатилетии. Я часто спрашиваю ее об этом, но она не отвечает.

Как-то днем я в доме пеку хлеб. Селия сидит за кухонным столом и пишет.

Я снова задаю ей все тот же надоевший вопрос:

— На день рождения я получу три подарка или нет?

Селия не отвечает.

— Если вы хотите, чтобы я убил Маркуса, мне нужен мой Дар.

Она продолжала писать.

— Кто даст мне подарки, бабушка?

Я знаю, что меня к ней и близко не подпустят, ни за что на свете.

Селия поднимает голову, открывает рот, как будто хочет сказать что-то, и снова закрывает.

— Что?

Она кладет ручку на стол.

— Твоя бабушка.

— Что?

— Месяц назад она умерла.

Что? Месяц назад!

— И вы забыли мне об этом рассказать?

Они говорят мне только то, что считают нужным, так откуда мне знать, правда это или нет?

Я швыряю тесто на пол.

— Я вообще не должна была тебе об этом говорить.

Значит, Селия обо мне позаботилась, а откуда мне знать, что это не очередная ложь? Но бабушка точно умерла. Это-то правда. Ее убили или заставили покончить с собой, и с остальными так же расправятся, когда только захотят.

— А Арран?

Бессмысленный взгляд.

Я пинаю стул, хватаю его и грохаю им об пол.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

Они всегда будут делать, что захотят, и убивать, кого захотят, и я ненавижу их за это, ненавижу, ненавижу. И я еще раз с грохотом опускаю стул на пол.

— Будешь продолжать в том же духе, придется мне тебя запереть.

Я швыряю стул и с воплем кидаюсь на Селию. В себя я прихожу уже в клетке, скованный по рукам и ногам.

ВИЗИТЕРЫ

Несколько недель спустя я собираю в курятнике яйца. Вспоминаю бабушку, ее цыплят, и как они норовили забрести в дом, и ее саму в шляпе с сеткой, как она стояла возле улья и вынимала соты...

Я ставлю корзинку с яйцами на пол и прислушиваюсь.

Слушаю долго и внимательно.

Тихий, едва различимый звук далеко, в горах.

В кухне гремит посуда.

Я подбегаю к изгороди и по ней вскарабкиваюсь на крышу клетки, чтобы посмотреть на юго-запад, откуда в моих фантазиях появляется Маркус.

Но в холмах все как всегда, и ничего особенного не видно. Я поворачиваюсь кругом, смотрю в другую сторону и слушаю затаив дыхание.

Это не ветер.

Это гром, далекий гром.

Селия стоит у окна в кухне и наблюдает за мной. Она ничего не слышит, но знает: что-то не так, раз я сижу на клетке. Она отходит от окна

и появляется у двери. Теперь уже звук слышен хорошо, и понятно, что он значит.

Это не отец. Это машина.

— Зайди в дом! — кричит мне Селия.

Вдалеке появляется полноприводный джип, он ползет по дороге, точно тяжелый черный жук.

— Слезай с клетки!

Но если в машине люди — настоящие люди, фейны, туристы, путешественники, — то я должен что-нибудь сделать. Я скажу им, что меня держат здесь в клетке. Ошейник — может, они его снимут. Может быть, я подожду, пока Селия их спроводит и тогда... тресну ее чем-нибудь по башке...

Но тут ее поведение меняется. Напряженность исчезает. Она говорит:

— Возвращайся в клетку, Натан. — Ее голос ровен, как всегда. Она знает, кто это.

Я еще пару секунд слежу за джипом, потом спрыгиваю на землю и захожу в клетку.

— Запрись на замок.

Она идет к дороге.

Я закрываю дверь, но замок не запираю. Вместо этого я подхожу к задней стенке и нахожу припрятанный в земле гвоздь. Я прячу его в рот, вогнав на всю длину в щеку, и тут же заживляюсь.

Джип подъезжает ближе, рев становится громче. У дальней стены дома он останавливается. Селия подходит к нему.

Она говорит с водителем через окно. Размахивает руками, мне кажется, что она расстроена. Слишком она выразительно жестикулирует.

Водителя я не вижу.

Двери джипа открываются, и Селия раскидывает руки, как будто хочет их остановить. Они почти такие же здоровенные, как она. Все, разумеется, в черном. Лица шофера я не вижу до тех пор, пока Селия не отходит в сторону, но я и так знаю, кто он.

Что, они приехали убить меня? Какая еще может быть причина? Хотят дать Селии инструкции, как это сделать? Может, все же запереть клетку? Ладно, какой теперь в этом прок.

Клей идет ко мне.

Селия, на шаг позади, говорит:

— Но я никаких указаний не получала.

За Селией идут две Охотницы.

— Выводите его из клетки.

Селия молча распахивает двери.

Теперь я точно знаю: они приехали меня убить. Наверное, отведут куда-нибудь в поле и там прикончат, а может, и беспокоиться не станут — сделают это прямо здесь, рядом с клеткой. И закопают среди картошки. Значит, они убили Маркуса. Мой отец мертв. И я им больше не нужен.

— Выходи. — Голос Селии звучит спокойно.

Я пачусь и трясую головой. Пусть убивают прямо здесь. И я не могу поверить в то, что мой отец мертв.

И тут у меня в голове начинается какой-то зуд — это не Селия, это мобильник. И звенит он не у Охотниц за спиной Селии; ближе. Я чувствую, как что-то вцепляется мне в плечо, со-

скальзывает на запястье, и за моей спиной материализуется четвертый Охотник. Он такой же здоровый и страшный, каким я его помню. Киеран держит мою руку, наручники становятся видимыми. Свободной рукой я пытаюсь дать ему по морде, но он пригибается, пригибая меня за наручник к земле, тем временем в клетку вбегает Охотница и хватает меня за левую руку. Я успеваю пнуть ее, но тут меня подтягивают к прутьям, замыкают руки за спиной в наручники и два раза сильно ударяют.

— Попробуй еще, я тебе руки вырву, — рычит Киеран мне в ухо.

Великая штука ненависть: когда она есть, все остальное просто перестает существовать. Так что старые уловки работают легко. Я не обращаю внимания на то, что он выкручивает мне руки, на боль, ни на что вообще. Резко запрокинув голову, я бью Киерана затылком в лицо и слышу, как хрустит его нос.

Он взвизгивает, но хватки не ослабляет.

Он заводит мне руки наверх так, что я не могу больше пошевелиться, но все же не вывихивает, так что я поневоле спрашиваю себя, серьезно ли Киеран собирался оторвать мне руки.

Киеран выволакивает меня из клетки и швыряет на землю, но я изворачиваюсь и выбрасываю ногу вверх так, что подошва моего ботинка ударяет его в лицо. Снова перекатываюсь и вскакиваю, но поздно: Охотницы уже оседлали меня, и удар в почку оказывается очень чувствительным.

Я стою на коленях, уткнувшись носом в тропу.

Селия кричит на Клея:

— Это неприемлемо! Я его наставник!

Клей отвечает спокойно. Он говорит:

— У нас есть приказ забрать его отсюда.

Чей-то ботинок опускается мне на затылок и вдавливают меня лицом в землю.

Селия жалуется, спорит, говорит, что она должна поехать тоже, но Клея не уговорить. Он отвечает «нет», и все.

В конце концов Селия говорит, что надо снять с меня ошейник. Просит разрешения сделать это.

Когда она снимает его с меня, ее руки очень ласковы, и она говорит:

— Я поеду за тобой.

Клей отвечает:

— Нет. Нам придется позаимствовать ваш фургон. Он слишком опасен, нельзя везти его в джипе.

— Тогда я поведу ваш джип.

— Нет, джип поведет Меган. Если вы так настаиваете, вам придется поехать с ней.

Теперь в его голосе угроза; Селия наверняка ее тоже слышит. Навредить Селии Меган не сможет, но она заблудится, поедет не той дорогой, у нее кончится бензин. Селия не рискнет ссориться с Охотниками; она останется здесь. Она сделает все, как они скажут.

— Ах да, я же должен передать вам это. — Голос Клея снова становится обычным.

— Уведомление! Когда оно принято?

Он молчит.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

— Два дня назад? Почему мне не сказали?
Я же за него отвечаю.

Клей по-прежнему не отвечает.

— Здесь сказано, что всех носителей половинных кодов надлежит «кодифицировать». Что это означает? — Я знаю, что Селия говорит все это ради меня.

— Селия, в мою задачу входит только транспортировать его отсюда.

— Я поеду...

Но Клей перебивает ее:

— Я же объяснил ситуацию, Селия. Теперь он наш.

— И когда вы его вернете?

— На этот счет у меня никаких указаний нет.

КОДИФИКАЦИЯ

Я в фургоне Селии, лежу, уткнувшись лицом в металлический пол. Почти два года прошло с тех пор, как я лежал так на этом же полу, но облупившаяся краска все еще кажется знакомой.

Киеран уже начал заживлять свой расквашенный нос, но ему еще долго над ним трудиться. В руках у него цепь, она спускается от моих наручников к лодыжкам, обвивает их, и он время от времени дергает за нее, просто так, от скуки.

Клей сидит на пассажирском кресле впереди, Тамзин за рулем, Меган едет за нами в джипе, а Селия, я так думаю, осталась дома.

Мне только и остается, что расслабиться и отдохнуть, но, стоит мне задремать, как Киеран дергает меня за цепь или бьет ею меня по задку. Когда ему и это надоедает, он кричит водителю:

— Эй, Тамзин, я еще придумал.

— Что? — отвечает она.

— Какая разница между половинным кодом и трамплином?

Она не отвечает, а я чувствую, как на мою спину тяжело опускается башмак и слышу:

— Когда встаешь на трамплин, разуваяешься.

Следующую остроту он произносит тихо, так, чтобы слышал только он и я.

— Какая разница между половинным кодом и луком? — Он поднимает подол моей рубахи. Я чувствую, как его пальцы шарят по нижней части моих шрамов, его шрамов, и он продолжает: — Когда режешь лук, плачешь.

Через четыре-пять часов фургон останавливается. Судя по голосам, мы на заправочной станции где-то на шоссе. Они заливают в машину бензин, потом сами заправляются бургерами, чипсами и газировкой. Запах был бы очень соблазнителен, но я страшно хочу в туалет и не могу даже думать о еде и напитках.

Наверное, все равно не поможет, но я попробую.

— Мне надо в туалет.

Цепь снова бьет меня по ляжкам.

Фургон трогается с места. Клей бормочет какие-то указания водителю, но я ничего не могу разобрать.

Через двадцать минут фургон тормозит. Меня выволакивают за лодыжки наружу, прямо на улицу, вернее, в кусты, в которых стоит фургон. Шума движения почти не слышно. Они нашли тихий уголок.

— Любая мелочь. Что угодно. И ты мертвец. — Киеран так близко, что брызги его слюны летят прямо мне в ухо.

Я делаю вид, что ничего не слышу.

Он расстегивает мои наручники и освобождает мою правую руку.

Я писаю. Долго-долго и с удовольствием.

Едва я успеваю застегнуть ширинку, как на меня снова надевают наручники и запихивают в фургон. Я лежу внутри и улыбаюсь, отчасти оттого, что пописал, отчасти оттого, что думаю о Селли: она круче этих идиотов.

Мы едем дальше. Киеран, наверное, уснул, потому что он больше меня не беспокоит. Гвоздь по-прежнему у меня во рту, но рядом трое Охотников, и у меня нет шансов на побег.

Ржавый пол фургона царапает мне щеку, когда меня опять за ноги выволакивают наружу.

— На колени.

Я во дворе здания Совета, там же, откуда меня забрали больше года тому назад.

Толчок в спину.

— На колени! — вопит Киеран.

Клея нет. Тамзин и Меган стоят у кабины фургона. Киеран стоит надо мной, а я щурюсь на него снизу вверх. У него распух нос и синяк под глазом.

— Что-то ты медленно лечишься, Киеран.

Его ботинок взлетает в воздух, чтобы врезаться мне в лицо, но я успеваю упасть, перекатиться и вскочить на ноги.

Тамзин смеется.

— А он проворный, Киеран.

Киеран притворяется, что ему все равно, и отвечает:

— Ладно, теперь пусть они с ним возятся.

Я оглядываюсь и вижу двоих охранников, которые хватают меня за руки и уволакивают прочь, не говоря ни слова.

В здание Совета мы входим через деревянную дверь, идем по коридору, сворачиваем направо, потом налево, минуем внутренний двор, входим в другую дверь и опять сворачиваем налево. Тут мы попадаем в коридор, который я узнаю, и вот я уже сижу на скамье перед дверью в комнату для Освидетельствований.

Я залечиваю многочисленные царапины и ушибы.

Все почти как в старые добрые времена. Разумеется, приходится ждать. Руки у меня все еще в наручниках, за спиной. Я гляжу на свои колени и на каменный пол.

Проходит много времени, я все еще жду. В дальнем конце коридора открывается дверь; раздаются какие-то шаги, но я не поднимаю голову. И вдруг шаги останавливаются, и мужской голос говорит:

— Пойдем другой дорогой.

Я поднимаю голову, а потом встаю.

Голос Анны-Лизы тих.

— Натан?

Мужчина рядом с ней, наверное, ее отец, и он старательно толкает ее назад, к двери, в которую они вошли. Дверь захлопывается за ними, становится тихо.

Передо мной стоит охранник, он загораживает обзор. Я знаю, он хочет, чтобы я сел, но я мешкаю, а потом все-таки сажусь, и коридор снова такой же, как раньше.

Но Анна-Лиза была здесь. Она изменилась: повзрослела, вытянулась, побледнела. Она была в джинсах, светло-голубой рубашке и коричневых ботинках. Я снова проигрываю все в голове: шаги, «Идем другой дорогой», я вижу ее, наши взгляды встречаются, в ее глазах радость, она тихо произносит мое имя: «Натан?», так, как будто она сомневается, как будто не может поверить, а потом отец толкает ее назад, она упирается, он толкает сильнее и загораживает ее от меня, она выглядывает из-за его руки, наши взгляды встречаются снова, и, наконец, дверь закрывается. Дверь блокирует все звуки: ни звуков шагов, ни голосов из-за нее не слышно.

Я проигрываю это снова и снова. Кажется, это было на самом деле. Кажется, это было.

Меня освобождают от наручников, взвешивают, измеряют и фотографируют. Все, как перед очередным Освидетельствованием, только до моего дня рождения еще несколько месяцев, поэтому я не знаю, что теперь будет — Освидетельствование или еще что. Я спрашиваю об этом у человека в лабораторном халате, но охранник, который следит за мной, командует, чтобы я заткнулся, и человек в халате не отвечает. Охранник снова

надевает на меня наручники и выталкивает в коридор, я опять жду.

Когда меня вводят внутрь, в центре стола сидит на этот раз Сол О'Брайен. Я не удивлен. Женщина-советник сидит на своем прежнем месте — справа, а мистер Уолленд слева. Ладно, хоть Клея нет.

Они начинают задавать мне вопросы, как всегда перед Освидетельствованием. Я отказываюсь подыгрывать им, молчу и все. Вид у Сола, как всегда, скушающий, но теперь я больше, чем когда-либо, убежден, что он прикидывается. Он все время прикидывается. Каждый вопрос он задает дважды и никак не реагирует на мое молчание, но скоро они сдаются и больше даже не стараются. Задав последний вопрос, Сол шепчет что-то на ухо сначала женщине справа от него, потом мистеру Уолленду.

Потом он заговаривает со мной.

— Натан.

Натан! Это что-то новенькое.

— До твоего семнадцатого дня рождения осталось меньше трех месяцев. Это важный день в твоей жизни. — Он смотрит сначала на свои ногти, потом на меня. — И в моей тоже. Надеюсь, что именно я смогу дать тебе три подарка.

Что?

— Да, тебе это может показаться странным, но я думал об этом много лет, и мне хотелось бы... мне было бы интересно это сделать. Однако, прежде чем я дам их тебе, я должен убедиться — мы

все должны убедиться, — что ты действительно на стороне Белых Ведьм. Я обладаю правом выбрать тебе код, Натан. Полагаю, в твоих интересах, чтобы он был Белым.

Раньше и я этого хотел и думал, что это ответ на все вопросы, но теперь я больше так не думаю.

— Натан, ты наполовину Белый от рождения. Твоя мать происходила из талантливой и почтенной семьи Белых Ведьм. Мы здесь, в Совете, уважаем ее семью. Некоторые из ее предков были Охотниками, вот и твоя сводная сестра, Джессика, тоже стала Охотницей. Так что по материнской линии ты являешься наследником благородной и уважаемой семьи. А в тебе есть многое от матери, Натан. Многое. Твоя способность к самоисцелению — самый верный знак.

Тут я начинаю думать, что он несет какую-то чушь, потому что мой отец, как я думаю, тоже неплохо самоисцеляется.

— Тебе известна разница между Черными и Белыми Ведьмами, Натан?

Я не отвечаю. Жду обычных аргументов насчет черного-против-белого.

— Интересный вопрос, не так ли? Я часто об этом размышляю. — Сол О'Брайен смотрит на свои ногти, потом на меня. — Белые Ведьмы используют свои таланты во благо. Именно так ты и можешь доказать нам, что ты Белый, Натан. Используй свой Дар во благо. Сотрудничай с Советом, с Охотниками, с Белыми Ведьмами по всему ми-

ру. Помоги нам, и... — Он откидывается на спинку стула. — Твоя жизнь станет намного проще. — Его глаза, кажется, взблескивают серебром, когда он добавляет: — И дольше.

— Меня почти два года держали в клетке. Меня били, мучили и не отпускали домой, к моей семье, Белым Ведьмам. Объясните мне, в чем именно тут «благо».

— Мы заботимся о благе Белых Ведьм. Если тебя признают Белым...

— То вы дадите мне хорошую теплую постель? Да уж, стоит мне только согласиться убить моего отца.

— Нам всем приходится идти на компромиссы, Натан.

— Я не стану убивать отца.

Он еще раз окидывает восхищенным взглядом свои ногти и говорит:

— Что ж, Натан, ты бы разочаровал меня, если бы согласился сразу. Я с большим интересом слежу за тобой с момента нашей самой первой встречи, и ты редко меня разочаровывал.

Я матерюсь на него вслух.

— И в каком-то смысле я рад, что ты не разочаровал меня сегодня. Но, так или иначе, мы все равно своего добьемся. Мистер Уолленд проследит за этим.

Я не успеваю ничего ответить, потому что Сол, кончив говорить, тут же кивает охранникам, те подходят и берут меня под руки.

Когда они выволакивают меня из комнаты и ведут дальше, по коридору, я пытаюсь запомнить направление — налево, направо, опять налево, окна, двери, — но это слишком сложно, и мы скоро оказываемся в такой части здания, где коридоры не прямые, а тот, по которому идем мы, опускается вниз, становясь все уже и уже, так что под конец один стражник идет впереди меня, а другой сзади. Скоро мы оказываемся на лестнице, ведущей вниз. Холодно. Слева тянется ряд металлических дверей.

Стражник, идущий впереди, останавливается у третьей по счету двери, выкрашенной голубым, но краска местами облезла, из-под нее выглядывает серый металл. Это не та дверь, вид которой может преисполнить вас надеждой. Первый стражник открывает ее, второй вталкивает меня внутрь.

Я стою в камере. Свет попадает в помещение только из коридора. Камера пуста, не считая кольца в стене, с которого свисает цепь — ее охранник замыкает вокруг моей лодыжки. Потом он выходит в коридор, захлопывает дверь, закрывает ее на ключ и задергивает засов.

Полная темнота.

Я еще в наручниках. Сделав шаг вперед, я обхожу камеру, касаясь шершавого камня стены пальцами ноги, боком и щекой. Через три шага влево от кольца я упираюсь в угол, делаю еще пару шагов, и цепь туго натягивается. То же самое вправо. Короткая цепь не дает мне дойти до двери.

Пол холодный и твердый, но сухой. Я сажусь спиной к стене. Четыре каменные стены, одна дверь, кусок цепи и я.

Но вскоре к нам присоединяются тошнота и ужас.

Луна как раз в середине цикла, так что дела обстоят плохо, хотя бывает и хуже. Просто я уже давно не находился в помещении ночью. Сначала я дергаю только ногами. Потом всем телом. Это помогает справиться с паникой, но не с тошнотой. Я ложусь на бок и, не переставая подергиваться, перекатываюсь к стене и утыкаюсь головой в угол. Так я и лежу, периодически дергаясь.

Потом меня начинает рвать слизью, поскольку в желудке ничего больше нет. Я не ел с самого завтрака, но позывы к рвоте не прекращаются. В животе у меня пусто, но все мое нутро продолжает сжиматься и выворачиваться, и я то и дело захлебываюсь кашлем, как будто пытаюсь от чего-то освободиться.

Потом начинается шум. Я слышу свист и стук, но не уверен, что они настоящие, может, они мне только кажутся. Свист ужасный, непрерывный; удары такие громкие, что от каждого я вздрагиваю всем телом. Я пытаюсь привыкнуть к ним, но не могу. Все, что я могу, — кричать. Крики заглушают шум, но я не могу орать всю ночь. Меня снова начинает тошнить, и я лежу, уткнувшись головой в угол, и то мычу, то подергиваюсь всем телом, то кричу, когда удары становятся особенно громкими и заставляют меня вздрагивать.

Рассвет. В камере по-прежнему темно, но тошнота и шум проходят так же быстро, как начались.

Никто не приходит.

Надо придумать какой-нибудь план, но ничего не идет в голову.

Никого нет.

Я голоден. Во рту гадкий привкус. Принесут они мне поесть и попить? Или забудут обо мне и бросят здесь умирать?

Про меня вспомнили. Принесли воды, но решили, что есть мне не надо. И имя мое тоже забыли.

Я и сам его уже плохо помню.

— Еще раз прошу, назови свое имя. — Молодая ведьма больше не добавляет «пожалуйста».

Я действую по своему обычному плану, то есть молчу. План, конечно, не самый изысканный, он вызывает раздражение у тех, кто допрашивает, и никак не влияет на конечный исход дела. Но это все же план.

Вместо ответа я только смотрю на нее, внимательно разглядываю ее наружность: гладко причесанные мышиного цвета волосы, маленькие бледно-голубые глазки, аккуратно наложенную тушь, тонкий, ровный слой тонального крема и накрашенные розовой помадой, четко очерченные губы. Ее тщедушное тело одето в хороший бежевый костюм, на ногах колготки и черные лакированные туфли. Судя по всему, она очень старалась выглядеть хорошо, а еще она хорошо выспалась.

Не забыла даже брызнуться духами, какими-то цветочными.

И чем дольше я на нее смотрю, тем сильнее поражаюсь тому, что она, такая хорошенькая, может быть так бесконечно, так жестоко глупа. Оделась, как на деловую встречу, а меня-то в камере держат.

И тут у меня возникает план. Выставив вперед одну ногу, я немного наклонюсь к ней и говорю:

— Мое имя Иван Шухов.

Вид у женщины становится озадаченный и слегка взволнованный. Наверное, пытается сообразить, что это за сленг такой.

— Нет, ты Натан Бирн. Сын Коры Бирн и Маркуса Эджа.

Я откидываюсь назад и говорю, как можно небрежнее:

— Не-а, я Иван. Вам, наверное, другой парень нужен, тот, из соседней камеры.

— В соседней камере никого нет.

— Хотите сказать, он сбежал?

Она растягивает свои подкрашенные губы в улыбку, может быть, хочет показать, что у нее есть чувство юмора.

— Нам просто надо проверить, что ты понимаешь, что происходит.

— Конечно, я понимаю, что происходит, — сказал я небрежно и тут же перестроился на другой тон. — Изумительный Совет Белых Ведьм обращается со мной, как с королем. Кормят сладко, сплю я мягко, да еще и... — тут я опять подаюсь

вперед, — знакомят с симпатичными, душистыми Белыми Ведьмочками. — Охранник тянет меня за руку. — Я Иван Шухов, и я понимаю, что происходит. А вы?

— Никакой ты не Иван. Ты Натан Бирн, и тебя должны кодифицировать.

— Понятия не имею, что это за штука.

Взгляд ее холодных глаз устремлен на меня, льдистый бледно-голубой блеск на бледно-голубом фоне.

— Звучит не слишком весело, — говорю я. — Жалко мне этого паренька, Натана.

— Ты и есть Натан.

— Что значит кодифицировать? Расскажу Натану при случае.

— Это значит нанести сложную татуировку.

— С чего это вы решили, что в татуировках есть что-то сложное?

Она улыбается.

— В этой есть. Мистер Уолленд долго работал над ее составом.

— Что за татуировка такая?

— Твой код, конечно.

Я подаюсь вперед, охранник хватает меня за обе руки и тянет назад.

— Клеймо то есть.

Розовые губы на безукоризненно накрашенном лице приоткрываются, чтобы заговорить, и тут я плюю в них. Точное попадание.

Она визжит и плюется, трет розовый рот. Охранник оттаскивает меня обратно.

Женщина слегка попятилась; ее макияж уже не столь безукоризнен, как прежде, и она вытирает носовым платком помаду. Все еще держа платок у губ, она говорит:

— Твое имя — Натан Бирн. Твоя мать была Белой Ведьмой, твой отец — Черный Колдун. Ты — половинный код, так тебя и кодифицируют.

Мой второй плевок попадает на подол ее юбки. Она отшатывается так, словно я ее ударил. Охранники держат меня за руки.

— Отведите его в комнату два-эс.

Шаркая ногами, охранники выходят из камеры и выволакивают меня в узкий коридор, где им приходится развернуться боком, что мне только на руку: ногами я умудряюсь взобраться на стену, хотя один из них и держит меня за шею. У выкрашенной зеленой краской двери с надписью 2С они останавливаются. Дверь отъезжает в сторону, и я ненадолго даже перестаю сопротивляться.

В комнате 2С оказывается стол, вроде операционного, с черными ремнями по периметру. Я снова начинаю орать и вырываться.

В конце концов, им приходится вырубить меня ударом кулака в голову.

Приходя в себя, я закашливаюсь. У меня во рту что-то торчит. Я не могу это выплюнуть. Оно из резины и металла.

Рядом со мной стоит женщина, смотрит на меня сверху вниз. Она улыбается и говорит:

— А, очнулся, наконец.

Я дергаюсь и кричу, но это жалкие попытки, и я их прекращаю. Стены в комнате 2С выкрашены белым, потолок голый, не считая одной лампы и чего-то вроде камеры слежения в дальнем углу.

Вот и все, что я знаю о комнате 2С, потому что я не могу пошевелиться и ничего больше не вижу. Я лежу на столе, привязанный ремнями. Наручники с меня сняли, но вокруг моих запястий ремни, так что я ощупываю стол кончиками пальцев и чувствую, что лежу на простыне, а под ней есть мягкая обшивка. Моя голова прижата к столу наголовным ремнем, затылком я чувствую небольшое углубление. Ощущение такое, что ремни фиксируют мое тело, руки, ноги и лодыжки.

Я стараюсь не думать о Наказании. Не вспоминать о порошке, который сыпал мне на спину Киеран. Но во рту у меня кляп. Может быть, кодификация — это просто другое название Наказания?

Дребезжит дверь, я слышу, как она отъезжает в сторону, потом что-то тяжелое тащат по полу. Свет становится таким ярким, что обратная сторона моих сомкнутых век становится красной. Снова что-то тяжелое волокут по полу, звякают какие-то металлические инструменты.

— Натан. Посмотри на меня.

Это мистер Уолленд. У него очень темные синие глаза с белыми крапинками. На нем лабораторный халат.

— Ты здесь для кодификации. Процедуру буду выполнять я. Возможно, тебе будет немного неприятно, но постарайся вести себя тихо. Расслабься.

Я снова начинаю ерзать.

— Это немного похоже на татуировку, но делается быстрее и проще. Сначала мы сделаем то, что на пальце. Чтобы ты почувствовал, как это будет. Ты ведь левша, правда?

Вряд ли он может угадать ответ в моих сдавленных воплях и попытках вырваться.

Он надевает на мизинец моей правой руки металлическое кольцо и закрепляет его.

— О'кей. Итак, все просто. Надо только расслабиться. Все будет готово...

Я ору в кляп, когда в кость моего пальца входит игла.

Игла выходит.

Мистер Уолленд ослабляет кольцо и сдвигает его вниз, к ногтю. Игла вонзается снова.

Я вцепляюсь зубами в кляп и смотрю на него, из моих глаз текут слезы.

Боль прекращается.

Мое сердце колотится.

Это не татуировка.

Мистер Уолленд расстегивает кольцо и снимает его совсем. Он и та женщина разглядывают мой палец.

— Отлично. Просто отлично. Почти никакого отека. У тебя исключительное тело, Натан. Просто исключительное.

Мистер Уолленд огибает стол, направляясь к моей левой руке.

— А теперь перейдем к другим татуировкам, побольше. Тут может быть большее.

Я чувствую холодное металлическое прикосновение к тыльной стороне левой ладони, на уровне среднего пальца. Я смотрю на своего мучителя и матерю в кляп.

Мистер Уолленд не обращает на меня никакого внимания и продолжает заниматься своим делом, склонившись надо мной так, что мне видна его макушка. Темно-русые волнистые волосы.

— Постарайся расслабиться.

Ага, как же, сейчас. Что-то царапает внутреннюю часть моей руки, скребет прямо по кости.

Волнистая макушка мистера Уолленда неподвижна. Я тоже не двигаюсь.

Когда царапание прекращается, меня тошнит, я чувствую головокружение.

Мистер Уолленд смотрит на меня.

— Ну как, не очень больно, а? Теперь постарайся запомнить одну вещь — они не исчезнут. Никогда. Они у тебя внутри. Если ты попытаешься избавиться от них, срезав, предположим, верхний слой кожи, они проявятся вновь. Так что лучше даже не пробовать.

Он снова глядит на мою руку, проводит по ней пальцем. Рука кажется набрякшей, от его прикосновения становится неприятно.

— Код получился отлично. Очень хорошо.

Он отходит к дальнему концу стола.

— Теперь лодыжка. Расслабься. Это займет всего несколько секунд.

Несколько секунд подряд игла пробирается через мою плоть, впивается в кость, проникает в костный мозг. У меня во рту кляп, и я понимаю, что блевать нельзя.

— С большими костями дольше, — говорит он. — Ну вот, осталась последняя.

Он передвигает машину к верхнему краю стола, исчезает из виду и тут же появляется вновь справа от меня.

Он устанавливает машину вокруг моей шеи.

Ох нет... нет... нет...

— Постарайся успокоиться. — Он наклоняется вперед, его лицо оказывается прямо рядом с моим. — Здесь ощущение может быть немного странным.

Я лежу на тонком матрасике, подтянув к животу колени. Мое правое запястье приковано наручниками к металлической решетке кровати. Места, где меня кодифицировали, еще чувствуют боль. Пальцы и руку как будто топтали каблуками. Лодыжку ломит. Но хуже всего дело обстоит во рту. Я чувствую привкус, мерзкий металлический привкус.

Глаза я пока не открывал. Хотя не сплю уже некоторое время. Не знаю точно, как долго. Мне хочется назад, в клетку.

Вдруг мне вспоминается лицо мистера Уолленда, как он улыбается мне. Я открываю глаза.

Эта камера отличается от той, каменной. Здесь есть что-то медицинское, как в комнате 2С. Комнату освещает слабый молочный свет, его испускает крохотная лампочка в углу потолка. Прямо напротив, в другом углу, видеокамера. В комнате нет ничего, кроме кровати. Я поднимаю руку и смотрю на нее.

Ч 0.5

Это татуировка черного цвета. Точно такая же на лодыжке.

Конец всем мечтам о признании меня Белым. Для них я всегда буду наполовину Черным.

Я заживляю палец и ладонь. Ощущение синяка проходит. То же происходит с шеей и лодыжкой. Постепенно пропадает привкус во рту, начинается знакомый зуд. Я опять подтягиваю колени к подбородку и разглядываю татуировки на мизинце. Три крошечных черных надписи. Ч 0.5.

Мне нужен план.

Свет горит для того, чтобы за мной можно было следить. Я сопротивляюсь желанию поглядеть в камеру.

Гвоздь по-прежнему у меня во рту. Я прокусываю щеку и выковыриваю его языком и зубами, потом выплевываю его в ладонь, которую подношу ко рту как будто бы для того, чтобы обтереть губы. Открыть гвоздем замок на наручниках совсем не трудно, правда, приходится все время прикрывать его собой, чтобы не видно было, чем я занят. Замок открыт, но я не спешу снимать наручник.

Теперь надо войти в роль.

Я начинаю кашлять, потом дрыгаю ногами и хватаюсь за горло так, как будто мне не хватает воздуха. Представление занимает не больше двадцати секунд, после чего я слышу лязг дверной задвижки. Я скатываюсь на пол и лежу тихо, моя правая рука торчит в воздухе, как будто она все еще прикована к кровати. Глаза у меня открыты, но я прикрываю их локтем.

Ноги и полы лабораторного халата мистера Уолленда приближаются ко мне; похоже, он и правда испугался. Черные ботинки охранника останавливаются на пороге.

Мистер Уолленд наклоняется надо мной, одной рукой я хватаю его за шею, другой сильно бью его в лицо, перекатываюсь на ноги и наступаю ему на яйца.

Охранник уже в комнате, тянется к моей руке. Я бью его ногой в коленную чашечку. Раздается хруст, охранник хрюкает и валится на спину, но у него длинные руки, и деться от них в крохотной комнатухе некуда. Он валится, увлекая за собой и меня, но я выворачиваюсь, перекатываюсь на бок и снова бью его ногой в ту же чашечку. Но он все еще держит мою руку и, размахнувшись другой рукой, наносит скользящий удар мне в ухо. Я изгибаюсь и бью его в лицо. Его хватка слабеет, еще один пинок, и я освобождаюсь от него. Мистер Уолленд тоже лежит не двигаясь.

Я встаю, выхожу из комнаты, закрываю за собой дверь и запираю ее на задвижку.

Справившись с задвижкой, я некоторое время стою, прислонившись к двери, и дивлюсь тому, как это оказалось просто. В ухе пульсирует кровь, в такт ударам сердца. Я заживляю ухо.

Если бы в камеру смотрел кто-нибудь еще, то он уже давно был бы здесь.

Я иду налево, прохожу мимо комнаты 2С, потом сворачиваю направо, подальше от камеры, и поднимаюсь по каменным ступеням. Потом иду по коридору влево — этим путем меня вели сюда, и я до сих пор никого не встретил. Я медленно открываю дверь в конце коридора и выглядываю наружу. За ней начинается другой коридор, он кажется мне смутно знакомым, но тут все коридоры похожи. Я пробегаю по нему, затем через внутренний двор, который точно видел раньше, но куда идти дальше, вспомнить не могу.

Я продолжаю идти. Теперь я уже ничего не узнаю. Я забираю все больше и больше влево. Дверь в конце коридора начинает открываться, я ныряю в другой, правый коридор и как можно тише бегу к противоположной двери. Она на засове. Шаги в перпендикулярном коридоре все ближе.

Задвижку заело, но мне все же удастся расшатать ее немного. Скорее... Скорее...

Шаги все громче.

Я проскальзываю в дверь и тихо прикрываю ее за собой.

Мне хочется смеяться от счастья, но я затаиваю дыхание и распластываюсь по двери. Я во дворе, откуда забирала меня Селия. Ее фургона здесь нет.

Нет вообще никаких транспортных средств. Есть только высокая кирпичная стена с колючей проволокой поверху. В стене массивные металлические ворота, для машин, а рядом — обычная деревянная дверь. Скорее всего, она заперта на замок, окружена сигнализацией, защищена специальными заклятиями, но, может быть, заклятие только одно, и оно мешает людям входить, а не выходить...

Держась поближе к стене, я быстро огибаю двор. Деревянная дверь заперта на две щеколды — одна сверху, другая снизу. Открыть их — дело одной секунды.

Как-то уж слишком легко мне все удастся.

Теперь я боюсь лишь одного — ужасного разочарования, которое охватит меня, когда окажется, что по ту сторону двери стоит охранник.

Медленно и бесшумно я открываю дверь.

За ней никого нет.

Меня трясет. Я делаю шаг за дверь и тихо закрываю ее за собой.

Я в переулке. Узком, мощенном булыжником. А надо мной небо; оно серое и облачное, начинается вечер.

В конце улицы идет пешеход. Обычный человек, разговаривает по мобильнику, шагает, смотрит перед собой. Проезжает машина, за ней автобус.

У меня подгибаются колени. Я не знаю, что делать.

Часть четвертая

Свобода

ТРИ ПАКЕТИКА ЧАЯ В ЖИЗНИ НАТАНА МАРКУСОВИЧА

Я на свободе уже десять дней, и со мной все в порядке: сижу в каком-то деревенском доме и пью чай. В дом я прихожу почти каждый день, а сплю в лесу, примерно в миле от дома. В лесу хорошо и очень тихо; так что если кто-то попробует подкрасться ко мне, я услышу первым. Правда, поблизости совсем нет людей. Конечно, хорошо жить не в клетке, но в ней мне лучше спалось. Здесь же мне постоянно снятся кошмары. Правда, не настолько страшные, чтобы вскакивать в поту... снится одно и то же: я все бегу и бегу по переулку позади здания Совета.

Люди, которым принадлежит этот дом, не живут в нем постоянно, скорее всего, приезжают только на лето. Поэтому я спокойно вошел внутрь, недолго пошуровав в замке куском проволоки. Я почти каждый день принимаю душ, а иногда поднимаюсь наверх и ложусь на одну из кроватей, как та девочка из сказки про медведей. Постели в доме очень мягкие, но я никогда не засыпаю. До того, как я нашел это место, у меня были проблемы с едой. А тут, даже забавно, есть и геркулес.

Еще в шкафах я нашел макароны, хлопья и овес. Молока, как я уже говорил, у меня не было, поэтому варил кашу просто на воде. Каша у меня получается хорошая, без комков; но тут оказалось, что я очень быстро съел весь мед, джем и изюм, так что уминаю все, что осталось.

Я стараюсь есть не чаще одного раза в день; все равно в какое время — главное, чтобы хотелось. Ем немного, да здесь особо и не разбежишься. Мое любимое блюдо — подсоленный рис. Правда, в первый день был даже консервированный тунец, но он закончился к вечеру, а консервированная фасоль — на следующий день. Я опускаю в карман полпачки «Витабикса¹» и сосу их вечером в лесу, пока засыпаю.

В дом за это время приезжали люди и пробыли два дня. Наверное, на уик-энд. Мама, папа, двое детишек и собака — просто идеальная семья. Кажется, они даже не заметили, что к ним кто-то наведывается, чтобы подхарчиться. Я ведь всегда прибираюсь, когда ухожу. После их визита прибавилось макарон, зато овес закончился. Я надеялся на еще одну банку тунца, но... не повезло.

Мне кажется, что временами я слышу снаружи какие-то звуки. Не обращай внимания, Натан, нет там никого.

Но я опять начал грызть ногти. Я грыз их, когда был маленьким, а потом перестал. Теперь вот

¹ Витабикс (англ. Weetabix) — фирменное название пшеничных батончиков из спрессованных хлопьев.

снова начал. Анна-Лиза. Я стараюсь не думать о ней слишком часто.

Идет дождь. Мелкий. Опять какой-то звук.

Нет. Лучше все-таки выйти и проверить.

Я возвращаюсь в лес. Кажется, за мной следят. Такое у меня иногда возникает чувство. Даже мурашки по спине.

Слишком уж легко мне удалось сбежать. Трудно поверить, чтобы Совет, который из кожи вон лез, контролируя каждый мой шаг с самого рождения, устраивал для меня Освидетельствования и выпускал Уведомления, запер меня в клетке у Селии, сделал мне все эти татуировки, вдруг взял и так легко дал мне сбежать. Нет, наверняка это какой-то новый план.

Шпионили же они за мной раньше, когда я жил у бабушки и ездил в Уэльс. Тогда я этого не знал, а теперь знаю.

Та семья, которая приезжала в дом, они были похожи на фейнов, но как знать. Может, Охотники могут притворяться фейнами. И тот первый мужик, который согласился меня подвезти, он так на меня косился, да еще задавал разные вопросы. Правда, оказался вроде нормальным, раз уж отпустил меня, но я так наорал на него, что он изрядно перепугался.

Мои татуировки — это какое-то устройство для слежки. Вот единственное объяснение. Наверное, они смотрят в какой-то экран и видят на нем мигающую точку. Это я. Я такое в фильме видел.

Блип... блип... блип. Вот сейчас они сидят в своем фургоне, смотрят в экран и видят, что я бегу краем поля назад, к лесу.

Укрытие у меня нормальное. В него не проникает дождь, и земля в нем всегда сухая. И найти его не так легко, оно под корнями большого дерева, у ручья.

Я часто сижу здесь.

И иногда, сидя здесь, я думаю, что никто за мной не следит и что я сбежал по-настоящему, и я говорю себе: «Я сбежал. Я свободен. Я сбежал. Я свободен».

Но свободным я себя не чувствую.

Иногда я плачу. Сам не знаю почему, но это время от времени происходит. Скажем, сижу я и смотрю на ручей, который течет по темно-коричневой грязи, а сам остается чистым, прозрачным и беззвучным, и вдруг ощущаю вкус слез. Их так много, что они уже затекли мне в рот.

Я вздремнул, и теперь, даже несмотря на одеяло и пачку газет, которые я принес из дома, меня бьет дрожь. С чего бы это? Сейчас апрель, снаружи не холодно. Я прожил почти два года в клетке, в самом сыром и промозглом закоулке Шотландии — наверняка самой холодной и промозглой страны в мире, — где видел и снег, и морозы, и метели, и вот я попадаю в это славное теплое местечко и трясусь не переставая. Да, пара бараньих шкур тут не помешала бы.

Я довольно часто вспоминаю Шотландию, думаю о своей клетке, о том, как бегал большой круг и чистил плиту на кухне, как варил кашу и копал картошку, резал и ощипывал кур. А еще я думаю о Селии и о той книге, которую она читала со мной.

Главный герой этой книги Иван Денисович, заключенный. Он отбывает в тюрьме десятилетний срок, но, даже когда срок кончится, домой его все равно не отпустят, потому что таких, как он, отправляют в ссылку. Я думал, ссылка означает, что человек должен просто покинуть свою страну, а там пусть едет куда угодно, — туда, где тепло, к примеру, на какой-нибудь остров в океане или в Америку. Но ссылка означает совсем другое: человека отправляют в какое-то другое место, и оно, разумеется, совсем не в тепле, не на солнышке и даже не в Америке. Нет, это далекое, угрюмое и холодное место, например Сибирь, где человек никого не знает и едва может выжить. То есть та же тюрьма.

А я теперь свободен. И в ссылку не хочу.

И еще мне так хочется увидеть Аррана.

Очень хочется.

Я знаю, что если я поеду к нему, то меня схватят и, может быть, причинят вред Аррану. Но я хочу его увидеть и все время думаю, что если я подкрадусь тихонько к бабушкиному дому ночью или оставляю ему где-нибудь записку, в которой назначу ему встречу, то это, может, сработает. Хотя сам знаю, что не сработает. Я знаю, что меня

снова поймают и во второй раз будет даже хуже, чем в первый, и я не должен даже пытаться увидеться с Арраном — никогда, и тут же чувствую себя трусом.

Полное имя Ивана Денисовича — Иван Денисович Шухов, потрясно, хотя Денисович означает всего лишь «сын Дениса», и это все немного портит, зато показывает, что он обычный парень, такой, как все.

В России, если вы хотите поговорить с человеком, то не должны называть его только по имени, и все. Надо обращаться по имени и отчеству, например, так: «Передайте, пожалуйста, соль, Иван Денисович». А он тебе в ответ: «Многовато соли в рис кладете, Натан Маркусович».

А еще я часто думаю о Маркусе Акселевиче. Наверное, он тоже кладет в рис много соли. А еще сегодня я понял одну удивительную вещь. Мне нравится думать об отце, и я знаю, что, если бы у меня был сын, то мне нравилось бы о нем думать. Я часто думал бы о нем. Так что я знаю, что Маркус обо мне тоже думает.

В лесу хорошо и тихо, никаких собачников, да и людей-то нет вообще. Так здорово просто сидеть на месте и слушать, что происходит вокруг. Из леса доносится птичий щебет, но есть места, напоминающие глубокие «пещеры» пустоты и молчания, и мне нравится сидеть в этих пещерах.

Голова у меня здесь чистая и ясная. Никакого шума, как в клетке у Селии. Никакого шипения

мобильных телефонов. Никакого треска электроприборов.

И, сидя в этих пещерах, я начинаю верить... Что я сбежал.

Сегодня я опять начал бегать. Селия была бы довольна, хотя бегаю я медленно, так что все-таки нет, довольна она не была бы. А еще я отжимаюсь. Но не дотягиваю даже до семидесяти. Понять не могу, как это я всего за несколько недель так потерял форму. Интересно, может быть, это из-за татуировок, может, это они так на меня влияют, хотя нет, скорее всего, дело просто в отсутствии еды. У меня буквально торчат ребра.

Темнеет. Еще один день подходит к концу.

Когда я был у Селии, дни летели, а годы ползли. Там я вставал с рассветом, делал физзарядку, потом работал по дому — дел всегда была масса, — потом отвечал на ее дурацкие вопросы, снова бежал, потом дрался, готовил еду, мыл посуду, запоминал имена ведьм, их Дары, даты и места, и не успевал я оглянуться, как пора было опять возвращаться в клетку. Теперь все наоборот. Часы еле тянутся, зато время, отделяющее меня от моего семнадцатилетия, убегает, как песок сквозь пальцы, а я сижу и смотрю, как оно уходит.

Как-то незаметно снова занимается рассвет. Раньше мне нравились утренние зори, но теперь каждая предвещает всего лишь еще один тягучий, зябкий день. Я только что вспомнил, что Иван на-

чинал каждый свой день, дрожа от холода. Жаль, что у меня нет той книжки с собой. Знаю, что я все равно не смог бы сам ее прочитать, зато ее можно было бы держать в руках или засовывать под рубашку, поближе к груди.

Но одна книга у меня все-таки есть. Это алфавитный справочник, который я стащил, когда удирал из Лондона.

Отличная книга! Книга, которую даже я могу прочесть. Я смотрю на карты и все в них понимаю.

Я украл справочник, потому что знал — мне надо будет найти Боба, о котором рассказывала мне Мэри. Человека, который поможет мне найти Меркури.

И снова дождливо и пасмурно. Я смотрю телек и пью чай. То есть не то чтобы смотрю, просто он включен, а я пытаюсь анализировать звуки у себя в голове. Под черепом что-то шипит, точнее сказать я не могу. Звук не в ушах, он именно в голове, чуть впереди и справа.

Такое же шипение, только более громкое, вызывают в этом месте мобильные телефоны. Когда я жил у Селии, подобного шипения я не слышал. У нее не было мобильного. Но, когда появились Охотники, я услышал, как они шипят.

Здесь, в лесу, никто не шипит.

Только что принял душ. В ванной полно шампуня, мыла и всякой всячины. А еще там есть электробритва: настоящий кошмар, она просто от-

грызает куски от моего подбородка, но я быстро заживляюсь, так что все равно ею пользуюсь.

Проверяю татуировку на шее. Никуда не делась.

Каждый день я осматриваю все свои татуировки, но они не меняются. Я содрал кожу на лодыжке и убедился, что мистер Уолленд был прав: татуировка появилась снова. Она даже просвечивала фосфоресцирующим синим сквозь корочку на ранке.

Я смотрю в зеркало и в свои глаза, и в глаза отца. Интересно, когда он смотрится в зеркало, догадывается ли он, что это и мои глаза? Я очень хочу увидеть отца — ненадолго, хоть когда-нибудь, всего-то один раз, поговорить с ним по-настоящему. Но, может быть, нам обоим будет лучше, если мы никогда не встретимся. Если он верит в то видение, значит, он не захочет встречаться со мной. Жаль, что я его не видел. Что в нем: я закалываю его Фэйрборном? Пронзаю ему сердце? Я хочу сказать моему отцу, что никогда бы этого не сделал. Не смог бы.

Мои глаза становятся совсем черными, треугольники пустоты в них почти неподвижны.

Я снова на кухне, сижу наедине с последним пакетиком чая.

Надо уходить. Надо найти Меркури и получить у нее три подарка. Времени осталось совсем мало. До моего дня рождения чуть больше двух месяцев.

А это значит, что мне придется пойти к Бобу, в то место, которое есть на карте. То есть вернуться к своей проблеме. К проблеме переулка.

Шагнув из двери здания Совета во двор, а потом очутившись в переулке, я побежал и мчался, не сбавляя темпа, с приличной скоростью. Три-четыре минуты спустя я еще бежал, но все еще не в конце переулка. Ощущение было такое, как будто я бегу по конвейерной ленте, которая движется в обратную сторону и все время затягивает меня в здание Совета. Я был в панике, едва не визжал от страха, но бежать продолжал и все же добрался до того места, где переулок поворачивает. Я вцепился в угол дома так, что какая-то женщина, шедшая мимо, посмотрела на меня, как на сумасшедшего. Тогда я вышел из-за угла, но продолжал держаться за стену — угол дома я выпустил из рук с невероятным трудом. Потому что знал, что мне предстояло сделать.

Так вот теперь я должен снова вернуться туда, повернуть за угол и войти в переулок. Боб, человек, которого мне надо увидеть, живет в Кобальтовом переулке. В том самом переулке.

НИКИТА

Здание Совета находится слева от меня, через дорогу. Сначала я не был уверен в том, что это оно. Я ожидал увидеть готические шпили и частые переплеты на окнах, как внутри, но оно оказалось совсем другим. Снаружи это обычное офисное здание семидесятых годов: большое, прямоугольное, сложенное из темно-серых бетонных блоков, местами покрытых пятнами. Но переулок рядом с ним показывает, что это все же тот дом. А еще я обошел здание кругом и обнаружил тот самый вход, которым пользовались мы с бабушкой. Он с другой стороны, и к нему надо идти через небольшую сторожку, она все еще там. Это единственная старая часть здания, видимая снаружи.

Я долго стою в дверях и смотрю на здание. Сегодня солнечно, но эта сторона улицы в тени, тени добираются до середины фасадов зданий напротив. Все здание Совета — сплошные окна: большие и квадратные. Они расположены друг над другом рядами и отражают солнечный свет, отчего кажутся лоснящимися и черно-синими;

а в нижних этажах, там, где тень, потрепанные вертикальные жалюзи раздвинуты, и на подоконниках видны чахлые растения в горшках. И ни малейшего движения внутри. Вид у здания нежилой и нелюдимый, типично офисный. При мне в него зашли лишь две женщины. Возможно, ведьмы, хотя их глаз я отсюда не разглядел.

По переулку не ходят люди, не ездят машины, не бегают собаки или кошки. Я говорил себе, что понаблюдаю за ним час-другой и все, но теперь ощущение у меня такое, будто дом следит за мной своими оконными глазами.

Меня всего трясет. С этим пора кончать, иначе можно сойти с ума.

Нет, не могу. Подошел совсем близко, но повернуть за угол не смог.

Но я это сделаю. Я должен это сделать.

Только не сейчас.

Ничего пока не происходит. Я надеялся, что тот парень, Боб, сам выйдет когда-нибудь в переулок, но он не появлялся.

Но ведь он должен же когда-нибудь выйти. Спрятаться и следить — это лучшее, что я могу сделать.

Может, у него выходной или он вообще в отпуске? Да кто его знает?

Ничего, прошел только один день. Всего одним днем меньше.

День второй.

Ладно. Вчера не вышло. Из переулка никто не выходил и никто туда не входил (включая меня). В здание Совета вошли и вышли из него несколько человек.

Но сегодня я с раннего утра на месте. Ночевал в другой подворотне в полумиле отсюда.

И вот уже успех. Несколько человек вошли в здание Совета, но, что важнее всего, по переулку проехал фургон. Фургон подъехал к воротам, они открылись, фургон въехал внутрь, ворота закрылись. С виду все совершенно нормально.

Но пешком по переулку никто не проходил. Я жду, когда покажется тот, кто мне нужен.

Все жду.

И жду.

Но люди все идут и идут мимо переулка, никто даже головы в его сторону не повернет, как будто его не существует вовсе. У поворота висит знак, означающий «тупик», в другом конце видна глухая кирпичная стена, так что вряд ли туда кто пойдет. И все равно, кажется, что для пешеходов он просто невидим.

А что если он никогда не появится? Мэри говорила мне о нем несколько лет назад. Может, он здесь больше не живет. Может, Совет уже поймал его.

И, конечно, стоит мне отвлечься, как кто-то подходит к переулку с улицы и сворачивает прямо в него. Мужчина. Боб?

Я вижу только его спину.

Он седой, тонкий, в бежевых брюках и темно-синем пиджаке, в руке у него вещевой мешок. Он идет быстро, не глядя ни на дверь слева, откуда сбежал я, ни на ворота, в которые въехал фургон, а все прямо и прямо, до конца переулка, где открывает своим ключом дверь справа. Поворачивая ручку двери и входя внутрь, он смотрит на меня. Потом исчезает.

Итак, если это Боб, то мне теперь ждать, когда он снова выйдет? А он, может быть, просидит там еще несколько дней. Мне надо его увидеть. Пора перестать быть жалким трусом. Я перехожу улицу.

Это еще что?

Какая-то девчонка идет впереди меня по переулку; она шагает быстро, вот она уже в конце переулка, стучит в дверь, входит внутрь.

Итак?

Мне сделать то же, что девчонка? Или продолжать тупо ждать?

Автомобильный сигнал. Я стою посреди дороги. Запрыгнув на тротуар, я прячусь в своей подворотне.

Неужели та девчонка тоже следила? Ей что, тоже нужна помощь или, наоборот, она его помощница, дочка... подруга?

Вот она, уже выходит. Совсем девчонка, моложе меня.

Она идет быстро, шныряет в проем между машинами на дороге, поворачивает голову вправо и смотрит на меня.

Делает мне знак подойти.

Я смотрю на переулок.

Ладно, никуда он не денется.

Обернувшись к ней, я вижу, как девчонка сворачивает за угол, и рысцой припускаю за ней.

Она ныряет в один проулок, в другой, и вот мы уже на большой улице, где полно людей и магазинов. Люди мчатся по своим делам, переговариваются, кричат, и я теряю девчонку из виду. Наверное, зашла в какой-нибудь магазин. Одежда. Телефоны. Музыка. Книги.

Я оборачиваюсь и вижу ее прямо у себя за спиной.

— Привет, — говорит она и хватает меня за руку. — Кажется, тебе давно пора что-нибудь выпить.

Она выбирает столик в глубине кофейни. Мы садимся друг против друга. Она купила два горячих шоколада и заказала добавочную порцию миниатюрных зефирок, потом отдала мне поднос и вот теперь сидит, пьет свой шоколад и смотрит на меня поверх чашки с розово-белой горкой. У нее глаза фейна: зеленые, красивые, но без искорок. Абсолютно обычные глаза. И все же в них есть что-то странное: текучесть какая-то. В них есть второй оттенок, бирюзовый; он то прячется, то появляется снова. Глаза меняют цвет, как море в тропиках.

— Ты хочешь увидеть Боба? — Она забрасывает свои длинные русые волосы за спину.

Я киваю и пытаюсь сделать глоток, но кучка зефирок мешает мне добраться до напитка. Тогда

я съедаю все зефирки, просто чтобы избавиться от них.

— Я могу помочь. — Она выбирает из своей кучки розовую зефирку и, покачивая ею в воздухе, говорит:

— Как тебя зовут?

— Иван.

— Необычное имя. — Она берет вторую зефирку и добавляет: — Только, наверное, не в России. Потом запивает горячим шоколадом.

— А я Никита.

Вряд ли.

— Ты работаешь на Боба? — спрашиваю я.

На вид ей лет четырнадцать, ну, максимум пятнадцать. В школу ходить еще должна.

— Да так, делаю для него всякую всячину. Немного того, немного этого. Поручения выполняю. Ну ты знаешь.

Вообще-то нет.

Она допивает свой шоколад, выскребает стакан ложкой. Закончив, она ставит его на стол и спрашивает:

— Хочешь печенюшку? — И уходит раньше, чем я успеваю ответить.

Возвращается она с двумя здоровыми шоколадными печеньями и протягивает одно мне. Мне приходится контролировать себя, чтобы не засунуть его в рот целиком.

— Зря ты у здания Совета ошиваешься, — говорит она.

— Я был осторожен.

— Я же тебя заметила.

Я действительно был осторожен.

— Тебе нужны солнечные очки глаза прятать.

И еще не знаю, что это у тебя такое, — она показывает на мои татуированные пальцы, — но я бы на твоём месте носила перчатки.

Шею я закрыл шарфом, который взял в том доме в деревне, а вот перчаток не нашел.

Она наклоняется ко мне.

— Кобальтовый переулок защищен.

— Да, а как?

Она всплескивает руками:

— Магией, разумеется. Фейны его вообще не видят. Его видят только ведьмы.

Значит, она все же ведьма. Но глаза у нее другие.

— Если окажешься в переулке, то никогда отсюда не выйдешь, пока не начнешь смотреть на то место, куда идешь, и думать о нем. То есть по-настоящему смотреть, не отрываясь, и думать тоже по-настоящему, все время. Как войдешь, сразу смотри на дверь Боба и думай только об этой двери, тогда доберешься до нее. Когда будешь выходить, смотри на дома на улице. Вниз не смотри. Никогда не смотри вниз. Если глянешь хотя бы раз на ворота здания Совета, если подумаешь о них хотя бы раз, там и окажешься.

— Ясно... спасибо.

— Кстати, твой прикид бездомного хорошо работает. — И она улыбается, так что я не могу понять, шутит она или нет. Я еще не успеваю ответить, а она уже встает и выходит из кофейни.

В животе у меня урчит, во рту становится противно, и я вскакиваю и бегу в туалет. Там меня тошнит в раковину, я вижу мешанину из жидкости кофейного цвета и коричневой слизи, в ней плавают маленькие зефирки.

Я жду, ничего больше не происходит, и я нагибаюсь, чтобы попить воды из-под крана. Из зеркала на меня таращится бледное лицо с красными глазами и темными мешками под ними. Я изо всех сил стараюсь придать себе приличный вид, но тут могут помочь только приличная еда и вода. Я разглядываю свои старые джинсы, протертые на задуге и на коленях почти до прозрачности. У рубашки дырки на рукавах и вокруг пуговиц. Футболка под ней посерела и обмахорилась у ворота.

Я выхожу из кофейни, когда меня догоняет женщина, которая работает за стойкой.

— Твоя подружка тебе оставила, — говорит она и дает мне большой бумажный пакет.

В пакете оказываются два свертка с сэндвичами — один с ветчиной, другой с сыром, третий с беконом, — бутылка воды, бутылка свежего апельсинового сока и салфетка с надписью. Пять минут я трачу на то, чтобы ее разобрать.

*Ивану
от Никиты*

КОБАЛЬТОВЫЙ ПЕРЕУЛОК

Я съел сандвич с беконом, выпил всю воду и теперь смотрю на Кобальтовый переулок. Вряд ли это так трудно. Или все-таки трудно? Все равно я должен справиться. Боб и Никита шли по узкому тротуару с правой стороны. Вдоль него тянется неухоженное одноэтажное строение с покатой черепичной крышей, единственная дверь и единственное окно которого выходят в переулок в самом конце, у противоположной стены.

Я шагаю быстро, но уверенно и ровно, как бы не спеша, и держу голову слегка повернутой в сторону от здания Совета. Мой взгляд устремлен на вход дома напротив. В голове одна мысль: «Дом Боба, дом Боба».

Я знаю, что вид у меня напряженный, и заставляю себя замедлить шаг, на всякий случай, вдруг из здания Совета кто-нибудь посмотрит? В тот же миг я чувствую, как меня словно магнитом начинает тянуть туда. Вот черт! «Дом Боба, дом Боба». Я опять не свожу глаз с его двери.

Я добрался. Слава богу.

«Дом Боба».

Стучу.

«Дом Боба. Дом Боба».

Я смотрю на дверь. Теперь я уже шепчу:

— Пожалуйста, скорее. Дом Боба. Дом Боба. —

Тишина.

«Дом Боба. Дом Боба».

Я стучу опять. Громче.

— Быстрее! Ну, быстрее! Дом Боба. Дом Боба.

Что если из здания Совета сейчас выйдут охранники? Мне конец. Может, вся эта затея и есть ловушка, подстроенная Советом? И опять я чувствую, как меня начинает тащить к зданию Совета.

«ДОМ БОБА! ДОМ БОБА! Я не могу ждать так долго. Дом Боба. Дом Боба».

Дверь щелкает и приоткрывается. Больше ничего не происходит.

Я вхожу в комнату и всем телом наваливаюсь на дверь с той стороны.

— Черт возьми! Дом Боба.

— Мне придется убить тебя, если ты хотя бы глянешь на полотно. — Но в голосе совсем нет угрозы, скорее он молит о внимании.

Я оборачиваюсь и вижу неряшливую комнату. Даже воздух в ней кажется неопрятным. У дальней стены, которая совсем недалеко, настолько комната узкая, стоит деревянный стол, на нем ваза с фруктами. Рядом с ней несколько груш и яблок. Справа от меня деревянный стул, мольберт и открытая дверь, откуда раздается тот самый голос. Судя по расположению мольберта, на холсте должен быть натюрморт из яблок и груш. Я иду в ту

комнату, но по дороге останавливаюсь взглянуть на неоконченную работу. Хорошая картина, подробная, в лучших традициях. Холст, масло.

В соседней комнате я вижу сгорбленную спину мужчины. Он что-то помешивает в маленькой, видавшей виды кастрюльке. Пахнет томатным супом.

Я жду у порога. В комнате сыро и зябко, как в пещере. Она кажется даже меньше, чем предыдущая, но это все из-за холстов, составленных вдоль двух из четырех стен обратными сторонами наружу. Свет поступает в комнату сквозь маленькое окошко в потолке. Помещение занимают небольшой диван из черного кожзаменителя, низкий кофейный столик с пластиковым верхом на трех ножках, деревянный стул вроде того, который я уже видел в передней, ряд кухонных шкафов, покрытых пятнистой столешницей, на которой между пятен помещаются еще чайник и электроплитка с одной конфоркой. В сушке над раковиной стоят большое количество кружек и открытая банка супа.

— Я готовлю обед.

Я не отвечаю, и он поворачивается ко мне, разгибая спину и улыбаясь. Деревянную ложку он держит в воздухе, как кисточку, и с нее падает на линолеум оранжевая клякса.

— Мне бы хотелось тебя нарисовать.

Вряд ли ему удастся передать мои глаза.

Мужчина наклоняет голову.

— Может, и не удастся. Задача, конечно, не из простых.

Я молчу. Я что, сказал про глаза вслух?

— Вид у тебя такой, как будто чашка супа тебе не повредит. — Он снимает с плиты кастрюльку и вопросительно поднимает брови.

— Спасибо.

Мужчина берет с сушки две чашки, разливает по ним суп, кастрюлю отправляет в раковину. Потом протягивает мне чашку с супом и говорит:

— Крутонов¹, правда, нет.

И садится на диван, совсем маленький и узкий.

— Понятия не имею, что за крутоны такие.

— Куда катится мир?

Я сажусь на стул, а чашку держу в руках — грею пальцы. В комнате изрядно холодно, а суп едва теплый.

Мужчина сидит, положив ногу на ногу, и демонстрирует невероятно тощую лодыжку в просвет между мешковатой штаниной и красным носком. Он крутит ступней и пьет свой суп.

Одним глотком я почти приканчиваю свою порцию.

Ступня перестает крутиться.

— Сырость — вот главная проблема этого дома. Сюда даже в солнечный день не проникает солнце, а сырость просачивается снизу. Наверное, все дело в реке. — Он прихлебывает суп, после каждого глотка поджимая губы, а потом ставит чашку на стол и говорит:

¹ Крутоны — подсушенный хлеб с легкой хрустящей структурой. В идеале готовятся из специального хлеба.

— А конфорка при последнем издыхании, от нее много не нагреешь.

Я смакую последние капли супа. Конечно, сандвич с беконом был лучше, но и это тоже хорошо. И тут я осознаю, что совсем расслабился. И понимаю, что все дело в нем. Он точно не Охотник.

— Нет, я серьезно, я бы хотел тебя нарисовать. Прямо сейчас. — Он машет рукой в мою сторону. — Как ты сидишь на простом деревянном стуле, такой молодой и голодный. Совсем, совсем молодой. И с такими глазами... — Он перестает махать рукой и подается вперед, чтобы заглянуть мне в глаза. — С такими глазами! — Он снова откидывается назад. — Может быть, когда-нибудь ты попозировешь мне. Но не сегодня, конечно. Сегодня у нас дело совсем другого рода.

Я открываю рот, чтобы ответить, но он тут же прикладывает к губам палец.

— Нет надобности.

Я улыбаюсь. Этот парень мне нравится. Я почти уверен, что его Дар — умение читать мысли — невероятно редкий и...

— Да, у меня есть кое-какие навыки, но они, как и моя живопись, в большой степени приобретенные, результат длительной практики, — скорее ремесло, чем... — Он умолкает и смотрит на меня. — Я не Сезанн. К примеру, мне приходится здорово напрягаться, чтобы выудить из каши у тебя в голове главные мысли. Тем не менее, мне ясно, зачем ты пришел. — И он постукивает себя по носу.

Я старательно формулирую мысль: «Мне надо найти Меркури».

— Вот теперь мне действительно все ясно.

«Вы можете мне помочь?»

— Я могу свести тебя со следующим в цепочке. Не более того.

Значит, прямо отсюда к Меркури не попасть. Но «у меня совсем мало времени. Всего два месяца».

— Этого хватит. Но ты должен понять, хотя, я уверен, ты и так знаешь это лучше многих. Главное для всех заинтересованных лиц — осторожность.

«Неужели он знает, кто я? Почему именно я должен знать лучше многих?»

— До меня дошли слухи, что из здания Совета сбежал пленник. Важная персона. Сын Маркуса.

— О!

— Его повсюду ищут Охотники. А они хорошо знают свое дело.

Он смотрит на меня в упор.

Я соображаю, что мысль как воробей: вылетит — не поймашь.

— Можно посмотреть?

Я протягиваю ему руку, но он встает и выходит в соседнюю комнату. Я слышу, как там щелкает выключатель, и у меня над головой, дребезжа, оживает электрическая лампочка. Боб возвращается и садится напротив. Берет мою руку в свои. Ладони у него тонкие и прохладные; он натягивает мою кожу костлявыми пальцами так, что татуировка перекашивается.

— Вот ведь гадость, а?

Не знаю, что он имеет в виду: татуировки или Белых Ведьм.

— И тех, и других, милый, и тех, и других.

Он выпускает мою руку.

— А остальные можно посмотреть?

Я показываю.

— Так, так, так... — Боб возвращается на свой диван и снова начинает вертеть ногой. — Надо посмотреть, уж не прав ли ты и не следят ли за тобой через них. Если да, то моя песенка спета.

Он поднимает руку вверх и покачивает ладонью:

— Нет, нет. Никаких извинений... Наоборот, это я должен просить у тебя прощения, ведь нам придется кое-кого пригласить, чтобы он тоже взглянул на них. Подозреваю, что процедура будет не из приятных и не самая короткая. Человек, о котором я думаю, непосвященный.

Боб встает и относит чашки в мойку.

— Не буду, пожалуй, мыть посуду. Время дорого, надо двигать отсюда. Знаешь, мне всегда хотелось рисовать во Франции, отправиться на поиски сезанновского духа в тамошних холмах. Я ведь могу и лучше.

Да.

— Картины с собой взять?

Яжимаю плечами.

— Ты прав, начинать лучше с чистого листа. Знаешь, мне сразу стало легче.

Он исчезает в дальней комнате и появляется снова с листком бумаги и карандашом в руках.

Кладет листок на рабочий стол, наклоняется над ним и рисует. Приятно наблюдать, как он работает. набросок выходит у него лучше, чем картина маслом.

— Спасибо. Я решил, что картинка скажет тебе больше, чем любые слова.

На картинке я стою на цыпочках и тянусь к верху какого-то шкафа вроде тех, что бывают в камерах хранения на вокзале. Там есть какая-то надпись, но я решаю не читать ее сразу. Потом разберу.

Он передает мне рисунок со словами:

— Ты ведь знаешь о том, что ты очень красивый, правда? Не дай им себя поймать.

Я смотрю на него и невольно улыбаюсь. Он напоминает мне Аррана, его мягкие серые глаза наполнены тем же серебристым светом, только лицо у Боба пепельно-серое и все в морщинах.

— Не будем вдаваться в подробности моей внешности. Да, вот еще что. Тебе же понадобятся деньги.

Тут я понимаю, что ничего не подарил Бобу.

— Ты подарил мне надежду на новую жизнь и капельку вдохновения. Ты — моя муза, но, увы, мне придется довольствоваться лишь этим беглым взглядом на тебя. Однако других куда меньше интересует эстетическая сторона жизни, больше — грубая пожива.

«Сколько это будет стоить?»

Но Боб только разводит руками и оглядывает комнату:

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

— Ты же видишь, я и сам в денежных делах не большой эксперт. Понятия не имею, правда.

Тут я вспоминаю про Никиту.

«Та девочка, которая помогла мне, — она ведьма?»

— Мой дорогой мальчик, надеюсь, ты понимаешь, что, если минут через двадцать после твоего ухода в мою дверь постучит какой-нибудь человек и начнет задавать вопросы о тебе, с моей стороны будет ужасно невоспитанно отвечать на них. Меньше всего мне хочется шептаться о тебе за твоей спиной, и также недопустимо проявлять подобное отсутствие такта по отношению к другому. И не важно, постучат в эту дверь через двадцать минут или через двадцать лет, мой принцип останется неизменным.

Я киваю.

«Спасибо, что послали ее мне на помощь. И за сэндвичи спасибо».

— Я не просил ее кормить тебя. — Он улыбается. — Она крепкий орешек, но у нее доброе сердце.

Я улыбаюсь ему и поворачиваюсь, чтобы уйти.

Когда за мной закрывается дверь, я слышу его голос:

— Адъё, мон шер.

Я быстро шагаю по переулку, держась левой стороны и не сводя глаз с домов напротив, а про себя твержу: «Конец переулка. Конец переулка».

ДЕНЬГИ

Предупреждение Боба насчет Охотников я принимаю всерьез. Я и так знал, что меня ищут, но теперь, стоит мне увидеть человека в черном, как у меня зашкаливает адреналин. Какой-то собачник помогает мне прочитать надпись на рисунке, это оказывается «Эрлс Корт». А еще на рисунке есть человек, он сидит на лавочке и читает «Санди таймс». Собачник говорит мне, что сегодня среда, значит, у меня есть еще четыре дня, чтобы собрать как можно больше денег.

Я понятия не имею, с чего начать, но знаю, что поиски работы мне не помогут. Тут я вспоминаю Лайама, с которым когда-то был на общественных работах, и его совет насчет кражи: «Найди кого-нибудь побогаче и потупее — а таких полно — и грабь себе на здоровье».

Я у собора Святого Павла. Кругом все тихо. Те немногие люди, которых я видел, выходили из бара и шли напрямиком к такси. А я караулю чуть дальше по улице.

Уже поздно, когда появляется одинокий джент — он идет осторожно и ругает отсутствующие такси. Одежда на нем нарядная, ботинки целые, и, судя по размеру его брюк на животе, о недоедании он понятия не имеет. Я плохо себе представляю, как именно это делается, но все же иду через дорогу к нему. Он делает вид, будто не замечает меня, и ускоряет шаг. Тогда я преграждаю ему дорогу, и он останавливается. Весу в нем, должно быть, раза в два больше, чем во мне, да и роста он не маленького, но он слабак, и сам это знает.

— Слушай, приятель, — говорю я ему, — мне правда не хочется причинять тебе боль, но мне нужна вся твоя наличка.

Он озирается, и я вижу, что он хочет поднять крик.

Тогда я подхожу к нему вплотную и толкаю его к стене. Он тяжелый, но, когда он ударяется спиной о кирпичи, из него как будто выходит весь воздух, как из проколотого шара.

— Я не хочу делать тебе больно, просто отдай мне все твои деньги. — Рукой ниже локтя я давлую ему на шею, прижимая его голову к стене. Он продолжает пялиться на меня.

Но вот он вытаскивает из кармана пиджака длинный узкий бумажник из черной кожи. Рука у него дрожит.

— Спасибо, — говорю я.

Я вытаскиваю из кошелька банкноты, кошелек закрываю и возвращаю владельцу и тут же смаываюсь.

Позже, свернувшись калачиком в дверях какого-то магазина, я вспоминаю того человека. Скорее всего, он лежит сейчас дома, в теплой мягкой постели, и за ним наверняка не гонятся Охотники, хотя, возможно, он и загремел на больницу койку с сердечным приступом. Я не хочу убивать людей. Мне просто нужны их деньги.

На следующий день я выясняю, где находится вокзал Эрлс Корт. Я не сразу нахожу нужную мне платформу и то место на ней, которое нарисовал Боб, но в конце концов и скамья, и камера хранения, и вывеска оказываются там, где надо. Через три дня надо будет просто прийти и забрать со шкафчика в камере хранения то, что на нем будет лежать. Я подхожу и провожу по нему ладонью, но там ничего нет, одна саж.

А теперь пора ограбить какого-нибудь богатенького, здоровенького молодца.

Лайаму определенно надо в Лондон. Ему тут понравится. Город просто кишит глупыми богачами. Мало кто из них оказывает сопротивление, лишь один пробует меня ударить, но его попытка заканчивается, не успев начаться.

Я купил костюм и подстригся, как все фейны, чтобы не выделяться. Но на Канареечной Пристані по субботам мертвый сезон, и я этому рад, ведь красть у этих парней — все равно что отнимать игрушки у ребятишек, до того они безнадежны. Я и так уже насобирав больше трех тысяч, и со-

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

весть у меня относительно чиста, хотя я обнаружил, что делать что-то исключительно ради денег — не такая уж приятная штука.

В воскресенье я спускаюсь в метро, приезжаю на станцию «Эрлс Корт» и первым делом обхожу вокзал в поисках Охотников. Никто на меня даже не смотрит: все либо глядят в пространство перед собой, либо уставились в свои телефоны. Я дохожу до конца платформы, потом сворачиваю к камере хранения и ощупываю верх шкафчика.

Там лежит бумажный листок. Кончиками пальцев я подтягиваю его к себе, незаметно опускаю в карман и, не сбавляя шага, ухожу.

В кафе я знакомлюсь с одной женщиной. Она читает мне инструкции. Они похожи на те, которые давала мне Мэри, только не такие подробные. Речь в них идет про четверг.

ДЖИМ И ТРЕВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Инструкции я выполняю неукоснительно. Они приводят меня на окраину Лондона, к безобразному новому дому в длинном ряду других таких же безобразных домов. И вот я уже стою в чьей-то передней. Там темно. На ступеньках сидит Джим. Если Боб показался мне художником, едва сводящим концы с концами, то Джим, Белый Колдун самых слабых способностей, похож на едва сводящего концы с концами преступника. Зато он точно не Охотник.

Дом принадлежит фейнам, которые, как заверил меня Джим, «ни во что ваше не врубаются». Дверь из передней ведет прямо в гостиную, дальше — кухня. В одном углу комнаты лестница, на стене висит плоский телевизор, но почему-то нет ни одного стула. Джим задернул шторы, и сразу стало нечем дышать. Пахнет чесноком и луком, кажется, от Джима.

Джим не сказал мне о том, как попасть к Меркури, зато он долго талдычил, как важно иметь хороший паспорт, и о том, что паспортов нужно два, и что все его паспорта качественные, по-

тому что они натуральные, и так далее, и тому подобное...

Он вытирает нос тыльной стороной ладони и тут же глотает изрядное количество соплей.

— Чтобы сделать такой паспорт, времени, умения, да и вообще всего надо больше, чем на пошив заказного костюма. Зато с таким паспортом ты через любой контроль пройдешь спокойно. Такой паспорт может спасти тебе жизнь.

Никакой паспорт мне не нужен. Все, что мне нужно, — это указания, как попасть к Меркури. Но я решаю, что ссориться с ним не стоит.

— Что ж, наверное, ты прав, Джим.

— Ты еще увидишь, как я прав, Иван. Увидишь.

— Значит, две тысячи за паспорт и за указание дороги к Меркури.

— Нет, Иван, извини, если я был неточен. Все вместе будет стоить три тысячи фунтов. — И он опять вытирает нос, на этот раз ладонью.

— Слушай, ты же сказал, тысяча за паспорт.

— Ох, Иван, ты, я вижу, в этом деле новичок? Дай я тебе все объясню. С иностранцами всегда проблема. Британский паспорт я тебе за тысячу сделаю, но всегда лучше иметь еще один, какой-нибудь заграничный. Можно штатовский, но я отдаю предпочтение новозеландским. У многих сейчас зуб на янки, у одних из-за того, у других из-за этого, а вот на киви никто зла не держит. Ну разве

что овцы... — И он шмыгает носом и глотает. — Но импортные, конечно, дороже.

Я не знаю, что сказать. Понятия не имею: тысяча фунтов за паспорт — хорошая цена или нет. По мне так это много. А уж две тысячи — просто сумасшествие.

— Меркури наверняка захочет, чтобы ты соблюдал осторожность. Она любит, когда люди делают для этого все, что могут.

А еще я понятия не имею о том, знает ли он вообще что-нибудь о Меркури, но...

— Ладно. Когда?

— Отлично, Иван. Приятно иметь с тобой дело. Очень приятно.

— Когда?

— Ладно, сынок. Знаю, тебе не терпится. Двух недель должно хватить, однако набавим еще одну, на всякий случай.

— Тогда пусть будут две недели, один паспорт и тысяча фунтов.

— Две недели, два паспорта, три тысячи.

Я киваю и отодвигаюсь от него подальше.

— Блеск... Половину вперед, разумеется.

Мне надоедает с ним спорить, поэтому я достаю три скатки из пяти купюр по сотне фунтов. Я видел такое в кино, и теперь рад, что сам так сделал. Вся эта история с Джимом вообще сильно смахивает на дешевый гангстерский фильм.

— Через две недели там же заберешь другие инструкции, сделаешь все, как в них будет сказа-

но. Встретимся в другом месте. Никогда не пользуйся одним местом дважды. Ты принесешь деньги, и т. д. и т.п.

— Инструкции — часть заклинания, Джим?

— Какого еще заклинания?

— Инструкции о том, как добраться до места встречи. Они защищены заклинанием от Охотников?

Джим улыбается.

— Не-а. Но я всегда наблюдаю за клиентами, когда те ждут автобуса или поезда и, если замечаю Охотника, сразу делаю ноги.

— А.

— Инструкции — это просто указания, как проехать и пройти. Чтобы клиент не заблудился. Ты не поверишь, сколько вокруг тупых людей.

Джим подходит к двери и щелкает выключателем.

— А, чтоб тебе! — Мы оба щуримся и прикрываем глаза от яркого света. — Надо тебя сфотографировать.

Пока он занимается этим, я гадаю, какой у него Дар. Вообще-то спрашивать об этом неприлично, но это же Джим, и я задаю вопрос.

Он отвечает:

— Обычный. Зельеварение. Терпеть эту дрянь не могу.

И продолжает:

— А еще я думал... все думали, что у меня будет сильный Дар. С самого детства у меня был один

редкий талант, и моя мать, да благословит Господь ее душу, всегда говорила: «Мой сын, у него будет сильный Дар». Понимаешь, я уже лет с трех отличал ведьм от фейнов. Никогда не ошибался, а это редкость.

— Да. Редкость, верно. А как ты это делаешь, Джим?

— Ты вряд ли согласишься, но все дело в глазах... я вижу маленькие серебристые искорки в глазах у Белых Ведьм.

От удивления я, наверное, раскрыл рот.

— Ну вот, ты мне не веришь, так?

— Да нет, Джим, я просто... удивлен. А какие они, эти искорки?

— Ну, такие, совсем особенные, ни на что непохожие. Как тоненькие серебряные пластинки, и все время двигаются то вверх, то вниз, знаешь, как искусственный снег в таких шариках. Вот так.

— А в своих глазах, когда смотришь в зеркало, ты их видишь?

— Да. А как же.

— Потрясающе.

— Ага. И очень красиво. У ведьм красивые глаза.

— А что ты видишь в моих глазах, Джим?

— Ну, в твоих... у тебя интересные глаза, конечно.

— Ты видишь в них серебристые искры?

— Иван, ну, если честно, то они не столько серебристые...

Я сажусь на пол и прислоняюсь к стене.

— У всех Белых Ведьм в глазах серебристые искры?

— У тех, которых я видел, у всех.

— А Черных Ведьм ты когда-нибудь встречал?

— Редко. У них глаза другие. — Он встревожен. — Не серебристые.

— Такие, как у меня?

— Нет. У тебя уникальные глаза, Иван.

«И у моего отца такие же».

Джим громко шмыгает носом и садится со мной рядом.

— А еще я различаю по глазам полукровок.

— Да? — Я никогда в жизни не видел полукровок, наполовину ведьм, наполовину фейнов. Ведьмы таких презируют.

— У них глаза тоже очень красивые. Странные такие... как будто вода течет.

Тут раздается стук в дверь, я вскакиваю и встаю так, чтобы оказаться за ней, когда она откроется, и гляжу на Джима. Тот улыбается.

— Все в порядке, Иван, все нормально. Это просто Трев. — Джим смотрит на часы. — Опаздывает. Он всегда опаздывает, Трев-то.

— Кто такой Трев? — шепотом спрашиваю я.

Джим встает, потягивается и идет к двери.

— Трев — это мозг. У него золотые руки, у Трева... — тут Джим опускает голос до шепота, — магии нет, а руки золотые. Он посмотрит твои татуировки.

Тре́в выглядит как эксперт, только непонятно в чем. Он очень высокий, с лысой макушкой и жидкими седыми волосами, которые начинаются вровень с верхними кончиками его ушей и спускаются до плеч. На нем потрепанный, затертый до блеска коричневый костюм, толстая бежевая рубашка и вязаный жилет цвета ржавчины. Тре́в невыразителен во всех смыслах. Когда он идет, кажется, будто он не шевелит ни руками, ни ногами, а его тело само парит над землей. Когда он говорит «Привет, Джим», его голос ровен и лишен интонации. Ко мне он вообще не проявляет никакого интереса, даже в лицо мне почти не глядит, и это хорошо. Зато первый же взгляд на мои татуировки возвращает его к жизни.

— Придется мне взять образцы, — говорит он, разглядывая меня, оттягивая мне кожу сначала на шее, потом на руке, потом наклоняется к ноге. — И кожи, и кости.

— Кости?

— С лодыжки возьму.

— Как?

Тре́в не отвечает, но опускается на пол и, стоя на коленях, открывает свой выдавший виды черный кожаный портфель. Он похож на те, с какими раньше ходили врачи.

Я замечаю, как ухмыляется Джим.

— Вы врач, Тре́в? — спрашиваю я.

Но Тре́в не отвечает, может быть, не слышит. Джим, давясь от смеха, смачно шмыгает носом.

Трево достает из портфеля пластиковый пакет, с треском его раскрывает и стелет на пол синюю хирургическую клеенку. Затем оттуда появляется скальпель, он тоже в запаянном пластиковом пакете, который поспешно вскрывается и отбрасывается в угол. Скоро на скатерти оказывается целый арсенал сверкающих хирургических инструментов, среди которых меня особенно тревожит небольшая пила.

Тут Джим начинает подскакивать от восторга.

Трево подкладывает другую клеенку под мою ногу и, протирая мне лодыжку тампоном, говорит:

— Лучше, если я не буду пользоваться анестезией.

— Что?

— Она хороша в тех случаях, когда пациент слишком дергается. Ты-то, надеюсь, можешь посидеть тихо?

— Может быть, и нет. — Мой голос становится писклявым.

— Стыд какой. — Он снова ныряет в свой портфель и достает оттуда шприц и какую-то прозрачную жидкость. — Мне надо взять для анализа образцы кожи, мышечной ткани и кости. Присутствие в них анестетика может повлиять на результаты.

Я, конечно, не знаю, но, может, он просто все придумывает для того, чтобы повеселить Джима.

Джим напряженно ждет.

— Ладно. Я потерплю. — А сам думаю, интересно, до каких пор.

— Джим может помочь...

— Нет, не надо. — Не хочу, чтобы он касался меня своими сопливыми пальцами. Лучше уж пила.

— Не заживляй рану, пока я не скажу «готово». Я скоро.

Надо отдать Треву должное, он и правда не копается.

Я терплю. Сажу неподвижно и слежу за тем, что происходит. И еще я не издаю ни звука, ни вздоха, ни стона, хотя у меня свело челюсти и заломило зубы, так сильно я их стиснул. В итоге пот с меня льет ручьем.

Джим наблюдает за тем, как я заживляюсь, и восклицает:

— Черт побери! Как быстро!

Потом Трев спрашивает меня о том, как наносились татуировки, и, пока я рассказываю, он ловко защелкивает крышки на четырех крошечных круглых контейнерах с образцами кожи, крови, мышечной ткани и кости. Потом он ставит контейнеры один на другой и обтягивает их эластичной резиновой лентой, чтобы не рассыпались. Аккуратно помещает их в угол портфеля. Потом он берет запачканную кровью клеенку с инструментами, сворачивает ее в один большой ком, велит Джиму подержать крышку мусорного ведра и запихивает их в него, после чего сворачивает клеенку, которая была у меня под ногой, и отправляет туда же.

Потом он глядит на мою лодыжку и кивает.

— Я вырезал ноль, но он уже начинает проявляться на корочке поверх ранки. Очень умно. Тот, кто это сделал, очень умен. Я снимаю немного. — Он достает телефон и начинает щелкать.

— Интересные шрамы, — говорит он, глядя на мою руку. — Кислота?

— Вы же татуировками занимаетесь, — говорю я ему.

— Профессиональный интерес.

— Когда будут готовы результаты?

Тре́в смотрит на меня абсолютно безразличным взглядом.

— Надо будет проанализировать химикаты в составе татуировки. Само по себе это просто, но тут в дело замешана магия, она все в тысячу раз усложняет.

— Когда вы узнаете, следят за мной или нет?

Тре́в не отвечает. Он щелкает замком портфеля и встает, чтобы идти. Джиму он говорит:

— Маловероятно, чтобы эти татуировки вообще использовались для слежения. — С этими словами Тре́в берет свой портфель и выходит из комнаты.

Джим закрывает за ним дверь.

— Никакого понятия о приличиях. Слишком умен для них. Но все равно, мог бы хоть вид сделать. — Он шмыгает носом, глотает и продолжает. — А еще он никогда не торопится. Никогда. Я расскажу тебе, что он нарыл, когда увидимся через две недели.

— Он ничего не сказал про деньги.

САЛЛИ ГРИН

— Главный недостаток старины Трева. Думает, что он выше всего этого. А есть-то ему надо? Как всем.

— Судя по всему, его услуги стоят недешево.

— Он эксперт в своем деле, Иван. Эксперты дешевыми не бывают. Эксперты по паспортам, эксперты по татуировкам, эксперты хоть в чем стоят денег. У него почасовая оплата. Я тебе скажу, где он будет, когда мы в следующий раз встретимся.

ДЖИМ И ТРЕВ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Рано утром недели через две после той встречи мы с Джимом сидим в раздевалке теннисного клуба в какой-то деревне. Не знаю, откуда там такой запах — от Джима или раздевалка воняет сама по себе, — но сомневаюсь, чтобы члены клуба стали его терпеть.

— Ты выглядишь куда лучше, Иван. Округлился в щеках. В прошлый раз ты был сущий доходяга. — Говоря со мной, он то и дело поглядывает на дверь за моей спиной.

— Какая-то проблема, Джим?

— Не должно быть. Не должно. Ты ведь следовал инструкциям?

— Конечно.

— Мурашки у меня по спине от этого места. Давай сделаем все по-быстрому, а?

Я беру паспорта и просматриваю их. Кажется, они в полном порядке. Имена и даты рождения в каждом паспорте разные, но и там, и там мне восемнадцать лет, что вполне похоже на правду.

— Ну, значит, все, — говорит Джим, заканчивая пересчитывать деньги. Он кладет их в карман куртки, а я хватаю его за руку.

— Как добраться до Меркури, пожалуйста, Джим.

Джим грустно качает головой, но профессиональная улыбка не сходит у него с лица.

— Иван, дорогой ты мой, мне очень жаль, но я не могу тебе ничего сказать, пока мы не получим результаты от Трева. Если бы не это, я бы тебе помог с огромным удовольствием.

— А как дела у Трева?

— О, у Трева отлично, просто отлично. Я заходил к нему на днях, так он просто кайф ловит. Головоломка, говорит. Большая жирная головоломка.

— И как скоро ключ к большой жирной головоломке будет у него в руках?

— Он пока не знал. Он вообще со мной почти не говорил. Молчун он, наш Трев. Правда, сказал, что как-нибудь во вторник, часиков в десять утра, оставит инструкции в обычном месте. Так что приходи туда каждый вторник и проверяй.

— Ну, судя по размерам головоломки, это случится еще не в этот вторник.

— Как знать, Иван, как знать. Наш Трев, он же гений. Может быть, он уже сейчас кричит «Эврика!». Ты просто заходи туда по вторникам и как-нибудь найдешь то, что тебе нужно.

— А деньги?

Лицо Джима становится таким кислым, что

даже уголки его рта опускаются вниз и мешают ему говорить, но уже через несколько секунд он встряхивается и продолжает:

— Он сказал, что будет говорить об этом с тобой и только с тобой. — Пальцами Джим сморкает нос и тут же вытирает их прямо об штаны.

* * *

В первую неделю я ничего не ожидаю найти на шкафчике в камере хранения. Денег у меня накопилось прилично, так что воровать я больше не хочу. Я покупаю себе новую одежду и обувь. Продолжаю тренировки. Сотню отжиманий делаю легко. Но мне нужно уезжать из этого города. Охотников я пока не видел, подворотни меняю каждую ночь, но все равно я всегда на нервах. Я решаю, что если в ближайший вторник опять ничего не найду, то поеду на неделю в Шотландию или в Уэльс — в общем, куда-нибудь подальше, а вернусь в понедельник.

Но в следующий вторник я нахожу на вокзале конверт. Назад я иду медленно, озираясь. Какой-то малыш лет пяти держит за руку мать и смотрит на меня во все глаза. Я застываю на месте, оглядываюсь — он все еще смотрит. Смотрит и смотрит. Не знаю почему, но мне становится страшно, и я бросаюсь бежать.

Слишком уж я расслабился в последнее время. Но если даже за мной не следят — а я уже начал думать, что это так, — то искать-то меня наверняка ищут. Вдруг им повезет, и они просто увидят ме-

ня на улице. Они меня недооценили, и я сбежал, но я не должен допускать такую же ошибку. Как сказала Мэри: «В названии вся суть».

В конверте оказывается билет на поезд и записка. С небольшой посторонней помощью я узнаю, что билет на завтра, на шесть утра, и два с небольшим часа спустя поезд доставит меня в Ливерпуль. У меня будет полно времени, чтобы найти место встречи, указанное в записке:

11 часов

42, Милл Хилл-Лейн.

Ливерпуль — это город, где ведьм почти нет, а все из-за местных банд, которые терпеть их не могут и гонят отовсюду. Бабушка говорила мне, что Белые Ведьмы стараются туда не попадать, потому что у них со скаузами-фейнами есть негласная договоренность: скаузы¹ не трогают ведьм, а те не показываются в Ливерпуле.

Я говорю себе, что это хороший план. Джим заботится обо мне, он посылает меня туда, где нет ни Охотников, ни ведьм, но ближе к вечеру у меня начинается мандраж, и я не могу усидеть на месте. Мне кажется, что произошел какой-то сбой. Джим ничего о билетах не говорил. Речь шла только об инструкциях.

Я возвращаюсь в Кобальтовый переулок. Наверное, Боб уже несколько недель как уехал — по крайней мере, я надеюсь на это, — но все же зачем-то иду проверить. Если билет возник из-за того,

¹ Скауз (*англ. scouse*) — неформальное, но весьма распространенное в Британии прозвище жителей Ливерпуля.

что Охотники взяли след Боба — или хуже, если его уже схватили, — то я хочу об этом знать.

Еще не дойдя до своего прежнего наблюдательного пункта напротив здания Совета, я замечаю в переулке какую-то возню и медленно прохожу мимо по другой стороне улицы. У двери Боба стоит большой белый фургон, а за ним другой автомобиль — фургон почти заслоняет его, так что я плохо его вижу, но мне кажется, что это тот самый джип четыре на четыре, который приезжал за мной в Шотландию. Я бросаю в переулок последний взгляд и вижу человека, который выходит из дома Боба. Этот человек Клей.

В ту ночь я не сплю. На вокзал я прихожу за минуту до отправления поезда и нахожу свое место.

Поезд отправляется рано, поэтому вагон на большую половину пуст. Каждому, кто проходит мимо, я стараюсь заглянуть в глаза. Охотников не видно.

Я устал как собака и в дороге дремлю. Вдруг поезд дергается, и я слышу объявление: мы прибываем в Ливерпуль.

Время одиннадцать пятнадцать, и Милл Хилл-Лейн с каждой минутой выглядит все более и более неприветливой. Народу на улице нет совсем. Сорок второй номер представляет собой заброшенное строение в ряду таких же заброшенных домов. Разбитые стекла и граффити на стенах

в этом районе, похоже, норма жизни, но в номере сорок втором все относительно цело: пол голый, но стекло разбито лишь в одном окне — в том, через которое в дом пробрался я.

Свой рюкзак я спрятал на задворках в полумиле отсюда. Паспорта и деньги лежат у меня в боковом кармане куртки, под молнией. Я в арафатке и черных очках, хотя на улице пасмурно. Перчатки без пальцев удобнее обычных, зато они прячут только татуировку на руке и шрам на запястье, другая татуировка, на пальце, остается на виду, и я заклеиваю ее пластырем.

Я твержу себе, что при первых же признаках чего-нибудь странного я развернусь и уйду. Но я себя обманываю; все и так очень странно, а мне надо повидать Трева.

Я стою у окна на втором этаже дома и смотрю на улицу, когда вдалеке из-за угла выходит Трев и деловито идет по направлению к дому, в руке у него обычный магазинный пакет. Я слегка отхожу от окна, останавливаюсь и начинаю ждать. В другом конце улицы появляется подросток на велике, он останавливается и тоже следит за Тревом.

Я спускаюсь на первый этаж и, как только Трев подходит к двери, буквально втягиваю его внутрь и говорю, что он выбрал не лучшее место для встречи.

— Обычно этим занимается Джим. Это у него хорошо получается. — Трев подходит к окну,

смотрит сначала на улицу, потом снова на меня. — Джима нет.

— Нет? Как нет?

— Уехал, кажется, за границу... надеюсь. Не думаю, чтобы Совет его поймал, но на нас он на-сел крепко. Вот почему я переехал сюда. Джим говорил мне, что даже Охотники не любят здесь бывать.

Я не говорю ему о том, что видел Клея у Боба, но спрашиваю:

— А вы тоже уедете за границу, Трев?

Он пробует улыбнуться, но, когда он похлопывает себя по карману, его лицо перекашивается в болезненной ухмылке.

— Билеты уже взял, вечером улетаю.

— Отлично. А как же я?

— Ах да, хорошо, что ты спросил. Татуировка на твоём мизинце — ключ. Я ещё когда их увидел, сразу понял, что они задумали. Понимаешь, три крохотные татуировки отражают другие три татуировки на твоём теле. Та, которая возле ногтя, отражает татуировку на шее, средняя — ту, что на руке, а нижняя — на лодыжке. Они планировали создать что-то вроде колдовской бутылки.

Я гляжу на свой мизинец.

— Колдовские бутылки очень трудно контролировать. По-моему, они работают над какой-то усложненной версией. Чрезвычайно усложненной. Они не собирались брать у тебя кровь, кожу или волосы, они хотели отрезать мизинец и использовать его. Наверное, они планировали разрезать

его на части и разложить по трем бутылкам. Татуировки на твоём мизинце отражают остальные, те, что они нанесли на твоё тело в других местах. Сделав что-нибудь с одной частью твоего мизинца, они влияли бы на тебя, заставляя чувствовать боль в шее, ноге или руке.

— Чтобы заставить меня сделать то, что они хотят?

— Вот это-то и не давало мне покоя. Я не был уверен в том, как это должно работать. Причинить тебе такую боль, чтобы ты согласился на что угодно?

— Согласился или умер.

— Согласился или стал страдать. Страдание ведь их специальность.

— Но они могли бы воспользоваться этим, чтобы убить меня?

— Ну, в принципе, да.

Я срываю с мизинца пластырь и разглядываю свои татуировки. Они сквозные, все проникают в кость. Я беру нож и тыкаю им в татуировку у ногтя, чтобы посмотреть, почувствую ли я что-нибудь в шее.

— Ну что? — спрашивает Трев.

Я трясую головой.

— Нет, тут нужны бутылка и правильное закливание.

— Когда они могли бы его отрезать?

— Думаю, сначала они убедились бы, что татуировки проникли вглубь и хорошо зажили. На это ушло бы несколько дней, но не больше недели.

Потом они устроили бы проверку. И если бы что-то не сработало, так ведь у тебя есть еще девять пальцев.

— Они и сейчас могут это сделать? Ну, отрубить мне палец, если поймают?

— О да. Татуировки же вечные. И вечно будут проблемой. Их нельзя удалить.

— Я думал, это клеймо или устройство для слежки.

— Нет, слежка тут ни при чем, — говорит Трев. — А вот клеймо — да, похоже. По-моему, татуировка выдаст тебя, когда ты кем-то станешь... ну, если у тебя будет Дар трансформации, то татуировки все равно будут на тебе.

— И убрать их нельзя никак?

— Можно, конечно, отрезать палец, руку или даже ногу, но вот с шеей ничего не поделаешь.

На улице кричат. Фейны.

Трев бросает взгляд в окно, вытаскивает из кармана полоску бумаги и сует ее мне.

— Здесь написано, как добраться до Меркури.

Я запикиваю бумажку поглубже в карман и говорю:

— Спасибо вам, Трев. За все спасибо.

Трев протягивает мне свой пакет и говорит:

— Здесь образцы твоей кости и кожи. Их надо уничтожить. Сжечь. Если Совет доберется до них, то могут воспользоваться ими для изготовления колдовской бутылки. Приблизительной, конечно... но все же.

Я заглядываю в пакет. В нем пластмассовые баночки с капельками крови внутри.

Он добавляет:

— Чтобы уж наверняка. Чтобы не волноваться. Чтобы никто... что у меня ничего твоего нет.

Я решил, что он волнуется из-за моего отца.

На втором этаже со звоном вылетает стекло.

Мы падаем на пол и застываем.

Снова звон стекла... но теперь дальше, в другом доме. Крики.

Я выглядываю в окно.

— Черт! — Я пригибаюсь и говорю Треву: — Охотники.

Потом снова выглядываю наружу. По улице идет Охотница, за ней — трое фейнов, они швыряют в нее камнями. Но ей, похоже, все равно. Обычно они работают парами, так что вторая должна быть где-то неподалеку, может быть, за домом.

Я снова пригибаюсь и говорю:

— Пора сматываться.

Мы бежим в заднюю часть дома. Дверь черного хода закрыта и заперта на засов. Он не поддается. Локтем я выдавливаю еще одно стекло, ударами ноги выбиваю из рамы осколки, и мы выбираемся наружу. Добежав до забора, я подсаживаю Трева через калитку, которая тоже забита гвоздями, а потом перелезаю через нее сам, сначала чуть-чуть высовывая голову и оглядываясь по сторонам.

Никого. Все чисто.

Мы бежим.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

Через несколько улиц мы переходим на шаг, но я продолжаю оглядываться.

Трева, кажется, вот-вот стошнит. Он так напуган, что не может даже сообразить, сколько я ему должен, поэтому я просто запикиваю большую часть своих денег ему в карман и говорю:

— Спасибо, Трев. Если вам когда-нибудь что-нибудь понадобится... то есть... ну, вы поняли...

Мы пожимаем друг другу руки, и он уходит в одну сторону, а я поворачиваю в другую.

Я сую руку в карман и проверяю клочок бумаги. Он там.

Тут я понимаю, что потерял пластиковый пакет.

Поверить не могу, что я свалял такого дурака, но это так. Хотя вряд ли я его просто уронил. Скорее всего, поставил на землю, когда подсаживал Трева через калитку.

ОХОТНИЦЫ

Можно, конечно, уйти и без пакета, понадеяться, что его примут за мусор, но... Врага нельзя недооценивать. Если Белые Ведьмы заполучат этот пакет и то, что в нем — фрагменты меня, то им не нужен будет мой палец; они сделают колдовскую бутылку из моей кожи, крови и кости.

Я поворачиваю назад, к дому. Пакета нет ни в переулке, ни во дворе, ни в самом доме. Но и Охотниц тоже нет, ни следа. Вот черт!

Из окна гостиной мне хорошо видна вся улица. Она пуста. Я сажусь на пол и начинаю обдумывать следующий ход.

Охотники вышли сначала на Боба, потом на Джима с Тревом, но за мной по-прежнему не следят. Знай они, что я здесь, Охотниц было бы не две, а двадцать две. О том, что в пакете, они, возможно, не догадываются, но, вполне вероятно, видели его в руках у Трева.

Снаружи кто-то кричит. Я подползаю к окну, высовываюсь посмотреть и тут же пригибаюсь снова, чтобы успокоить дыхание и надеть на голову платок. Охотница вернулась, а с ней и эскорт

из фейнов, кидающих в нее камнями. В руках у Охотницы пластиковый пакет. Наверное, все еще ищет Трева.

Я быстро поднимаюсь на второй этаж, чтобы рассмотреть Охотницу оттуда. Она высокая, стройная и теперь наклонилась, чтобы подобрать с земли камни.

— Подружка твоя?

Я оборачиваюсь.

У задней стены стоит девчонка-подросток в куртке с капюшоном.

— Не моя, но подружка у нее есть. Она не одна. С ней должен быть...

— Она там, сзади. Ее я уже видела. — Девчонка складывает руки на груди и рассматривает меня с головы до ног. — Я думала, ты с ними, но ты какой-то не такой. Ты кто?

— Другой.

— Они мне не нравятся и ты тоже.

Крики прекратились, и я возвращаюсь к окну. На земле лежит фейн, то ли без сознания, то ли мертвый. Девчонка в капюшоне стоит рядом со мной и тоже смотрит в окно.

— Она здесь из-за тебя?

Я смотрю на Охотницу. Она стоит спиной к стене дома напротив и свистит — условный знак партнеру.

— Нет. — Технически так оно и есть, и я все еще надеюсь, что они ищут Трева. — Слушай, я сейчас уйду... скоро. Мне только надо забрать вон тот пакет.

— Так они здесь все же из-за тебя? Может, выдать тебя им?

Я слежу за Охотницей и ухмыляюсь, но на девчонку не смотрю.

— Попробуй.

Появляется другая Охотница, в воздух взлетают еще камни.

Я качаю головой.

— Нет, камнями их не прогонишь.

— Мой брат уже идет сюда. У него пистолет.

— У них тоже.

Парнишка-фейн лежит на асфальте и не двигается.

— Как думаешь, может, твоему другу «скорую» вызвать?

— Если бы я считала, что она появится, давно бы уже вызвала.

Появляются еще двое фейнов, но близко к Охотницам подходить боятся, держатся на расстоянии. Охотницы стоят рядом с парнем, который лежит на земле. Вид у них встревоженный. Повышенное внимание фейнов им совсем нестати. Если кто-нибудь достанет сейчас телефон и попытается их заснять, они сбегут. А я не могу допустить, чтобы они удрали с моими частями.

Туго обмотав платком голову, я спускаюсь вниз и через несколько секунд уже выхожу из дома. Направляясь к Охотницам, я подбираю с земли два здоровых осколка кирпича. Охотницы стоят возле поверженного фейна. Надеюсь, я сойду за его взбешенного друга.

— Что вы сделали с моим корешем? — И я добавляю пару бранных слов.

Охотницы стоят неподвижно и смотрят на меня так, словно не верят, что я что-нибудь им сделаю. Но я все приближаюсь. Та, что подальше, вытаскивает пистолет и кричит:

— Стой! — А я набираю скорость.

Нашла чем меня остановить.

Я ударяю первую кирпичом в лицо, а потом прикрываюсь ею, как щитом, и бросаюсь на вторую.

Выстрел, другой, но тут я ногой выбиваю из ее руки пистолет, и он отлетает на середину дороги. Первая Охотница, вырубленная моим кирпичом, тоже лежит на земле. Я встаю в стойку. Вторая Охотница тоже, в ее руке сверкает нож.

Только теперь я впервые оцениваю Селию по заслугам. Эта Охотница напротив — отличный боец, но мне она кажется медлительной и неуклюжей, и я легко угадываю каждый ее следующий шаг. Уже на втором она остается без ножа.

Я не закалываю ее, просто ломаю ей обе руки, как меня учила Селия. Она лежит на земле, мое колено упирается ей в шею, и я легко могу сломать и ее. Я хватаю ее за волосы и поворачиваю к себе лицом. Ненавижу Охотников. Я часто дышу, но ее волосы в моей руке такие шелковистые, и я никого не хочу убивать.

— Хорошо двигаешься! — Девчонка в капюшоне стоит с пакетом в одной руке и с пистолетом в другой. Пистолет направлен на меня.

Я встаю и поднимаю руки, как будто сдаюсь. Вокруг одни фейны, и вид у них недружелюбный.

— Они ваши. — Я толкаю лежащую у моих ног Охотницу носком ботинка в ребра, потом смотрю на первую: она еще без сознания.

Двое фейнов нагнулись над парнишкой, тот сидит на дороге, на лбу у него порез. Вокруг меня еще семь фейнов разного возраста: от тощего подростка до двух совершеннолетних татуированных громил. Еще один спешит к ним с двумя белыми бультерьерами — псы так и рвутся с поводка. Наверное, брат той девчонки тоже не заставит себя ждать.

— Это мое. — Я киваю на пластиковый мешок. Помешкав, она протягивает его мне.

— Тебе незачем быть здесь и незачем возвращаться.

Я беру пакет со словами:

— Теперь незачем.

Интересно, что будет с Охотницами? Но это уж фейнам решать. Я проталкиваюсь мимо членов банды, которые окружили меня плотным кольцом. И ухожу в другую сторону от паренька с собаками, сначала шагом, а потом рысцой.

Я снова перехожу на шаг, только когда оказываюсь на вокзале Ливерпуля. Там я оставил Никиту.

АРРАН

Никита следила за домом Боба, пока там был Клей. Она заметила меня и пошла за мной. Я не видел ее до тех пор, пока она не подошла и не встала прямо передо мной. Тогда я угостил ее горячим шоколадом.

По-настоящему Никиту зовут Эллен. Глаза у нее удивительные, они как море, прозрачное бирюзовое море, в глубине которого видны синие и зеленые течения. Эллен полукровка. Ее мать была Белой Ведьмой, а ее отец — фейн. С тех пор как ее мать умерла, Эллен изгнали из общины ведьм и, можно сказать, подвергли остракизму. Ее ближайшая родственница по материнской линии — бабушка — притворяется, будто Эллен вообще не существует. Эллен живет со своим отцом в Лондоне и, по ее словам, «половину времени ходит в школу». Еще она говорит, что ей уже шестнадцать, но это вряд ли, выглядит она куда моложе.

Она рассказала мне, что Джим уже уехал во Францию и она хотела поехать с ним, но он не взял ее. Я немного рассказываю ей о себе. И еще об Арране, о Деборе, о бабушке и Анне-Лизе. Она соглашается передать от меня сообщение Аррану.

Эллен ждет меня, как мы и договорились. Пока я ходил на встречу с Тревом, она порылась в Интернете в поисках информации об Арране. Нашлось немного, на сайте его старой школы сохранилась небольшая заметка о том, что он выиграл премию и поступил в Кембридж изучать медицину. Мы садимся в первый поезд, который идет туда из Ливерпуля. Когда мы приезжаем в Кембридж, уже поздно, и я говорю Эллен, чтобы она устроилась на ночь в каком-нибудь Би энд Би¹. Она выглядит расстроенной, когда понимает, что я буду спать на улице, но у Эллен есть одна замечательная черта: она быстро понимает, что есть споры, которых ей никогда не выиграть.

Утром мы встречаемся в девять. Хозяйка Би энд Би, где Эллен провела ночь, дала ей буклет с информацией о Кембридже и небольшую карту. Эллен собирается обойти колледж кругом и посмотреть, сколько там шляется Охотников. Она уверена, что за Арраном следят. Мы договариваемся, что встретимся опять вечером.

— Я видела Охотницу. Она менялась с напарницей, так что, похоже, за Арраном следят круглые сутки, семь дней в неделю, сменами по двенадцать

¹ В&В — Bed and breakfast (*англ.* Кровать и завтрак) — вид мини-гостиниц, существующих в разных странах, в которых из услуг для посетителей предлагаются ночлег и завтрак. Очень часто сдают комнаты пожилые дамы, так что обстановка в В&В уютная и домашняя

часов. Если бы они считали, что ты попытаешься с ним увидеться, то наверняка удвоили и утроили бы слежку.

Я киваю. Я не буду пытаться его увидеть. Не хочу, чтобы у него были из-за меня новые неприятности.

Эллен считает, что удобнее всего будет поговорить с Арраном утром, в столовой, где завтракают все студенты. Она думает, что ей удастся пройти внутрь и сесть с Арраном за один стол, как будто она его гостя. Охотники ходят вокруг здания по улице, так что большую часть времени Арран у них не на виду.

Я даю ей нарисованную мной картинку.

— Он поймет, что это от меня.

— Ладно. Но я все равно хочу тебя сфоткать.

Ох.

— Покажу ему тебя на моем телефоне. Чтобы он тебя увидел. Какой ты теперь стал. Можно сделать видео.

Я трясую головой.

— Фото.

— Ты можешь сам поговорить с ним по телефону.

Я снова качаю головой. Не могу.

Я жду в парке, где мы договорились встретиться. Меня тошнит.

Эллен умница. Она не напортачит.

Но меня все равно тошнит.

Уже полдень, когда она, наконец, появляется. Идет ко мне и улыбается. Во весь рот.

— Все прошло отлично. Сначала он немного смущался, но потом я показала ему твою картинку, и он так обрадовался! Все гладил и гладил ее ладонью. Он хотел, чтобы я переслала ему на телефон твое фото, но я сказала, что это опасно. Но все время, что мы с ним говорили, он только на тебя и смотрел.

— Учеба ему нравится. Он нашел свой Дар — целительство, но он не очень сильный. Скучает по дому и по Деборе. Дебора живет в доме бабушки. У нее есть парень, его зовут Дэвид. Они собираются пожениться.

— Пожениться!

— Она хочет детей. Арран говорит, что Дэвид отличный парень. К Совету или к Охотникам отношения не имеет. Он Белый Колдун, из Уэльса. Работает плотником. Арран говорит, тебе бы он понравился. Дебора работает в городе, в каком-то офисе. Арран говорит, ей там нравится. Да, и еще он просил сказать тебе, что у нее обнаружился изумительный Дар.

— Какой?

— Знаешь, я не очень поняла, но это как-то связано с работой с бумагами. Не знаю, может, это шутка такая.

Вряд ли это шутка, хотя в бумажных делах я тоже ничего не смыслю.

— Арран сказал, что твоя бабушка умерла три месяца назад, как раз когда он приезжал домой на

каникулы. Она пожаловалась на усталость и легла спать. В ту же ночь она умерла.

— Ты спросила его? Это было самоубийство?

— Спросила. Он сказал, что не знает. Сказал, что Дебора думает, что бабушка могла принять одно из своих снадобий.

Я знаю, что Дебора права.

— Арран сказал, что, когда тебя забрали, Совет часто вызывал бабушку в Лондон для собеседований. Но она отказывалась отвечать на их вопросы.

— А самого Аррана не допрашивали?

— Говорит, что нет, только врать он не умеет.

— А Дебору?

Эллен кивает.

— Он сказал, что Охотники обыскали дом несколько месяцев назад. Дебора слышала, как они что-то ворчали насчет «недотеп из Совета». Ей показалось, что ты сбежал.

— Он спрашивал, что с тобой делали и где тебя держали. Я сказала, что ничего не знаю. И что с тобой все в порядке.

— Спасибо. А про татуировки ты не говорила?

— Нет. Ты же сказал не говорить. — Она переводит дыхание и пробует улыбнуться. — А еще я спросила об Анне-Лизе. — Интонация Эллен становится многообещающей. — Он ни разу не говорил с ней с тех пор, как тебя увезли. Даже на свадьбах и вечеринках их с Деборой к ней близко не подпускают. Он слышал, что ее церемония Дарения была скромной.

Семнадцать ей исполнилось в сентябре.

— Она еще ходит в школу, да?

— Об этом я не спрашивала. Мне показалось, ему неприятно говорить о ней.

— Наверное. Он нас не одобряет.

— Почему?

— Считает, что я напрашиваюсь на неприятности. Семья у нее совсем Белая, до того Белая, что глаза режет. Белее просто некуда. Члены Совета... Охотники.

— По-моему, она тебе не подходит.

— Она не такая, как они.

И она мне подходит, очень, очень подходит.

— Ты ведь не думаешь повидаться с ней?

Только об этом я и думаю, но знаю, что это было бы глупо.

Эллен говорит:

— Я дала Аррану свой лондонский адрес. Он говорит, что нам неплохо было бы встретиться. Я подумала, что, может, смогу передавать ему весточки от тебя. Буду чем-то вроде посредника.

Я не знаю. Быть может, мне лучше совсем уйти из их жизни. С другой стороны, если кто и сможет это сделать, то только Эллен.

Я говорю:

— Эллен, я не хочу, чтобы у тебя были неприятности с Советом.

— Ха! Поздно вспомнил!

Она вытаскивает свой мобильный телефон.

— Я сфотографировала Аррана. И сделала небольшое видео.

Я говорю себе, что не заплачу, что нельзя пла-

кать при Эллен, и поначалу я держусь. Арран стал немного старше, только волосы ничуть не изменились. Он бледен, но выглядит хорошо. Пробует улыбнуться, у него плохо получается. Он немного рассказывает о себе, о своих занятиях в университете, о Деборе с Дэвидом, а потом добавляет, что скучает по мне и хочет меня увидеть, но знает, что это невозможно. А еще он надеется, что я в порядке, не только телом, но и душой, и говорит, что по-прежнему верит в меня и знает, что я хороший человек, и что хорошо бы мне удалось скрыться; а еще он предупреждает меня, чтобы я не доверял всем подряд и чтобы уехал и забыл о них, а у них с Деборой все будет в порядке, и они будут счастливы, думая, что я свободен и у меня все хорошо, вот так они и будут думать обо мне всегда — что я свободен и счастлив.

Когда видео заканчивается, я встаю и отхожу ненадолго в сторону. Мне так хочется увидеть Аррана по-настоящему, побыть рядом с ним, но я знаю, что это невозможно. И не будет возможно никогда.

Позже я благодарю Эллен за помощь. Как это лучше сделать, я не знаю. Я предлагаю ей денег, но она говорит, что деньги ей не нужны, и тогда мы покупаем чипсы с рыбой, садимся в парке и едим. Я говорю ей, что она должна вернуться домой, к отцу, а она в ответ жалуется, но недолго.

Потом берет из пакета чипсину и спрашивает меня, что я буду делать дальше.

— Получу три подарка.

— Значит, ты будешь искать Меркури.

Тут мне становится интересно, что будет делать сама Эллен.

— Эллен, а как бывает у полукровок? У вас тоже есть церемонии Дарения? Вы получаете три подарка?

— Нет, если только Совет не разрешит, а это бывает редко и почти всегда означает, что надо потом работать на них. Но я не буду работать на Совет — они нас презирают. Все ведьмы нас презирают. Но я слышала, что в прошлом кое-кто из полукровок получал свои подарки от родителя-ведьмы и находил свой Дар. Иногда я думаю, что моя бабушка могла бы мне помочь, но она до смерти боится Совета.

— Ну и? Что ты будешь делать? Если не получишь свои три подарка от бабушки или от Совета?

— Не знаю пока. Можно пойти к Меркури. Но только в самом крайнем случае.

— А что ты о ней знаешь?

— Та еще поганка. Не вздумай ей доверять. Болтают, она превращает маленьких девочек в рабынь. — Эллен выбирает аппетитный золотистый ломтик.

— Я не маленькая девочка.

— А маленьких мальчиков она ест. — И Эллен забрасывает ломтик себе в рот.

— Ты серьезно?

Эллен кивает и глотает.

— Так я слышала. — Выбирает другой ломтик и, глядя на меня, говорит: — Не живьем. Сначала жарит.

Часть пятая

Габриэль

ЖЕНЕВА

Женевский аэропорт. Путешествие было крайне неприятным: сначала я долго разбирался, как попасть именно на свой рейс, потом надо было еще долететь, но самое ужасное — отстоять очередь, чтобы пройти паспортный контроль. Слава богу, мои паспорта были сработаны на «отлично».

В инструкции на клочке бумаги, которую передал мне Трев, было сказано, что я должен стоять у стеклянной вращающейся двери ровно в 11:00 во вторник. Дверь безостановочно крутится, в нее постоянно входят и выходят люди: бизнесмены катят мини-чемоданы, стюардессы — микро-чемоданчики, пилоты — черные кожаные кейсы, туристы — тележки с огромными сумками. Все спешат, но не потому, что опаздывают. Настроение у всех хорошее, поэтому все хотят побыстрее улететь.

Только я просто стою и жду: в темных очках, в кепке, в арафатке, в перчатках без пальцев, в толстой зеленой куртке армейского образца, в джинсах и тяжелых ботинках; на плече — потрепанный рюкзак.

Я не знаю точно, который час, но стою я давно: думаю, время приближается к двенадцати.

Мое внимание привлекает активность в кафе справа. Какой-то парень в темных очках машет мне рукой.

Я пробираюсь между столиками и останавливаюсь напротив него. Не глядя на меня, он помещивает кофе в полупустой чашке, а затем выпивает одним глотком. Потом ставит чашку на блюдце, встает, хватая меня за руку и, быстро шагая, увлекает меня за собой через стеклянную дверь в соседнее здание вокзала.

Там мы спускаемся по эскалатору на платформу номер 4 и сразу садимся в поезд. В вагоне темно. Состав двухэтажный, мы поднимаемся наверх, где парень отпускает мою руку. Мы садимся на диван, перед нами небольшой круглый стол.

Мой связной немного старше меня, наверное, одного возраста с Арраном. У него смуглая кожа и волнистые темно-русые волосы до плеч, их перемежают чуть более светлые пряди. Он улыбается, не разжимая губ, как будто только что услышал хороший анекдот. На нем черные зеркальные очки в тонкой серебристой оправе — почти такие же, как у меня.

Поезд трогается с места, проходит несколько минут, и в дальнюю дверь вагона входит контролер. Мой связной спускается вниз, я за ним. У выхода мы останавливаемся. Он худощав, чуть выше меня ростом, и на нем ничего не шипит.

Наверное, он тоже Черный. Увидеть бы его глаза.

Буквально через минуту поезд останавливается. Мы на Центральном вокзале Женевы. Мой связной срывается с места и начинает шагать так быстро, что я едва успеваю за ним. Мы идем час, а может быть, дольше, и при этом петляем, проходим через одни и те же места по два-три раза; я уже начинаю узнавать витрины некоторых магазинов и виды на озеро, мелькающее между домами. Наконец мы оказываемся в районе высоких многоквартирных домов и останавливаемся у входа в старое здание, точно такое же, как все те, мимо которых мы только что проходили.

Улица тихая, машин припарковано немного, пешеходов тоже почти нет. Мой связной набирает код на замке парадного и говорит мне:

— Девять-девять-шесть-шесть-один... О'кей?

И я отвечаю:

— Девять-девять-шесть-шесть-один... О'кей.

Он распахивает дверь так, что она буквально летит мне прямо в лицо, но я останавливаю ее ударом ладони. Потом, перейдя на максимально широкие шаги, бегу за ним по лестнице вверх, вверх, вверх и вверх...

Гонка продолжается до последнего, шестого этажа, где лестница заканчивается небольшой площадкой. На нее выходит единственная деревянная дверь.

И опять на ней нет замка, только код.

— Пять-семь-шесть-три-два... О'кей?

И он входит внутрь, а дверь захлопывается за ним.

Я стою и озираюсь. Лак на двери давно облез, площадка пуста, штукатурка потрескалась, старая закопченная паутина ключьями свисает в углу. Кругом тишина. Никакого шипения.

Он открывает дверь.

— Пять-семь-шесть...

— Знаю.

Он уже без улыбки, но еще в очках.

— Входи.

Я не двигаюсь.

— Здесь безопасно.

Он широко открывает дверь, подпирает ее своей спиной и повторяет:

— Безопасно, — тихо повторяет он. У него странный акцент. «Швейцарский, наверное», — заключаю я.

Я перешагиваю через порог, дверь за спиной захлопывается. Я чувствую на себе его взгляд. Не хочу, чтобы он стоял так, что я его не вижу.

Я осматриваюсь, обхожу всю комнату. Места навалом. Правый угол отведен под кухню: шкафы, раковина, плита. Изучая комнату, я останавливаюсь между камином и старым диваном. Единного большого ковра на полу нет: три коврика разных размеров, все с каким-то рисунком вроде персидского, соединены между собой, а там, где коврик не хватает, на меня «смотрят» темно-коричневые, почти черные доски. Стены выкрашены в кремовый цвет, они тоже «голые»: ни картин, ни

других украшений, только большое пятно копоти над камином. Похоже, что иного отопления тут не предусмотрено, а сложенный из сланца камин украшен добротной металлической решеткой, за которой лежат почерневшие дрова. Рядом навалена растопка, лежат газеты и коробок спичек. Двигаясь влево, я подхожу к окну, из которого видны озеро и горы. Я вижу синюю озерную воду и серый край горы за ней. У окна стоят простой деревянный стол и два стула, как в старых французских кафе.

— Я открыл окно, когда уходил. Очаг все время дымит, дышать нечем.

Он подходит к камину и начинает разводить огонь.

Я наблюдаю.

Он поджигает стопку газет, занимается пламя.

— Мне надо видеть Меркури.

— Да. Конечно.

А сам все продолжает возиться с огнем.

— У меня такое чувство, что ее здесь нет.

— Ее и нет.

Я подхожу к одной из двух других дверей и распахиваю ее. Чувствую, что он бросил огонь и смотрит на меня. В маленькой комнатке оказываются кровать, стул и старомодный деревянный платяной шкаф.

— Это моя комната, — говорит он и проходит мимо, чтобы закрыть дверцу шкафа. Смотреть внутри не на что. Постель не заправлена. На стуле лежит книга.

Я прислоняюсь к косяку и спрашиваю:

— Хорошая книга?

Выходя из комнаты и направляясь к другой двери, он снова отвечает мне улыбкой.

— Здесь ванная. — Он произносит эти слова так четко, как будто специально тренировался. Она больше, чем спальня, посередине стоит большая ванна, у стены — большая белая раковина и туалет с подвесным бачком и цепочкой, за которую надо дергать, чтобы спустить воду. Стены и пол покрыты черно-белым кафелем.

Я снова оглядываю квартиру и спрашиваю:

— Мне что, оставаться здесь или как?

— До тех пор, пока Меркури тебя не примет.

— И когда же это будет?

— Когда она решит, что опасности нет, — говорит он как-то неуверенно, но я решаю, что это из-за его акцента. У него каждое предложение звучит вопросительно.

— Мне надо увидеть ее как можно скорее. У меня заканчивается срок. До моего дня рождения осталось меньше месяца.

Он молчит.

— Ты на нее работаешь?

Пожимает плечами.

— Она просила меня встретить тебя и побыть с тобой до тех пор, пока она не будет готова к вашей встрече.

Я тру лицо руками и оглядываю комнату:

— Я не могу спать здесь, внутри.

— Я покажу тебе террасу.

Он обходит ванну, подходит к большому окну и поднимает раму. Я высовываю голову наружу, вылезаю. За окном небольшая терраска, огороженная четырьмя острыми выступами черепичной крыши дома. Эдакое приватное убежище. Размером оно не больше моей клетки, и я вдруг говорю:

— Шкуру бы сюда баранью.

Он улыбается и кивает так, словно точно знает, что я имею в виду, а потом говорит, что попробует достать.

Я один в квартире. Мой улыбчивый друг куда-то вышел. Я хожу и заглядываю в шкафы кухни и его комнаты, но смотреть там особенно не на что.

Я проверяю крышу, взобравшись на черепичный скат по одну сторону террасы. Дальше идет опасный наклон и край, который отделяют от улицы шесть этажей. Я иду по коньку. Расстояние между крышей этого здания и соседнего с другой стороны небольшое, но на ту крышу все равно не перепрыгнешь, такая она крутая. Задняя стена дома, как и передняя, глядит на улицу. Пожарной лестницы нет. Так что моя терраса — ловушка.

Но выбора у меня все равно нет. До моего дня рождения остался месяц, и мне некуда идти. Я должен получить свои три подарка или я умру — в этом я теперь уверен. Мне нужна Меркури.

Спать на террасе удобно и приятно: она защищена от ветра и уличного шума. Я выношу на нее два ковра и забираюсь в спальник — уютно и теп-

ло. Небо ясное, луна полная, так что внутрь я не зайду до самого утра.

Луна еще высоко, когда меня будит мой связной. Он принес шкуры. Шесть штук. Они плотные и чистые, так что, когда я расстилаю их, становится просто отлично.

Пока я устраиваюсь, связной сидит на корточках в противоположном конце террасы. Ноги у него длинные, но я вижу, что мускулатура бедра накачанная. Руки он скрестил на груди, голову слегка склонил в сторону. Он по-прежнему в очках, а волосы убрал за уши.

Я закрываю глаза. Когда несколько минут спустя я открываю их снова, его уже нет. Ходит он бесшумно. Это мне в нем нравится.

Утро. Я лежу и привыкаю к месту, смотрю, как небо светлеет с рассветом и углубляется с наступлением дня. Городские звуки превращаются в неясный, прерывистый шум. Здание едва слышно шипит. В животе у меня начинает урчать, к тому же я чувствую запах хлеба.

В кухоньке стоит связной, спиной он подпирает шкаф, на носу у него по-прежнему очки.

— Завтрак?

Вот уж чего я совсем не ожидал от Черного Колдуна.

— Есть круассаны, бриоши, булочки... джем. Апельсиновый сок. Я варю кофе, но есть еще горячий шоколад.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

Он широко улыбается, его рот полон ровных белых зубов.

— А тебя?

Я подхожу к стулу и выглядываю в окно. Он расставляет на столе еду. Кофе крепкий, в нем много молока, он наливает его в большие чашки. Садится напротив меня, макает круассан в кофе, я повторяю за ним. Я никогда раньше не пробовал круассан. Вкусно. Селия не одобрила бы.

Он все время разглядывает меня, а я вижу только себя в его зеркальных очках. Пальцы у него худые и длинные, и очень светлые, особенно по сравнению со смуглым лицом. Покончив с круассаном, он разрывает булочку пополам, потом от половинки отрывает еще кусочек. Отрезает ломтик холодного твердого масла и кладет его на хлеб. Правильный желтый овал на неровно оторванной краюшке. Он кладет его в рот и начинает жевать, аккуратно сомкнув губы, и все это время выглядит так, словно старается не улыбаться.

— Вид у тебя довольный, — говорю я.

— Я доволен, что познакомился с тобой. — Он берется обеими руками за дужки очков, словно хочет их снять, но передумывает. И очки остаются на месте. — Звучит очень по-английски, правда? Я рад знакомству с тобой, Натан.

Мной тут же овладевает приступ бешенства.

Он смеется.

— А ты забавный. Очень забавный. Ты мне нравишься. Ты так хмуришься... именно хмуришься. — И он снова начинает смеяться.

Я отрезаю кусочек масла. Потом еще. И еще.

— Почему ты не снимаешь перчатки?

— А ты почему не снимаешь очки?

Он смеется. Потом берет один из моих кусочков масла и кладет его себе на хлеб. Покончив с едой, он говорит:

— Я — Габриэль. — Прононс у него странный.

— Габриэль?

Он снова смеется.

— Да, Габриэль.

Я кладу кусочек масла на хлеб и пробую. Вкусное, сливочное.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Он улыбается.

— Все знают, как тебя зовут.

— Нет, не все.

Он делает глоток кофе, крутит чашку в руках и отхлебывает вновь.

— Ладно. Ты прав, не все, конечно. Только все Черные Ведьмы в Европе, некоторые в Штатах и большинство Белых Ведьм в Европе... большинство Белых Ведьм везде. Но из фейнов почти никто не знает, почти никто. — Он пожимает плечами. — Так что ты прав... не все.

Я смотрю на этого знаменитого типа, а тот смотрит на меня из отражения в зеркальных очках, и вид у него совсем не хмурый, а довольно несчастный. Я перевожу взгляд в окно, на озеро и дальние, покрытые лесом горы.

— Что, плохо быть Натаном?

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

Все Белые Ведьмы, которых я когда-либо встречал, сразу узнавали, кто я такой. Им довольно было одного взгляда... как будто у меня на лбу большой знак. Похоже, что и с Черными будет то же самое.

Я поворачиваюсь к нему.

— Я бы предпочел анонимность.

— И не жди. — Рукой он отбрасывает с лица волосы, зато, по крайней мере, перестает улыбаться. — Только не с твоим отцом.

И его отцом, и отцом его отца, и так далее, и так далее...

— А кто твой отец? — спрашиваю я. — Я о нем слышал?

— Нет, точно не слышал. А моя мать... и снова нет. Черный Колдун и Черная Ведьма, оба вполне приличные, но ничем не знаменитые. Когда я говорю «приличные», я имею в виду... уважаемые... для Черных. Мой отец живет сейчас в Америке. Ему пришлось уехать после того, как он убил бабушку — мать моей матери. — Он пожимает плечами. — Должен сказать, что это была самозащита: бабушка напала на отца. Это сложно... Она винила его в смерти моей матери. — Он опять крутит в руках пустую кофейную чашку. — Короче, они не знамениты.

— Зато они агрессивны.

— Что касается агрессивности, то слава моих родичей плетется далеко позади известности твоих.

ГАБРИЭЛЬ

Я не должен покидать квартиру, мне разрешается только выходить на террасу, чтобы поспать. Сплю я нормально, кошмары снятся обычные.

Иногда днем я сплю в квартире, на диване. Большую часть времени я один, и это в каком-то смысле хуже клетки. Там можно было хотя бы бегать. Здесь я только и делаю, что лежу.

Каждый день я задаю вопрос:

— Когда я увижу Меркури?

И каждый день Габриэль отвечает:

— Может быть, завтра.

Я говорил ему, что мне надо получить три подарка и что до моего дня рождения осталось меньше месяца. А он продолжает расспрашивать меня совсем о другом, главным образом обо мне самом: где я жил в последние годы, были ли у меня контакты с Советом, с Охотниками. Я ничего ему не говорю, его это не касается.

Габриэля я вижу по утрам. Он приносит то, что купил, мы вместе завтракаем, потом моем посуду. Иногда он напоминает мне Селию с ее работой по

дому. Он всегда моет, а я вытираю. Каждый день он говорит:

— Сегодня я помою. Тебе нельзя мочить перчатки. — При этом вид у него всегда бывает озабоченный. А когда я показываю ему палец, он смеется.

Я не снимаю перчатки и шарф. В них я сплю... в них я живу. Увидь Габриэль мои татуировки или шрамы на спине, он стал бы задавать вопросы, а мне это ни к чему.

Помыв посуду, он обычно еще некоторое время шатается по квартире, а потом уходит, и я вижу его опять только утром. По-моему, с тех пор как я здесь, он ни разу не спал у себя, хотя я в этом не уверен. По крайней мере, кровать он не заправляет и днем часто лежит на ней и читает.

В первый же день, когда мы моем посуду после завтрака, он начинает приставать ко мне с расспросами, но я сосредоточенно и молча вытираю чашки и тарелки. Когда до него, наконец, доходит, что историю своей жизни я ему излагать не собираюсь, он переключается на другие темы: прежде всего книги. Он сейчас читает классную книгу, Керуака, или как там его еще.

— А у тебя есть любимая книга?

Я старательно вытираю тарелку, тру ее, все кругом, кругом и на него не обращаю внимания. Тогда Габриэль начинает перечислять свои любимые книги. Он называет несколько французских книг, о которых я никогда не слышал, потом несколько английских книг, о которых я никогда

не слышал — хотя нет, про «Грозовой перевал» я слышал, — потом переходит к американским авторам. Не знаю, выпендривается он или всегда такой.

Когда он, наконец, затыкается, я ставлю очень сухую тарелку на стопку других таких же сухих тарелок и говорю:

— Я не прочел ни одной книги за всю жизнь.

Его левая рука погружена в мыльную воду по самое запястье. Она перестает мыть.

— Но одна любимая книга у меня все же есть. Солженицын. «Один день из жизни Ивана Денисовича». Читал?

Он качает головой.

Я пожимаю плечами.

— Как она может быть твоей любимой... если ты ее не читал?

И мне хочется долго орать ему прямо в лицо: «Да потому что женщина, которая держала меня на цепи в своей клетке, была помешана на русской литературе. Теперь ты понял, культурный швейцарский идиот?» Мне хочется вопить и визжать. В следующую секунду тарелки с грохотом летят на пол, а я и понять не успел, когда это я так рассердился. Я тяжело дышу, а Габриэль смотрит на меня, и пена хлопьями падает с его пальцев.

На следующий день, когда мы завтракаем — на новых тарелках, — Габриэль не болтает: он читает Солженицына.

Я ем хлеб, пью кофе, гляжу в окно.

Говорю ему:

— Черные очки читать не мешают?

Он показывает мне палец.

Потом, когда мы начинаем мыть посуду и ему приходится отложить книгу, он опять принимается говорить, теперь о художниках. Он все талдычит и талдычит то про Моне, то про Мане и еще что-то в таком духе. Неужели все Черные Ведьмы такие, а?

Приходится сказать ему:

— Я не нуждаюсь в лекциях по искусству. Все, что мне нужно, так это вылезти из этой дурацкой квартиры и увидеть Меркури. Срочно. — И я прибавляю пару крепких словечек, для весомости.

Когда он уходит, я вдруг вспоминаю книгу, которую подарил мне однажды Арран. В ней были рисунки Да Винчи. Я почти забыл о ней. А рисунки были очень хорошие. Я нахожу в ящике карандаш, но бумаги нет и тогда я вырываю чистую страницу из книги Габриэля.

Закончив рисунок, я его сжигаю. Но огонь в камине едва горит.

На третий день за завтраком он говорит мне, что закончил «Ивана Денисовича» и ему понравилось. Потом спрашивает, чем эта книга нравится мне. Причин, конечно же, масса. Он стоит и ждет, что я так вот возьму и выложу ему всю правду.

— И все же, — настаивает он, — почему она тебе нравится?

— Потому, что он сумел выжить, — приходит на ум толковый ответ.

— Да, мне бы это тоже понравилось, — соглашается Габриэль.

Пока мы моем посуду, он рассказывает о скалолазании. Это его любимое занятие. Он даже отрывается от тарелок и начинает карабкаться вверх по кухонному шкафу. У него хорошо получается... движения быстрые и точные. Он говорит, что больше всего любит лазать в Горж-дю-Вердон во Франции.

Потом спрашивает, есть ли у меня любимое место.

Я говорю:

— Уэльс.

Когда он уходит, я вырываю из его книги другой листок и рисую, как он карабкается по кухне.

День четвертый, Габриэль переходит к поэзии. Десять баллов за настойчивость из десяти возможных он заслужил, но если он пытается собрать историю моей жизни, то поэзия тут мало чем может помочь. Я имею в виду стихи! И тут я начинаю хохотать. Хохотать по-настоящему. Мы же Черные Колдуны, прячемся от Охотников, Белые нас боятся... а мы тут стоим, моем тарелки и говорим о поэзии. Мне так смешно, что я перегибаюсь от смеха пополам. Даже живот сводит.

Габриэль смотрит на меня. Он не смеется вместе со мной, сомневаюсь даже, чтобы он понял, что меня так насмешило, но он улыбается. Я ухитря-

юсь взять себя в руки и успокоиться, но все равно хихикаю, как школьник, каждый раз, когда он заводит речь о каком-нибудь великом поэте. Одно стихотворение он даже читает наизусть. Оно на французском, поэтому я его не понимаю, но не смеюсь.

Я спрашиваю его про акцент. Его мать была англичанкой, а отец — швейцарец. Габриэль родился во Франции и год прожил в Америке с отцом и младшей сестрой. Английский у него очень хороший, но американский еще лучше, и он говорит по-английски с чудным франко-американским акцентом. Он говорит, что вернулся в Швейцарию, когда получил свой Дар. Что это за Дар, он не говорит, а я не спрашиваю.

В тот день я решаю, что с меня хватит. Я выхожу из дома, крадучись, пробираюсь к озеру и оттуда направляюсь из города прочь, к горам. Вернувшись, я не могу найти дорогу и снова спускаюсь к озеру, чтобы найти ориентиры. Люди спешат домой или в кафе и бары. У каждого шипит телефон, и весь город отдается у меня в голове низким механическим рокотом. Я иду по дороге вдоль озера. Горы скрылись за низкими облаками, и я, хоть и знаю, что они есть, их не вижу; даже огромное озеро сжимается до размеров пруда из-за непроницаемого полога тумана, нависшего над ним. В тумане потерялись лодки на пристани. Я слышу голоса, двое говорят по-французски. Умолкают.

Я оборачиваюсь и вижу фигуру в черном, она следит за мной, и я, как могу, медленно, несмотря

на галлоны адреналина, плещущиеся в моей крови, поворачиваюсь и вразвалочку ухожу. Раздается свист: сигнал Охотницы напарнику. Тут я бросаюсь бежать...

Боковыми улочками и переулками я пробираюсь в какой-то бар, вхожу внутрь и сажусь в углу, откуда хорошо вижу улицу через окно. На улице полно фейнов. Постепенно я набираюсь смелости и выхожу, осторожно пробираюсь назад, к квартире, но Охотниц больше не вижу.

Я возвращаюсь как раз перед наступлением темноты и сразу выхожу на террасу.

Я уверен, что они меня видели. Мне удалось оторваться, но теперь они знают, что я здесь. Они как-то узнали, что это был именно я.

Я сплю. Во сне я все бегу по трижды клятому переулку, но иначе: первый раз за все время я помню, что надо не сводить глаз с противоположного фасада дома. Я гляжу, гляжу и вижу обычные дома, обычных фейнов, автобус, машины, а добежать до них никак не могу. Я слышу Охотников позади себя, они кричат:

— Ловите его! Вывите ему руки! — От страха я припускаю еще быстрее, и тогда они начинают стрелять, так метко, что почти попадают, но быстрее я бежать уже не могу... и просыпаюсь.

Габриэль сидит на корточках и смотрит на меня.

Я говорю ему, совсем не вежливо, чтобы он убрался и оставил меня в покое, а сам ложусь на другой бок и закрываю глаза. Не уверен, что мне

следует рассказывать ему о том, что случилось сегодня. Мне ведь нельзя покидать квартиру, хотя, с другой стороны, если я расскажу ему про Охотниц, может быть, он все же отведет меня к Меркури. Я решаю сказать. Но, открыв глаза, обнаруживаю, что Габриэль ушел.

День пятый. Я готовлюсь рассказать Габриэлю про Охотниц, пока мы моем посуду. Он передает мне мокрую чашку, но не сразу отпускает, когда я беру ее в руку, так что мне приходится немного потянуть ее на себя, и тогда он говорит:

— Швейцария — хорошая страна. Белых Ведьм тут почти нет, в Женеве вообще ни одной, а Черным, как правило, можно доверять. Зато есть полукровки, которые продадут тебя с потрохами, как только увидят. Их используют Охотники.

Так Габриэль сообщает мне, что знает о том, что я выходил.

Я вытираю чашку.

Он продолжает:

— Женева — чудесный город. Тебе так не кажется?

Это еще один способ сообщить мне о том, что он знает о моем вчерашнем выходе.

Я ругаюсь на него матом.

— Тебе нельзя покидать квартиру. — Так он в последний раз сообщает мне о том, что знает, что я ее покидал.

— Тогда отведи меня к Меркури.

— Откуда мне знать, что ты не шпион? Откуда мне знать, что ты выходил не затем, чтобы поболтать с Охотницами?

Я только смотрю на него в упор. Из его зеркальных очков на меня смотрит одиночка.

— Откуда мне знать, если ты не хочешь со мной говорить?

Я снова матерюсь и выхожу на террасу.

Когда я возвращаюсь в квартиру, Габриэль уже ушел.

Не знаю, что мне делать с Габриэлем, но повествовать ему историю своей жизни я не намерен, это уж точно. Я решаю начать отмечать время фигурами из пяти перекладин, как видел в кино прозэков. На стене возле окна я процарапываю четыре вертикальные линии, потом перекрываю их глубокой пятой, диагональной.

Какое-то время я смотрю в окно, потом отжимаюсь. Снова смотрю в окно. Потом делаю приседания и еще отжимаюсь. Снова смотрю в окно, после чего решаю немного побоксировать со своей тенью. Снова проверяю, как там вид.

Не думаю, что мой рассказ Габриэлю о себе что-нибудь изменит. Я ведь могу наврать. И он это знает.

Я шлепаюсь на диван. Вскикиваю. Падаю опять.

Нет, ни за что не расскажу Габриэлю правду.

Я встаю. Надо чем-то заняться.

Я решаю разобраться с камином, для чего приходится встать ногами в очаг, выпрямиться и ока-

заться головой в вытяжной трубе. Нужно усилить тягу, но я не знаю как, а потому решаю просто почистить дымоход, убрав из него сажу, насколько смогу, и в процессе натыкаюсь на кусочек сланца, который торчит между кирпичами, выдаваясь вперед, и немного шатается, а за ним, чуть выше, оказывается незакрепленный кирпич и в узкой щели над ним — большая плоская жестянка.

Закончив чистить трубу и поставив на место сланец, я разжигаю огонь и обнаруживаю, что он горит, как никогда, зато я с ног до головы в саже. Надо помыться и постирать одежду. Я сажусь в ванну, не раздеваясь. Ванна старинная, эдакое корыто на львиных лапах; глубокая, но не широкая. Я окунаюсь, и вода сразу становится серой. Я сдираю с себя одежду и бросаю ее на терраску: разберусь с ней позже. Сменка у меня есть. Даже носков две пары.

Я опять напускаю воды в ванну. Нахожу щеточку для ногтей и начинаю тереть ею руки и ноги, но грязь въелась в кожу и не думает отмыться.

Тогда я погружаюсь в воду с головой и задерживаю дыхание. Меня хватает минуты на две, а то и на три, если предварительно хорошо подышать. Но все равно форма у меня уже не та, что была, когда я снимал клетку у Селии.

Я вытираюсь, надеваю чистые джинсы и проверяю татуировки. Они не изменились. Шрамы на спине, кажется, стали еще хуже, хотя на самом деле нет. Меня всегда удивляет, до чего они тол-

стые. Цепочка шрамов на моей правой руке едва видна — белое на белом, зато запястье выглядит безобразно. Ну и что, главное, что рука работает хорошо и кулак бьет как надо.

Я наклоняюсь над раковиной и смотрю на себя в зеркало: оттуда на меня смотрит все то же лицо, только какое-то несчастное, посеревшее. И постаревшее. На вид мне не дашь шестнадцати лет. Черные осколки пустоты, вращающиеся в моих глазах, стали как будто больше. Они не такие черные, как сажа в трубе камина; они еще чернее. Я поворачиваю голову из стороны в сторону, надеясь заметить хоть какой-нибудь проблеск серебра в своих глазах, и вижу Габриэля, который стоит у двери и смотрит на меня через свои зеркальные очки, а в них опять отражается мой образ.

— И давно ты тут стоишь? — спрашиваю я.

— Ты хорошо прочистил камин. — Он входит в ванную.

— Убирайся. — Я сам удивляюсь, до чего я зол.

— Что-нибудь нашел?

— Я сказал тебе, убирайся.

— А я спрашиваю тебя, что ты нашел. — Впервые за все время нашего знакомства он говорит как Черный Колдун.

Я поворачиваюсь, делаю к нему шаг, моя левая рука уже держит его за горло, а плечо прижимает его к двери. Он не сопротивляется. Удерживая его так, я говорю:

— Да, я кое-что нашел. — Но вижу при этом

только себя, смотрящего на меня из его очков. Глаза у меня черные с серебром, но это лишь отсвет от лампы в ванной. Я не хочу причинять ему боль. С усилием я разжимаю руку, стискивающую его горло, и отхожу назад, к раковине.

— Ты прочел их? — Он говорит хрипло, покашливая.

Склонившись над раковиной, я вцепляюсь в ее края. Сосредоточенно смотрю в слив, на скопившуюся там грязь, но не могу не чувствовать, как его взгляд буравит мне спину.

— Ты их прочел?

— Нет! А теперь убирайся! — ору я и смотрю в зеркало.

Габриэль говорит:

— Натан, — делает шаг вперед и снимает очки. А глаза у него совсем не как у Черного Колдуна.

У него глаза фейна.

Он фейн!

Так что он, брехал насчет респектабельных Черных родителей?

Я ору:

— Пошел отсюда! — А сам бью его, и он падает на пол, лицо у него в крови; я матерюсь самыми страшными словами, какие знаю, а он лежит на полу, подтянув колени к подбородку; я молочу его по этим коленям ногами — ненавижу его за то, что он мне лгал, ненавижу себя за то, что поверил, будто он нормальный, а он всего лишь жалкий фейн, — и я выскакиваю в кухню, чтобы не

убить его совсем. Но тут же возвращаюсь, хватаю его за волосы, вздергиваю его голову вверх и ору, ору по-настоящему. Потому что до сих пор спиной чувствую его взгляд. И ненавижу его за этот взгляд. Я бью его головой о кафельный пол и сам не знаю, почему я это делаю: наверное, потому, что я такой злой. Когда я выхожу из ванной опять, меня трясет с головы до ног.

Я хожу взад и вперед вокруг дивана, но мне все же надо вернуться и взять рубашку.

Габриэль тихо стонет. Вид у него ужасный.

Я медленно опускаюсь рядом с ним на пол.

* * *

Мы сидим за столом у окна. Габриэль полощет в тазике тряпку и отжимает ее, вода уже стала розовой от крови. Левый глаз у него совсем заплыл. Правый глаз карий, с золотисто-зелеными точками, но без искр. Обычный фейнский глаз. Но он говорит, что не лжет: он действительно Черный Колдун, только в теле фейна.

— Значит, ты не умеешь заживляться?

Он трясет головой.

Он говорит, что его Дар в том, что он умеет становиться таким, как другие люди. Как Джессика, только по-другому, совсем иначе. Он ее антипод. Он говорит:

— Мне нравятся люди. Они интересные. Я могу стать мужчиной или женщиной, побыть молодым или старым. Могу почувствовать, каково это: быть тем или иным человеком. Есть лишь одна

проблема: раз я стал фейном, чтобы посмотреть, как это, а обратно превратиться не смог.

— Так ты застрял?

— Меркури думает, что когда-нибудь я снова стану собой. Она говорит, что это не просто физиология, то есть причина, по которой я могу перевоплощаться в других людей, не только в моем теле. Она говорит, что поможет мне отыскать дорогу назад... но она не торопится. — Он опускает тряпку в воду, полощет ее, выжимает и снова прикладывает к глазу.

— Я у нее уже два месяца. — Он смотрит на меня. — Она хочет тебя увидеть. — Он промокает тряпкой свою разбитую губу, которая тоже вспухла. — Но она подозрительна. И не без причины. Ты всю свою жизнь провел среди Белых Ведьм. — Он пожимает плечами. — Ты сам наполовину Белый, а потому из тебя может получиться великолепная наживка, как раз то, что нужно Охотникам и Совету.

— Но меня не они послали.

— А если бы и они, вряд ли бы ты сразу взял и сказал об этом.

— Так как я могу доказать ей, что я не подослан?

— В этом-то и проблема. Никак. — Кончиками пальцев он постукивает себя по губам. — Кто-то сказал, что лучший способ выяснить, стоит доверять человеку или нет, это довериться ему. — Он продолжает промокать рот. Но теперь он чуточку улыбается.

— Ты мне доверяешь? — спрашиваю я.

— Теперь да.

— Тогда отведи меня к Меркури.

Он снова полощет в воде тряпку.

— Я больше не могу здесь сидеть. Я сойду с ума... или убью тебя.

Он снова прикладывает ткань к глазу.

— Завтра.

— Да?

— Да.

— Не сегодня?

Он качает головой.

— Завтра.

Я приношу жестянку и ставлю ее на стол рядом с Габриэлем.

— Я их не читал.

Он снимает крышку и осторожно вынимает верхнее письмо, на котором видны мои черные отпечатки. Это листок, сложенный пополам, на его внешней стороне крупным кудрявым почерком написано лишь одно слово. Он берет следующее письмо, на нем тоже мои отпечатки. Он качает головой.

— Что это за письма? — спрашиваю я.

— Просто любовные письма от отца к матери, до того как... когда они еще были влюблены.

— А почему ты их прячешь?

Он отвечает не сразу.

— Здесь есть еще кое-что. Если Меркури сумеет мне помочь, она потребует плату. Этим я ей и отплачу.

Я не спрашиваю его, чем именно. Словами заклинания, наверное, или рецензом какого-нибудь снадобья.

Он складывает письма назад в коробку и закрывает крышку, надавливая на нее руками и помогая плечами, но очень, очень мягко.

— Я не читал их... я не умею читать.

Он ждет, когда я продолжу.

— Я не могу спать в доме... а когда мне придется, то меня... тошнит. Мне вообще плохо, когда приходится быть в помещении. От всяких электрических штук у меня шумит в голове. Зато на мне быстро зарастают любые раны. И еще я узнаю Ведьм по глазам.

— Как?

Я пожимаю плечами.

— Просто у них глаза другие.

Он поглаживает жестянку рукой, потом вдруг отталкивает ее.

— А... мои глаза? Они как у ведьмы или как у фейна?

— Как у фейна.

Сначала он никак не реагирует, потом пожимает плечами и говорит:

— У меня ведь теперь тело фейна.

Он медленно протягивает руку и кончиками пальцев касается татуировки.

— А это что?

И я рассказываю ему про татуировки. Он молчит и даже почти не двигается, сидит и слушает. Он вообще хорошо слушает. Но я говорю ему, что

татуировки — просто клеймо, и все. Мне хочется рассказать ему больше. Мне хочется довериться ему, но я помню слова Мэри: «Никому не доверяй».

Габриэль говорит:

— Меркури предупреждала, что ты не сможешь спать в доме. И она сказала мне, чтобы я не снимал очки.

Значит, она знает Маркуса и предполагает, что те же способности есть и у меня.

КРЫША

Габриэль говорит, что мы пойдем к Меркури утром. Он говорит, что видел в Женеве двух Охотниц, и хочет проверить, в городе ли они еще. Я отвечаю, что да, в городе, и что они меня видели и, кажется, узнали. Он ничего на это не отвечает, говорит только, что сам хочет оглядеться, и настаивает, чтобы я остался в квартире.

Когда он уходит, в квартире становится, как в тюрьме, и на террасе ненамного лучше.

Ночью я просыпаюсь. Идет дождь, но не сильный, так, морось. Я надеюсь, что увижу Габриэля на его обычном месте, откуда он часто наблюдает за мной. Но его нет. Я снова засыпаю, и мне снова снится мой обычный переулочный кошмар. Я просыпаюсь весь в поту. Уже рассвело. Терраса вся залита солнечным светом. От влажных крыш поднимается пар. Пахнет кофе и свежим хлебом.

Габриэль сидит за столом и изучает меня, а я изучаю завтрак. Ассортимент такой же, как всегда.

Я хочу пойти к Меркури и не хочу есть. Он намазывает масло на хлеб, откусывает, жует, пьет кофе. Я хожу по кухне взад и вперед.

Он говорит:

— Я видел несколько Охотниц.

Я перестаю шагать.

— Несколько?

— Девять.

— Девять!

— Я увидел одну и несколько минут шел за ней.

Потом увидел вторую. Третью. Они не обращали на меня внимания. Для них я всего лишь фейн. Но тебя они наверняка узнали. Девять Охотниц — значит, ищут кого-то важного.

— Я прошел окраинами, зашел к связной Меркури, Пайлот. Та ничего не знала. Я вернулся сегодня утром и увидел еще одну Охотницу на пути сюда. Тогда я решил кое-что проверить и толкнул ее. Я извинился. Она тоже извинилась, на плохом французском.

Он смеется.

— Они не узнают ведьм по глазам, как ты. Меркури говорит, что Охотников натаскивают распознавать Черных. Они замечают всякие мелочи: как в сравнении с другими мы стоим, как ходим, как двигаемся. Но я, наверное, все это потерял.

— Раз ты видел девятых, значит, есть и еще, которых ты просто не видел.

— Определенно.

И все же Габриэль, похоже, нисколько не волнуется: бродит по городу, натывается на Охотниц, не спеша завтракает.

Он бросает на меня взгляд со словами:

— Не переживай. Если бы они узнали про это

место, нас бы еще несколько часов назад превратили в кровавое месиво на полу какой-нибудь камеры. — Он допивает кофе и продолжает: — Тем не менее, я считаю, что нам следует отправиться к Меркури сейчас же.

Стараясь вложить в свой голос как можно больше иронии, я говорю:

— Зачем волноваться? Не спеши. Съешь еще круассан.

Он встает с улыбкой.

— Нет, я не хочу опоздать. Меркури ждет. Ей не терпится тебя увидеть.

Он жестом зовет меня за собой на террасу, потом берет меня за руку, переплетая наши пальцы, и подводит к тому месту, откуда обычно наблюдает за мной, сидя на корточках.

— Держи меня за руку. Крепко.

Другой рукой, левой, он шарит в воздухе так, словно что-то ищет.

— Здесь есть проход. Надо только нащупать вход в него — он как щель в воздухе. Мы шагнем в него и попадем в трубу. В ней трудно дышать, так что лучше всего, если ты удержишь дыхание до тех пор, пока мы не вынырнем.

Со всех четырех сторон черепичную крышу оторачивает узкий металлический желоб, в одном его углу водосток. Габриэль, похоже, нащупал прорезь — он опускает руку в водосточную трубу.

И пропадает в ней.

Мое тело становится каким-то другим — очень легким; я шагаю в щель следом за Габриэлем и ле-

чу за ним в трубе по спирали. Вокруг клубится чернота. Нас крутит, вертит и увлекает вниз, точно в слив огромной раковины; спираль, которую мы описываем, все сужается, а скорость нашего вращения растет, так что под конец я уже боюсь потерять руку Габриэля, но его пальцы крепко держат мои. Потом спираль поднимается вверх, за спиной летящего надо мной Габриэля я вижу свет, тело высасывается ему навстречу из глубин раковины, и, наконец, мы вылетаем наружу, и все замирает.

Снова обретя вес, я лежу вниз лицом на чем-то покато и твердом и хватаю ртом воздух. Хорошо, что я не завтракал, моему желудку это приключение явно пришлось не по вкусу. Я перекатываюсь на бок и сажусь. Подо мной крыша, крытая неровно нарезанными кусками черного сланца. Передо мной небольшая травянистая лужайка, а за ней — склон покрытой лесом горы, такой крутой, что мне приходится буквально запрокинуть голову, чтобы увидеть небо. Ощущение такое, будто мое тело и голова до сих пор движутся каждое по своей спирали, причем с разной скоростью.

— Мы будем сидеть на крыше, пока не придет Меркури.

Габриэль поднимается и садится, свесив ноги, верхом на крышу. Я, осторожно двигаясь, следую его примеру.

Коттедж построен на склоне широкой, похожей на подкову долины, которая открывает свой удивительный вид справа от нас. Внизу много

деревьев, лес. Над долиной, слева от меня, лежит снег и виден ледник. Вершины гор торчат над склонами, как клыки. Они покрыты снегом, а на противоположной стороне виден второй ледник. Удивительная долина напоминает неприступную крепость.

Птичьих голосов не слышно, зато слышно, как трещат сверчки, но перекрывая их «пение», откуда-то доносится далекий непрерывный гул. Этот звук не у меня в голове, и вокруг не шипят электроприборы. Рев не умолкает, и я понимаю, что это река на дне долины. Я улыбаюсь. Ничего не могу с собой поделать. Река, наверное, большая, могучая.

Крыша сложена из толстых, неровных сланцевых плит; торчит дымовая труба и из нее вьется дымок. Коттедж стоит на краю большого луга, окруженного деревьями. На лугу нет больше ничего, кроме большого расщепленного пня.

— Это дом Меркури. Его защищает заклятие от непрошенных гостей. Так что с крыши можно сойти не раньше, чем коснешься руки хозяйки.

— Где мы?

— В другой части Швейцарии. Иногда я приезжаю сюда на поезде или прихожу пешком. Или использую проход. Через него можно и вернуться. — И он показывает на пространство над трубой. — Его сотворила Меркури. Ее Дар — контроль над погодой. Это сильный Дар. Он у нее был один, но она многому научилась сама от тех людей, которым помогла. Они расплачивались с ней новыми

знаниями... так она и научилась делать проходы в пространстве.

Брякает дверная задвижка. Мы одновременно оборачиваемся.

Моя кожа покрывается мурашками от ледяного ветра, когда Меркури возникает на пороге.

Она высокого роста и худая, ее кожа бледна едва ли не до прозрачности и кажется почти серой. Ее глаза — как две черные дыры, но в них качаются и перетекают серебряные пологи. Кажется, она смотрит на меня, но я не уверен.

— То-то мне показалось, что я учуяла что-то приятное, — говорит она. Ветер теплеет. Становится удушливым и влажным. — А это Натан. Наконец-то.

Голос как будто не принадлежит телу; будто его рождает ветерок, который овеивает ее со всех сторон и устремляется ко мне. Она идет к задней стене коттеджа. Он выстроен так, что сзади почти полностью уходит в склон горы, и крышу отделяет от земли всего какой-то фут. Ветер крепчает, когда она протягивает мне руку и пальцем манит меня к себе. Тогда ветер подхватывает меня, ставит на ноги и тащит прямо к ней. У воздуха как будто появляются руки, и эти руки то подталкивают, то тянут меня.

Наконец-то!

Я тяну к Меркури руку, хватаюсь за ее пальцы.

Ощущение такое, словно я держу за руку скелет.

Часть шестая

Семнадцатилетие

ОДОЛЖЕНИЕ

Я открываю глаза, моргаю, чтобы быстрее себя определить. Еще ночь. Рядом спит Габриэль. Мы в лесу, за домом Меркури. Это особый дом, в котором я могу спать, но я попытался лишь дважды. Ночью внутри дома меня хотя и не подташнивает, зато мучают приступы клаустрофобии. В общем, снаружи, среди деревьев, все равно лучше. Роза спит в коттедже. Где спит Меркури? Не могу сказать, спит ли она вообще.

В первую ночь Габриэль сказал:

— Коттедж — это дом для гостей. Думаю, сама Меркури живет далеко отсюда.

— В каменном замке на вершине скалы?

— Подобное жильё в ее духе. Я видел однажды, как она шла вверх по склону горы, по направлению к леднику. Наверное, там есть еще один проход, он-то и ведет к ее настоящему жилью. Роза тоже иногда поднимается туда, по крайней мере, я сам ее видел несколько раз.

Роза — помощница Меркури, лет ей, наверное, около двадцати. Она темноволосая, у нее пышная соблазнительная фигура, и она красивая — но не

Черная. Она шайт — так она сама называет Белых Ведьм, — но воспитала ее Меркури. Дар Розы в тумане забывчивости, так говорит Габриэль, но я не понимаю, что это значит, а он отказывается объяснять, утверждая, что лучше самому один раз увидеть. Роза использует свой Дар для того, чтобы добывать разные вещи для Меркури.

Я не стал интересоваться, что это за вещи. С самой же Меркури я не говорил. В ее доме я уже неделю, но она не была здесь с тех пор, как я появился.

Я сразу сказал ей, что мне нужна ее помощь. Объяснил, что до моего дня рождения осталось всего две с небольшим недели. Я был вежлив. Но в ответ неизменно слышал лишь ее молчание.

Молчание.

Габриэль говорит, что она еще придет ко мне в надлежащее время.

Но пока дни идут за днями... и ничего.

Я знаю, что она играет со мной в какую-то игру. И...

— Не спишь? — бормочет со сна Габриэль.

— У-гу.

— Перестань думать о Меркури. Даст она тебе три подарка.

Габриэль всегда почему-то знает, о чем именно я думаю, а я всегда стараюсь не показать, что он прав.

— Я и не думаю. Я думал о том, что буду делать, когда получу свои три подарка.

— И что ты будешь делать?

Искать отца. Если он захочет, чтобы я его нашел, то у меня это получится. И тогда я докажу ему так или иначе, что не убью его, ни за что и никогда. Правда, он, скорее всего, не захочет найтись, да и я не знаю, как могу что-нибудь доказать.

— Ну?

Больше я ничего Габриэлю о себе не рассказывал: ни о татуировках, ни о видении, которое было моему отцу, ни о Фэйрборне.

Я говорю:

— Буду тренировать свой Дар. Не хочу застрять в теле какой-нибудь собаки.

— Да, быть фейном и то уже достаточно худо. А что еще?

— Почему ты думаешь, что есть что-то еще?

— Потому что ты весь такой... как это говорят англичане — смурной? Да, кажется, так это называется. Ты иногда такой смурной.

Смурной!

— Кажется, ты подобрал не то слово. Задумчивый будет вернее.

— А, по-моему, смурной — самое подходящее.

Я качаю головой.

— Есть одна девчонка, она мне нравится.

— И?

— И, наверное, с моей стороны это глупо. Она Белая Ведьма.

Я жду, что он скажет, что это действительно глупо и что я доиграюсь, убьют меня, а заодно и ее, но он ничего не говорит.

Утром мы сидим на траве возле расколотого мертвого дерева чуть ниже коттеджа Меркури. Кажется, что солнечное тепло здесь еще усиливается, как под лупой.

— Можно пойти погулять, — говорю я, щурясь и осматривая долину.

— О'кей.

Мы сидим.

— Или ползать по скалам, — предлагает Габриэль, вынув изо рта длинную травинку, но с места также не двигается.

Мы и так каждый день то гуляем, то лазаем.

— Может, искупаемся? — спрашивает он.

В долине есть небольшое озеро, но сегодня я не хочу гулять, купаться или лазать. Я хочу, чтобы Меркури пришла и сама сказала мне, что даст мне три подарка.

— Знаешь, до моего дня рождения осталось чуть больше недели.

— Знаешь, я уже говорил тебе это раньше: перестань себя накручивать.

— А если я не получу три... — Я умолкаю, потому что из леса под нами выходит Роза и идет к нам неторопливыми, но широкими шагами. Тонкое платье льнет к изгибам ее фигуры. Поравнявшись с нами, она опускается на траву рядом со мной.

Она говорит:

— Привет.

— Здравствуй, Роза.

Роза хихикает. Она совсем не похожа на хохотушку, но то и дело хихикает. А еще она часто

краснеет, хотя совсем не застенчива. Это немного озадачивает.

Роза смотрит на Габриэля.

— Отправляйся в Женеву, повидай Пайлота, прикинь, сколько там Охотников, и доложи сегодня же вечером Меркури. — Вот это уже больше похоже на настоящую Розу.

Потом она вырывает травинку и говорит:

— Натан, Меркури сказала, что с радостью даст тебе три подарка в твой день рождения.

Наконец-то.

— Она говорит, что это честь для нее.

Честь!

— Она рассчитывает на вознаграждение? Или одной чести достаточно?

— Не вознаграждение, — ответила Роза. — Одолжение. Знак признательности и уважения. Это ведь так естественно — хотеть отблагодарить дарителя. Так ведут себя воспитанные люди.

— И какого одолжения она от меня ждет?

Роза хихикает и краснеет.

— Она хочет два одолжения.

Значит, одной чести тут явно недостаточно.

— И какие же два одолжения хочет получить от меня Меркури?

— Она скажет тебе сегодня вечером.

— Что будет сначала? Одолжения или подарки?

— Она говорит, что одно одолжение ты должен оказать ей еще до церемонии.

Значит, оно будет сравнительно простым, хотя что это будет, я понятия не имею. У меня нет ничего, что я мог бы ей дать.

— Второе ты должен будешь оказать ей после, как только сможешь.

— А что, если я не смогу?

Роза хихикает и проводит пальчиком себе по горлу.

Габриэль возвращается в Женеву через проход, а я отправляюсь на длинную прогулку, чтобы занять себя хоть чем-нибудь. Когда вечером мы снова встречаемся в коттедже, я уже на пределе. Ведь мне предстоит встреча с Меркури. Я во что бы то ни стало должен стать Черным Колдуном. Я должен стать сыном Маркуса.

Меркури приветствует меня, согласно обычаю, тремя поцелуями, но делает это так медленно, словно не целует, а обнюхивает меня. Ее губы не касаются моих щек, но я чувствую исходящий от них леденящий холод. Она говорит:

— От тебя всегда так хорошо пахнет, Натан. — Потом, словно забыв обо мне, начинает расспрашивать Габриэля, как там в Женеве.

Охотники, похоже, превратили город в свою базу и прочесывают окрестности; по словам Пайлот, они ищут следы, которые приведут их к сыну Маркуса. Меркури, похоже, довольна тем, что коттедж находится далеко от них и о квартире в Женеве тоже еще не пронюхали.

После ужина она говорит:

— Как, по-твоему, у меня другие глаза, Натан?

— Таких глаз, как ваши, я еще не видел. — Когда глядишь в них, то кажется, будто заглядываешь

в пустые глазницы черепа, такая в них чернота, но время от времени в этой черноте словно вспыхивают далекие молнии.

— Ты ведь встречал не много Черных?

— Нет. — Я поворачиваюсь к Розе. — Зато я встречал Белых Ведьм.

— Да, Роза редкая Белая Ведьма. Необычайно одаренная и способная.

Роза тут же заливается краской.

Меркури продолжает:

— Роза — Белая Ведьма по рождению, но теперь она мне как дочь. В душе она самая настоящая Черная Ведьма. А вот ты, Натан, телом как будто Черный, но насчет твоей души я сомневаюсь. Черная она или нет?

— Откуда мне знать? Я же говорю, я никогда раньше не видел Черных Ведьм.

Меркури содрогается всем телом и испускает дикий вопль, похожий на эхо, мечущееся в пещере.

— Хорошенькая у нас тут подобралась компания.

Я откидываюсь на спинку стула и рассматриваю Меркури. Она до жути худая. Но при этом совсем не слабая, вот уж нет. Даже ее серая, почти прозрачная кожа выглядит неуязвимой для пуль. Да, она худая, как железный лом, и хрупкая, и, может быть, с нее уже песок местами сыплется, но при этом она так же холодна и бессердечна, как тот самый лом. Ее непокорные серые волосы представляют собой спутанную массу, седые пряди ме-

шаются в ней с черными, по бокам они заплетены в косички, сзади собраны в пучок, который пронзают длиннющие шпильки, и Меркури то и дело вынимает одну из них, чтобы покрутить в пальцах.

На ней длинное серое платье, сшитое из чего-то вроде шелковых лоскутков, часть из них без конца находится в движении, как будто она под водой и ее омывают невидимые течения.

Мне хочется узнать, что она знает о моем отце, но сегодня я буду придерживаться только темы моего Дарения. И начинаю так:

— Благодарю вас за доброту, Меркури. За то, что присмотрели за мной, дали мне приют, — ну прямо сама вежливость.

Она склоняет голову, словно соглашается со мной. Ее платье танцует вокруг нее еще быстрее.

— И за ваше согласие дать мне три подарка.

И снова она отвечает мне наклоном головы, а потом говорит:

— Твой день рождения скоро.

— Восемь дней.

Она кивает.

Я продолжаю говорить.

— Мне бы хотелось тоже подарить вам что-нибудь, просто в знак признательности. Возможно, даже дважды, один раз до церемонии, второй раз после.

— Это вполне уместно. Да. Небольшой залог твоей признательности до.

— С удовольствием. Может быть, я могу...?

Молчание.

Ох, и любит она играть в эти игры.

Еще немного помолчав, она говорит:

— Мне нужна информация.

Я жду. Тоже молчу. Потом спрашиваю:

— О чем-то конкретном?

— Конечно.

Меркури ставит локти на стол, ее пальцы трутся друг о друга, вдруг откуда-то выскакивает длинная шпилька и начинает вертеться меж них.

— Оставьте нас. Вы, двое, выйдите. — Она отдает Габриэлю и Розе приказ, даже не глядя на них, ее глаза устремлены на меня. Стоит им выйти, как окна и дверь дома начинает сотрясать ветер.

Меркури вертит шпильку на кончике пальца.

— Первая моя просьба проста... так, сущая чепуха. Я хочу, чтобы ты рассказал мне все, что знаешь о своих татуировках.

— А вторая?

— Немного потруднее... но, наверное, не для тебя.

Она протыкает шпилькой стол, а потом тянет ее и раскачивает из стороны в сторону до тех пор, пока та не выскакивает обратно.

— Я не могу согласиться, пока не узнаю, в чем состоит вторая просьба.

— Перед тобой открыто много путей, Натан.

И она снова втыкает шпильку.

Я складываю руки на груди и жду.

Мускулы вокруг ее рта сжимаются сильнее, а потом она вдруг снова выпускает дикий, пронзительный вопль — ее смех — так, что я едва не под-

скакиваю на стуле. Ветер воет за стенами, а Меркури тянется ко мне через стол. Она вскидывает руки, взявшаяся невесть откуда шпилька крутится у нее меж пальцев. Она говорит, и ее ледяное дыхание обжигает мне лицо.

— Почему вы хотите, чтобы он умер?

Я не злюсь, скорее мне интересно.

Меркури откидывается на спинку своего стула и, кажется, смотрит на меня, хотя с уверенностью сказать невозможно, настолько черны ее глаза.

— Он забрал у меня жизнь. Жизнь, которая была мне дорога. Вот и я хочу забрать у него жизнь. А поскольку для него нет иной жизни дороже его собственной, то я и заберу у него его жизнь.

— Чью жизнь он забрал?

— Жизнь моей сестры, Мерси. Мы были с ней близнецами. Он убил ее, коварно. И съел ее сердце.

Мерси не было в списке людей, убитых моим отцом.

— Мне жаль вашу сестру, но ведь смерть Маркуса не вернет ее вам. А Маркус мой отец.

— Так значит, нет?

— У меня такое чувство, что если я соглашусь, а потом не смогу выполнить взятое на себя обязательство, то меня ждут неприятные последствия.

— Разумеется. Для тебя, для твоих родственников и друзей. Терпеть не могу тех, кто нарушает условия сделки. Предатели должны платить самую высокую цену.

— Тогда ваша цена для меня слишком высока.

Она протягивает ко мне палец и ласкает им татуировку на моей руке.

— Твой отец не герой, Натан. Он тщеславен, жесток и... если бы ты повстречал его хоть раз, то сразу понял бы, что ему на тебя плевать.

Я мягко отнимаю у нее свою руку и встаю. Подхожу к огню.

— Может быть, вы согласитесь принять от меня что-нибудь другое.

Она изучает меня внимательным взглядом.

— Может быть. — Она встает, подходит ко мне, проводит пальцем по татуировке у меня на шее. — Да, вполне может быть, что это будет что-нибудь другое. Например, год службы у меня.

— Службы?

Она опять раздражается визгливым смехом.

— Мне всегда нужны помощники.

Не знаю, выдержу ли я ее хотя бы неделю, не говоря уже о годе. Мне это совсем не нравится, но чего я ждал? Мне ведь больше нечего дать ей.

— Я не буду убивать людей, если вы это имеете в виду.

Она отступает на шаг и слегка разводит руки.

— Что ж, я хорошо понимаю твои нынешние чувства. — Ее платье трепещет. — Но со временем... твоё отношение изменится. — При этих словах я встречаю ее взгляд и вижу Киерана, он стоит передо мной на коленях, а в руке у меня пистолет. Я моргаю и отвожу глаза, но я уже успел ощутить, как мой палец давит на курок.

Снова визгливый смех:

— Убийство у тебя в крови, Натан. Для этого ты родился.

Я качаю головой. Кроме того, если я и буду убивать людей, то сам выберу, кто это будет.

— Наверное, тебе просто не нужны три подарка, вот и все.

— Я буду работать на вас целый год. Я не буду убивать.

— С удовольствием напомню тебе эти твои слова ровно через год.

— Напомните. А то, что вы хотите знать о моих татуировках, я расскажу вам утром моего дня рождения.

Порыв ледяного ветра ударяет меня в лицо.

— Мы здесь одни... сейчас удобное время.

— Уверен, что и утром моего дня рождения мы тоже найдем возможность уединиться.

Воздух тих, никакого ветра, только холод. Интересно, сможет ли она заморозить меня до смерти — вполне возможно.

Я, конечно, не скажу ей о моих татуировках все, что знаю сам, и о мистере Уолленде промолчу. Но мне надо подумать, что именно я могу ей рассказать, чтобы она отстала.

Она идет к двери и, не оборачиваясь, произносит:

— Передай Габриэлю. Еще одна молодая особа ищет моей помощи. Пусть завтра отправляется в Женеву на место встречи.

ОРЕЛ И РОЗА

До моего семнадцатого дня рождения осталась одна неделя. Я нашел Меркури, и она даст мне три подарка. Почему же мне тогда так плохо?

Габриэль в Женеве. Сказал, что вернется ближе к вечеру. Жарко. Солнце печет. Самое время, чтобы искупаться. Дорога пешком до озера занимает час, в пути я делаю остановку, чтобы посидеть и полюбоваться долиной. Я все думаю, что мне сказать Меркури насчет татуировок, но пока ничего хорошего не придумал.

Я ложусь на спину и гляжу в небо. Грохот реки оглушает. Высоко в небе парит птица. Это орел. Большой орел. Я долго смотрю на него, потом встаю и бегу к озеру. У меня кружится голова, по дороге я чуть не падаю. Ничего, холодная вода меня разбудит. Озеро совсем небольшое, скорее это пруд в окружении леса, при нем маленький галечный пляж и заросли травы на другом берегу. Я скидываю с себя одежду и бросаюсь в воду.

Я рассекаю воду одной рукой, потом другой и чувствую, как все мое тело немеет. Озерная вода — это растаявший снег. Я ложусь на спину

и начинаю смотреть в чистейшую голубизну неба, где опять вижу орла — теперь чуть ниже.

Некоторое время я наблюдаю за тем, как он описывает круги, забираясь все выше и выше, а потом вдруг камнем падает вниз, так что я могу разглядеть отдельные перья на концах его крыльев. Солнце стоит у орла за спиной, поэтому он кажется совсем черным. А я опускаюсь ниже поверхности воды и чувствую, как внутри у меня становится холодно, по-настоящему холодно. Под водой сумрачно, там ил и подводные травы. Над собой я вижу поверхность озера. Я вижу ее, и в то же время она кажется где-то далеко... уходит все дальше и дальше. Я пробыл под водой слишком долго... я начинаю барахтаться и тут же наглатываюсь воды.

Я снова на поверхности. В носу у меня вода, но я хватаю воздух ртом.

— Расслабься. — Это Роза. Она стоит в воде позади меня. — Перестань барахтаться!

Я смотрю на орла. Он вернулся, спустился пониже и висит у меня над головой. Я раскидываю руки, вода держит меня.

— Ты слишком долго был в воде. Я оттащу тебя на берег. — И Роза за волосы тянет меня к берегу, шагая ритмично и медленно.

За волосы!

— По-моему, это не совсем правильная техника.

— Перестань ныть. Мне всегда хотелось это сделать — кого-нибудь спасти.

Я улыбаюсь, вода попадает мне в рот, я ее выплевываю. Мое тело онемело от холода, но одним

плечом я чувствую присутствие Розы. Маленький клочок тепла.

— Здесь ты уже можешь встать.

— Нет уж, тяни до конца.

Она дергает меня за волосы, подтягивает чуть ближе к берегу и брызгает несколько капель воды мне на лицо.

— Думаю, опасность миновала.

Я нащупываю ногами дно и встаю. Вода едва доходит мне до пояса.

Передо мной стоит Роза. Ее платье намокло и льнет к каждому изгибу ее тела, так что я отвожу глаза.

Она хихикает.

— Ты что, краснеешь, Натан?

Я выхожу из воды и оставляю ее теряться в догадках.

Я падаю на траву животом вниз, меня бьет дрожь.

— Тебе надо обсохнуть. Можно, я вытру тебя твоей футболкой? — А сама уже трет мне спину, не дожидаясь разрешения.

Я жду каких-нибудь комментариев насчет шрамов, но она молчит. Солнце печет по-прежнему, но внутри меня лютый холод. Я дрожу и не могу остановиться.

Роза ложится рядом, чтобы меня согреть. Странное чувство, когда лежишь так близко возле девушки. Я уверен, что Роза, не задумываясь, перерезала бы мне глотку, прикажи ей Меркури, но, видно, ничего такого ей пока не при-

казали. Наоборот, ей велено за мной приглядывать. Я откатываюсь от нее подальше и начинаю одеваться.

У Розы в сумке есть бутерброды с сыром, мы едим.

Я благодарю ее за то, что она спасла меня, хотя в этом и не было необходимости.

Она хихикает.

— Я сделала это, чтобы Габриэль приревновал.

— Ко мне? — Вот не думал, что Габриэль интересуется Розой.

— Нет. — Она хихикает и качает головой.

Не могу понять, что она задумала.

— Он бы все отдал за возможность спасти тебя. Чтобы показать, как он... ну, ты понимаешь... — Роза опять хихикает. — Как он тебя любит.

— Что?!

— Он влюблен в тебя. Влюблен по самые уши.

Так, она меня заводит.

— Он мой друг.

— Влюбился по уши. Отчаянно. Как безумный. И, увы, кажется, без всякой надежды на взаимность.

— Он мой друг.

— Ах, Натан, ему так хочется быть больше, чем просто другом.

Я трясую головой. Габриэль — это Габриэль. Конечно, ему нравится, когда мы вместе. И мне нравится, когда он рядом. Вместе мы лазаем, купаемся и разговариваем. Мне казалось, что именно так всегда и поступают друзья.

Несколько дней назад он сделал мне подарок. Нож. Я вытаскиваю его и смотрю на него. Он красивый. Оплетенная черными кожаными ремешками рукоять и черные ножны из плетеной кожи. Клинок не убирается, это классический нож боуи¹. Казалось, он нервничал, когда делал для меня этот подарок. Похоже, ему было очень важно, чтобы он мне понравился. И он мне нравится.

— Любовь — странная штука, — говорит Роза. Она берет мой нож и смотрит на него. — Габриэль готов умереть, чтобы показать тебе, как сильно он тебя любит.

Роза смотрит на свое отражение в лезвии.

— А ты умерла бы за кого-нибудь, Роза?

— Я еще не встречала такого человека. — Она возвращает мне нож. — А ты?

Я думаю об этом, но не отвечаю.

Она говорит:

— Ты похож на отца.

— Ты видела Маркуса?

— Один раз. Лет десять назад, мне было тогда двенадцать. Ты вылитый он. Точная копия. И голос тот же. Ты даже молчишь как он.

— Ты с двенадцати лет его помнишь?

— А он запоминающийся... да и я не какая-нибудь рядовая шайтская тупица.

¹ Наиболее известный и легендарный тип американского ножа, ведущий свою историю со времен Дикого Запада. Сконструированный в 30-х годах XIX века плантатором Ризоном Боуи, нож обрел популярность благодаря младшему брату Ризона, Джеймсу.

— Нет, Роза, ты, конечно, не тупица. Как ты встретила Маркуса — ездила к нему сама или он приходил сюда, к Меркури?

— Он приходил к Меркури. Просил ее об одном одолжении. Она ему отказала, разумеется.

— Потому что Маркус убил Мерси?

Молчание. Она хочет, чтобы я сам додумался.

— А о чем он просил, Роза?

Она хихикает.

— Может, я и скажу тебе... а может, нет.

Она ложится на бок и смотрит на меня.

— Нравится мне дразнить тебя, Натан. Ты так быстро заводишься. Приятно посмотреть.

— Маркус тоже был такой? Скорый на гнев?

— Я видела его всего несколько минут. Он показался мне вполне спокойным. Меркури тогда бесилась куда сильнее его.

— И он просил ее...?

— Ну почему я не могу потянуть еще чуть-чуть... заставить тебя еще помучиться?

— Да уж ты можешь.

Она снова хихикает.

— Он просил Меркури о том, чтобы она взяла на воспитание его сына. Тебя. Она отказалась. Ей не очень нравятся маленькие мальчики.

— Только в тушеном виде.

Роза опять хихикает.

Но Меркури говорила, что мой отец никого не любит, кроме себя. Значит, она все врет. Но ведь Маркус наверняка тоже это знает, а значит...

— Почему он просил Меркури о помощи?

— Думаю, теперь она жалеет, что не согласилась помочь ему. Ей бы очень хотелось иметь власть над Маркусом. Но тогда она злилась из-за Мерси.

— Но почему он пришел просить ее?

— Он думал, что Меркури должна помочь. Вы ведь все же родственники.

— Меркури моя родственница?

— Ее сестра, Мерси, была матерью Сабы.

Что?

— Маркус убил собственную бабушку?

— Ничего необычного. Только Меркури никогда ему этого не простит. Она любила Мерси. Такое не забывается. Меркури, конечно, не из тех, кто умрет за того, кого любит, но вот убить за нее она вполне может. Даже смешно. Черные Ведьмы то и дело убивают своих родственников, жен, возлюбленных. И чего шайты к ним привязались: оставили бы их в покое, они бы сами друг друга скоро перебили.

Я снова смотрю в небо. Орла нет. Меркури моя двоюродная прабабушка... А мой отец следит за мной, наблюдает всю мою жизнь.

ДОВЕРИЕ К ГАБРИЭЛЮ

Я возвращаюсь к коттеджу и жду Габриэля на траве.

Новость об отце взволновала меня, я рад — я просто в восторге.

Я хочу рассказать Габриэлю. Но день постепенно переходит в вечер, а вечер — в ночь. Я забываю свою радость и думаю об Охотниках. Женева кишит ими, а Габриэль так неосторожен. Он легко может сделать какую-нибудь ошибку, или его предаст тот, с кем он должен встретиться, или кто-нибудь из полукровок, о которых он меня все время предупреждает.

До следующего полудня остаются считанные минуты, когда Габриэль, наконец, появляется на крыше. На его лице ни тени улыбки; похоже, он не спал всю ночь.

Я говорю ему, что он плохо выглядит.

Тут он улыбается.

— Ты тоже. — Я заскакиваю на крышу и сажусь рядом с ним.

Он говорит:

— Есть одно прекрасное английское выражение, которое полностью отвечает моему самочув-

ствию. — Он ложится на спину. — Чувствую себя, как будто мне яйца отрезали.

— Ты случайно не пробовал еще раз столкнуться с Охотницей?

— Нет, но сложностей стало больше. Нам пришлось пойти в обход... большой крюк сделали. Я хотел переночевать у Пайлот — она живет под Женовой, — но та только взглянула на девчонку, которая была со мной, и сказала «нет». Девчонка — чистокровная Белая Ведьма, чище не бывает, говорит, что сбежала от Совета. Но я уже не знаю, чему верить. К тому же девчонка паниковала, а это не помогло делу. Короче, все было плохо.

— И где же эта девчонка теперь?

— В квартире. Хотя я не знал, стоит ли ее туда вести. Я ей не доверяю. — Габриэль покачал головой. — Она отмалчивается со мной, говорит, что отвечать будет только Меркури, а я, как ты знаешь, ничем не могу ей помочь, пока она не расскажет все. А она не хочет. И я не хочу. Мы с ней долго ходили кругами. И в прямом, и в переносном смысле.

— Подозрительно, что кому-то приспичило сбегать от Совета и просить помощи у Меркури именно сейчас, когда они ищут меня. Как думаешь, кто ее послал, Совет или Охотники?

— Не знаю. Не могу ее раскусить. Она меня совсем измотала. Мне надо забыть о ней на время и расслабиться. И еще передать кое-что Меркури от Пайлот. А потом можно будет пойти искупаться.

Мы ждем Меркури на крыше. Я рассказываю ему то, что узнал от Розы про Маркуса и Мерси, а потом про орла. И тут как раз появляется Меркури. Наверняка она все слышала.

Но про орла она спрашивает снова. Наверняка она думает о том же, о чем и я: не был ли это Маркус.

Но я не отвечаю ей, а спрашиваю:

— Как, по-вашему, Маркус наблюдает за мной?

Я ожидаю, что она засмеется. Я и сам чувствую себя дураком, как только вопрос срывается у меня с губ.

Она говорит:

— Он любит себя одного, Натан. Если он и наблюдает за тобой, то лишь потому, что ему это выгодно.

И я понимаю, что если Маркус верит в то, что я хочу убить его, то он должен за мной следить. Но я же его сын, его единственный сын. А будь у меня сын, я бы наблюдал за ним и хотел бы с ним встретиться. Я хотел бы увидеть его по-настоящему, мне хотелось бы подержать его на руках и приласкать, когда он был маленьким. Но Маркус ни разу не пришел, чтобы навестить меня, или обнять, или...

— А девушку ты встретил, Габриэль?

— Да. Она в квартире. Я ей не доверяю. Но Пайлот велела мне еще кое-что вам передать. Она сказала, что Клей в Женеве. Она сказала: «У Клея Фэйрборн».

Меркури разражается своим гулким смехом, от

которого нас едва не сметает с крыши. Она сама чуть не заскакивает на крышу, когда хватает нас за руки. Сланцевые плитки взлетают в воздух, и мы кружим вместе с ними в потоке восходящего ветра, пока Меркури не опускает нас на траву.

Когда мы приземляемся, Меркури проводит ладонью по моей щеке.

— Я знаю о видении про тебя, Натан, и Фэйрборн. И ты наверняка о нем тоже знаешь. — Она щиплет меня за подбородок и заглядывает мне в глаза. — Определенно знаешь.

Она еще раз гладит меня по щеке, а потом поворачивается к Габриэлю и говорит:

— Интересно будет посмотреть, как этот нож изменит Натана.

Габриэль выглядит смущенным.

— Натан объяснит тебе насчет видения. А мы сегодня вечером обсудим, как именно можно изъять Фэйрборн у Клея и вложить его в мою... нет, в руку Натана.

Мы лежим на мшистом берегу крошечного озерца. Мы прибежали сюда бегом, окунулись, а теперь лежим на солнце, и его лучи сушат и согревают нам кожу. Но мои мысли совсем в другом месте.

Габриэль говорит:

— Сегодня утром я ходил в тот дом, где, по словам Пайлот, остановился Клей, чтобы проверить, так ли это. Пайлот иногда что-нибудь путает. Но она не ошиблась. Клей там.

— Почему ты решил, что это он?

Габриэль пожимает плечами.

— Ну, ты же знаешь, какой у них у всех вид? Высокомерный. Так вот он самый высокомерный из всех. Прямо король высокомерия.

Он.

— У него есть подружка, — говорит Габриэль.

— Ты серьезно? — Я вспоминаю его дубинку, и как я лежу на земле, пытаюсь прикрыть голову руками.

— Что еще удивительнее... она красивая. Высокая, стройная, молодая... молодая для Клея, если ты понимаешь, о чем я. Одни женщины ведутся на внешность, другие — на деньги, третьи — на власть. А она, судя по всему, — тут он пожимает плечами, — на старых заносчивых пердунов.

Габриэль пытается меня рассмешить, но я не вижу в Клее ровным счетом ничего смешного.

Я говорю:

— Не такой уж он старый. Он силен. У него есть положение в обществе. Он хитер... даже умен. И жесток.

— Словом, отличный улов для любой Белой Ведьмы.

Я сажусь и смотрю на озеро, его поверхность темно-голубая от отражающегося в нем неба, а внутри оно ярко-зеленое от подводной травы, что растет в его глубине. Озеро напоминает мне Эллен. Я говорю Габриэлю.

— Я встретил в Лондоне одну полукровку. У нее изумительные глаза. Немного похожие на

это озеро, тоже сине-зеленые, только с бирюзовым оттенком... — Больше мне нечего сказать. Глаза Клея походили на лед.

Габриэль тоже садится.

— В чем дело?

— Я встречал Клея. Дважды. — Помню его дыхание на моей шее.

Я хочу рассказать Габриэлю все о Фэйрборне, и о моих татуировках, и о тренировках Селии, и о предупреждении Мэри. Но самое первое слово не идет мне на ум... я не знаю, с чего начать... с чего тут вообще можно начинать?

Он просит:

— Расскажи мне еще об этой полукровке. Похоже, она необыкновенная.

— Да. Тебе бы понравилась. Она умная.

И, начав говорить об Эллен, я сам не замечаю, как рассказываю все о Бобе, Мэри, об Освидетельствованиях, о Клее и вообще обо всем.

Когда я заканчиваю, Габриэль говорит:

— Мэри предупреждала тебя, чтобы ты не доверял никому, а ты доверился Эллен, а теперь доверяешься мне.

Я пожимаю плечами. Я ему и в самом деле доверяю.

Он наклоняется ко мне и обхватывает меня рукой за плечи. Мне немного неловко.

Габриэль уверен, что Меркури захочет украсть Фэйрборн. Затем она вручит его мне и отправит нас двоих против Маркуса. Он говорит, что если я буду служить ей целый год, то она употребит все

свое влияние и силу, чтобы заставить меня убить Маркуса. По его словам, это доставит ей особое удовольствие — натравить на Маркуса его собственного сына, испытать свою власть над ним. Он говорит:

— Ты правильно делаешь, что веришь в отца.

А еще он говорит, что ему больше не нужна помощь Меркури.

Я напоминаю ему:

— Зато мне она нужна. До моего дня рождения осталось шесть дней. Мне надо получить три подарка.

— Да, это проблема, — говорит он. — Нам нужен план.

Но как раз плана-то у нас и нет. Мы соглашаемся в том, что нож нужно уничтожить, бросить в озеро, где его никогда не найдут, но оба понимаем, что Меркури будет в ярости и захочет отомстить нам, если мы это сделаем. Да и мой отец может не поверить, что мы действительно это сделали. Можно, конечно, попытаться отдать нож ему, но тут кроется двойная опасность: как я доставлю ему нож и как передам его из рук в руки, если он мне не доверяет.

В конце концов, мы решаем, что будем следовать любому плану, который придумает Меркури, похитим Фэйрборн и отдадим его ей — пусть лучше будет в ее руках, чем у Охотников. Остается лишь надеяться, что, когда я получу мои три подарка и буду работать на нее, я найду шанс как-нибудь его уничтожить. Да, план не самый лучший.

...В тот вечер Меркури пребывает в праздничном настроении. Роза побывала в Женеве и вернулась. Она рассказывает нам о том, что видела: то же, что и Габриэль. Клей остановился в доме в пригороде Женевы. В других пригородах расположились еще не меньше двадцати Охотников, так что радоваться тут, по-моему, особенно нечему. Пайлот улетела в Испанию.

Меркури не сидится на месте: она то стоит, то вышагивает по комнате, а ее платье радостно танцует вокруг нее. Похоже, ей наплевать, сколько там Охотников. Ей нужен Фэйрборн, и она думает, что Роза его достанет.

Габриэль говорит:

— Если только он у Клея. Пайлот не раз ошибалась.

Роза отвечает:

— Пайлот сказала, что целая рота народу по очереди стережет Фэйрборн. Сейчас очередь Клея. Куда бы он ни направился, Фэйрборн всегда при нем.

— Забрать его у Клея будет трудно.

— Да, нелегко, — соглашается Меркури. — Но моя дорогая, чудесная, гениальная Белая Ведьмочка Розочка, чей талант заключен в том, чтобы прийти и тайком взять какую угодно вещь, как бы надежно она ни была спрятана, справится.

Роза заливается краской и хихикает.

Меркури продолжает:

— Завтра ты, Роза, и ты, Габриэль, отправитесь в тот дом, возьмете Фэйрборн и принесете его мне.

Вот так, легко и просто.

— А как... — начинаю я.

Габриэль кладет ладонь на мою руку:

— Ничего. Мы будем осторожны. Меркури права. Роза очень талантливая. Ее туман обманывает даже Охотников. Но мы не будем рисковать. Если окажется, что входы в дом охраняют заклятия, мы не станем и пытаться. Тогда это будет невозможно, даже для Розы.

Роза добавляет:

— Но шайты не любят пользоваться ими, боятся повредить фейнам. Они ни за что не осмелятся убить даже взломщика-фейна. Это привлекло бы к ним слишком много внимания. Да и прибираться за фейнами не самая приятная работенка.

Я говорю:

— Значит, ты просто войдешь в дом, полный Охотников, возьмешь нож и выйдешь?

— Они меня не увидят, — отвечает Роза.

— Это слишком опасно, — говорю я Габриэлю.

— Ты становишься больше фейном, чем я, — возражает он. — Говорю тебе, мы будем осторожны.

Меркури снова смеется.

— Тогда я тоже пойду, — говорю я.

Меркури против:

— Нет. Ты останешься здесь.

Я ругаюсь, она смеется. Над крышей дома сверкает молния, шпильки разлетаются по всей комнате.

— А та девушка? — спрашивает Роза.

— Ах, да. Та девушка... — Меркури смотрит на Габриэля. — Как ты говоришь ее имя?

— Анна-Лиза. Анна-Лиза О'Брайен.

Я не сразу понимаю, что происходит, когда Габриэль называет ее имя. Бессмыслица какая-то. Зачем Анне-Лизе искать Меркури? Ей ведь не нужна ее помощь.

Габриэль спрашивает меня, в чем дело.

Я молчу, а он пристально смотрит на меня.

— Ты ее знаешь?

Я не знаю, что сказать.

— Это та девушка, которая тебе... нравится? —

И я вижу на его лице омерзение.

Я обращаюсь к Меркури:

— Мне надо ее увидеть. Она друг.

— Как мило. — Роза краснеет.

Меркури тоже пристально смотрит на меня, ее глаза бешено сверкают.

— Друг? Который является как раз накануне твоего дня рождения, когда Женева полна Охотников?

Потом она говорит Розе:

— За Фэйрборном пойдете завтра вечером. — Она встает и идет к двери, потом останавливается и говорит Габриэлю: — Присмотри за тем, чтобы Натан не встречался с этой девушкой. Пока. Мне надо о ней подумать.

Мне она говорит:

— Если пойдешь к ней, Габриэль поплатится за то, что не смог остановить тебя. — С этими словами Меркури уходит.

Роза переводит взгляд с Габриэля на меня и говорит, краснея:

— Путь истинной любви никогда не бывает гладок. — Она хихикает и берет за руку Габриэля. — Но я болею за команду Габриэля.

Габриэль вырывает у нее свою руку и смотрит на меня.

— Все время, что я был рядом с ней, я чувствовал: что-то тут не так. Она шпионка, Натан. Ее послал Совет.

Я качаю головой.

— Нет.

— Она пришла, чтобы схватить тебя, или шпионить за тобой, или убить тебя. Они используют ее против тебя.

— Ты ошибаешься.

— Правда? Она — Белая Ведьма. Чистокровная. Голову на отсечение даю, половина ее семьи — Охотники или члены Совета.

— Это не значит, что она такая же, как они.

— Нет, конечно. Она *другая*. — В его голосе звучит издевка. — И она считает, что ты не такой, как все, она тебя понимает, она знает, что ты вовсе не плохой, и ей наплевать, что твой отец — самый разыскиваемый Черный Колдун в истории, он ее не интересуется, ей нужен только ты. Она видит тебя настоящего. Такого, какой ты есть — доброго и нежного. Она встряхивает своими светлыми волосами и улыбается белозубой улыбкой и...

Но я его уже не слышу.

Я бегу. Бежать — вот все, что я могу, и я бегу до тех пор, пока есть силы. Сплю я в лесу, сплю плохо, несмотря на усталость. Большую часть дня я провожу в лесу: хожу, смотрю в небо. До моего дня рождения осталось всего пять дней, а у меня такое чувство, что все вышло из-под контроля. Анна-Лиза могла оказаться здесь лишь по одной причине: значит, у нее дома все стало совсем плохо. То есть совсем-совсем плохо, раз она рискнула прийти к Меркури. Но она здесь не ради Дарения, ведь ей исполнилось семнадцать в сентябре.

Под вечер я возвращаюсь в коттедж. Подготовка к похищению Фэйрборна из дома, полного Охотников, идет полным ходом.

Когда я появляюсь на пороге, Габриэль прерывает свое занятие — к моему удивлению, он чистит пистолет.

— Ты знаешь, как им пользоваться? — спрашиваю я. Ничего не могу поделать, голос у меня злой, хотя я твержу себе, что не надо злиться.

— Что же я, зря год прожил в Америке, что ли? — Он отвечает спокойно, в шутовском тоне.

— И что, ты застрелил кого-нибудь?

Он поднимает глаза от пистолета, смотрит на меня и молчит.

И я почти вижу в нем Черного Колдуна.

— Кого же?

Не сводя с меня глаз, он отвечает так тихо, что слышим только он и я:

— Шпиона.

— Стало быть, это твоя специальность. Выслеживание шпионов.

— Натан, не начинай. — Он продолжает заниматься пистолетом.

— Я давно знаю Анну-Лизу. Она не шпионка. Я ей верю.

— Таких-то они и выбирают.

— Значит, так? Значит, она ничего не может сделать, чтобы убедить тебя в обратном? Что бы она ни сделала, все будет казаться тебе подозрительным из-за того, кто она есть.

Он не отвечает, продолжает чистить пистолет.

— А если бы Меркури приказала тебе убить Анну-Лизу, ты сделал бы это?

Он по-прежнему не поднимает головы от пистолета, но чистить перестает.

— Сделал бы? — Я говорю спокойно, но мой голос дрожит.

Он качает головой, но, глядя мне в глаза, говорит:

— Если бы я знал, что она предает тебя, то застрелил бы ее, приказала бы мне Меркури или нет.

— Значит, ты не уверен?

— На сто процентов нет. Но, Натан, если я что-нибудь умею, так это понимать людей, а с ней что-то не так, говорю тебе.

— А что именно с ней не так, ты разглядеть не можешь, потому что с ней все нормально, просто ты не хочешь этого допустить. Она никогда не предаст меня. Потому что она хороший человек. Но ты не хочешь в это верить. Ты хочешь, чтобы

она была шпионкой! — Тут я понимаю, что ору и меня трясет от злости.

— Натан. Я знаю, тебе сейчас трудно. — Он подходит ко мне, обнимает меня. Я не обнимаю его в ответ, но и не бью.

Из спальни появляется Роза, видит нас и посылает мне воздушный поцелуй.

Я матерюсь на нее и ударяю кулаком по столу. Она хихикает, а я ухожу в угол и сажусь там.

Роза одета самым неподходящим образом, как всегда — в длинное серое облегающее фигуру платье с широкой юбкой, чем-то похожее на одеяния Меркури. Волосы у нее причесаны аккуратно, волосок к волоску, и уложены на затылке в сложный блестящий узел. Такое впечатление, будто она собралась на бал по поводу Хеллоуина, только обуться не успела. Она показывает Габриэлю свои украшенные черепами шпильки. Маленькие черные черепки нужны, чтобы открывать двери, маленькие красные — чтобы отпирать сейфы и другие сложные замки, а большой белый череп нужен... тут она заливается краской... чтобы убивать шайтов.

В комнату влетает Меркури. Она улыбается на свой лад.

— Прежде чем отправляться за Фэйрборном, Габриэль, приведи-ка нам подругу Натана.

Габриэль колеблется.

— Если ее послали для того, чтобы следить за нами, пусть лучше побудет у меня, отсюда она никого не сможет ни о чем предупредить.

И я понимаю, что ей правда нужна Анна-Лиза как дополнительное средство держать меня под контролем.

— Когда вы с Розой будете готовы, отправляйтесь и приведите ее сюда. Сделай это быстро, так, чтобы она ничего не успела предпринять.

Габриэль и Роза еще раз проговаривают свой план. Потом мы все молча ужинаем. Даже Роза выглядит серьезной.

На закате Габриэль поднимается на крышу и входит в проход.

Я жду, сидя на траве.

Долго ждать мне не приходится.

Появляются Габриэль и Анна-Лиза, они держатся за руки. Габриэль бросает ее руку так, словно она прокаженная. Анна-Лиза лежит на крыше ничком, с закрытыми глазами.

Габриэль зовет Розу, та появляется, подходит ко мне, целует меня в щеку, делает шаг на крышу, переступая через лежащую на ней Анну-Лизу, и попадает прямо в объятия Габриэля, но он смотрит только на меня. Я слышу, как Роза хихикает, когда они вместе уходят в проем.

АННА-ЛИЗА

Анна-Лиза и я сидим вместе. Рядом. Она всегда казалась мне как-то взрослее, чем я, но сейчас она выглядит совсем юной. У нее стало другое лицо, более вытянутое и похудевшее, но все такое же красивое. Она одета в джинсы, футболку и бледно-голубой джемпер, но ноги у нее босые.

Интересно, когда появится Меркури. Пока она дает мне время побыть с Анной-Лизой. Несомненно, у нее есть какой-то план поступить именно так.

Я беру ее руку в свою.

— Что случилось, Анна-Лиза?

Она моргает, слезы бегут по ее щекам.

— Я в такой беде, Натан.

Кончиками пальцев я вытираю ей слезы, почти не касаясь щек.

— После того как Киеран напал на тебя тогда, он пошел и рассказал обо всем отцу. Отец очень рассердился, но сказал, что не станет меня наказывать. Но мне придется заново завоевать их доверие. Делать все, как они скажут, до последней мелочи. Выбора у меня не было, и я старалась изо всех сил. Но им было этого мало, они все равно мне не доверяли. Если я выходила из дома, ме-

ня всегда сопровождал отец или один из братьев. Мне не разрешали видеться с подругами. Я была одинока, но это было еще терпимо. А потом, после моего Дарения, меня вызвали в Совет. Они расспрашивали меня о тебе. Там был мой дядя Сол. Он обращался со мной так, словно я была предательницей. Я не ответила на вопросы, которые они задавали. Сказала, что все забыла. Но мне было страшно. В тот день, когда я случайно увидела тебя в здании Совета, меня вызвали опять. Потом, как-то ночью, дядя приехал в наш дом, и я слышала, как он говорил моему отцу, что ты сбежал и меня вызовут на новый допрос. Я не знала, что делать, но понимала, что больше я этого не вынесу. Я подумала, что, если ты сбежал, то, может быть, и я смогу. И сбежала.

Она смотрит мне в глаза, и серебро в ее глазах медленно кружится.

— Я подумала, что, если я смогу найти тебя... Ну, что будет дальше, я даже не думала. Просто хотела тебя найти. Я всегда хотела тебя найти. А еще я слышала, что Меркури помогает и Белым Ведьмам, не бесплатно. А деньги у меня были, единственное, что у меня было, — это деньги. Поверить не могу, что я и в самом деле тебя нашла... что ты здесь, рядом.

Я опять вытираю ей слезы, на этот раз прикасаясь пальцами к ее щекам, ощущая гладкость ее кожи. Она пробует улыбнуться и тоже протягивает руку, чтобы убрать с моего лица волосы.

— Твои глаза точно такие, как я помню. Совсем не изменились. — Ее пальцы касаются моей ще-

ки, и я, не успев опомниться, поворачиваю голову и целую их, а потом прижимаю к губам ее руку и целую ладонь.

Пальцами другой руки она ласкает татуировку на моем запястье, потом подносит руку к моей шее и гладит татуировку там. Но ничего не спрашивает. А серебряные искры в ее глазах кружатся, переливаются, вспыхивают в свете луны, и та еще прибавляет им блеска.

Мы сидим рядом, а Меркури все нет.

— Я помогу тебе, Анна-Лиза. Только они думают, что ты шпионка. Они тебе не доверяют.

— Но ты мне веришь?

— Конечно. — И я обнимаю ее; она такая хрупкая и вся дрожит. — Я поговорю с Меркури... уговорю ее.

Анна-Лиза кивает.

— Придется нам ждать ее здесь, на крыше. С крыши нельзя сходить, пока не коснешься Меркури.

— А что будет?

— Габриэль говорил мне, что тогда впадешь в летаргический сон или что-то вроде.

— Габриэль мне не верит. Я ему не понравилась.

— Ты Белая Ведьма, а он Черный...

— Пайлот не захотела впустить меня в свой дом.

— Меркури более... практично мыслит.

Анна-Лиза кивает.

— Я слышала, как Пайлот говорила, что Клей в Женеве.

Тут над нами пролетает теплый ветерок.

Я жду, когда появится Меркури, но ее все нет. Похоже, она намекает, что не прочь узнать больше.

— Ты знаешь что-нибудь об особом ноже, который называется Фэйрборн? — спрашиваю ее я. — Думаю, он может быть у Клея.

Анна-Лиза хмурит брови.

— Да, я слышала, как мой отец говорил о нем с Киераном. Он имеет важное значение, только я не знаю какое. Его по очереди охраняют разные люди. И только те, кому особо доверяет Совет. В прошлом году он какое-то время был у моего отца. И у дяди был, и Клей тоже один из хранителей.

Анна-Лиза хватается меня за руку, ладонь у нее мокрая.

— Ты что, задумал его украсть, да? — Она поднимает голову и смотрит мне в лицо.

Я пожимаю плечами.

— Это же безумие. Там везде Охотники.

— Ну, если бы пришел кто-то... невидимый, к примеру, и вошел в штаб-квартиру Клея.

Анна-Лиза трясет головой.

— Здание охраняют заклятия от входа.

— Вроде того, что использовано здесь, на крыше?

— Да, Клей всегда использует заклятие, охраняющее вход в дом. Оно не убивает — просто отбивает память. Киеран рассказывал о фейне, который пытался вломиться в бункер одного Охотника: его потом нашли, он бродил кругами, без памяти, как пьяный. Охотники издевались над ним... смеялись...

— Все двери и окна охраняются этим заклятием?

— Нет, одна дверь свободна, ею пользуются Охотники; только в нее можно войти спокойно. Если пройти через другую дверь или попытаться влезть в окно, заклятие сработает.

Теплый ветерок целует мою щеку. Похоже, что Роза с этим разберется.

— Еще я слышала, как Киеран говорил Ниаллу и Коннору о других заклятиях Охотников. Входная дверь, та, которой все пользуются, обязательно имеет пароль. Прежде чем шагнуть на порог, надо сказать пароль, и тогда заклятие ненадолго приподнимется. Слова для входа и выхода бывают разные. Я не совсем уверена...

Ветерок становится прохладнее. Роза ничего не знает о пароле. Может быть, они поймут...

Ветер становится все сильнее и холоднее.

Я стою, когда появляется Меркури. Вид у нее недовольный. Ветер все усиливается, он прямо прижимает меня к скату крыши.

Анна-Лиза стоит на коленях, ветер треплет ей волосы.

— Анна-Лиза. Какое ты очаровательное дитя. — Голос Меркури холоден как лед. — Иди сюда, давай познакомимся с тобой поближе.

Меркури стоит на траве у крыши и протягивает Анне-Лизе руку. Анна-Лиза смотрит на меня, я пытаюсь двинуться в ее сторону, но ветер прижимает меня к крыше. Анна-Лиза встает и берет Меркури за пальцы. Но как только она делает шаг, налетает другой порыв ветра и толкает ее в сторону. Пальцы по-прежнему тянутся вперед, но Анна-Лиза не касается Меркури, и ветер валит ее на траву. А меня

он держит на крыше крепко, и, как я ни сопротивляюсь, как ни борюсь с ним, двинуться все же не могу, а потом становится слишком поздно.

Я не слышу, что говорит Меркури, потому что я кричу и в ушах у меня воет ветер. Анна-Лиза лежит на траве неподвижно, только ее грудь поднимается и опускается, а рот жадно хватается воздух, словно ей нечем дышать.

Меркури стоит над Анной-Лизой и наблюдает за ней. А я все кричу и кричу.

Грудь Анны-Лизы перестает подниматься и опускаться. Она лежит совершенно неподвижно. Ее глаза открыты, а я кричу на Меркури.

Меркури проводит ладонью по лицу Анны-Лизы сверху вниз, закрывая ей глаза.

Тело Анны-Лизы кажется таким бледным на темной земле.

Беспощадный ветер молотит меня, а я посылаю проклятия Меркури.

Ее голос вплетается в ветер, бьющий меня в лицо.

— Ты должен предупредить Розу и Габриэля о пароле. Еще есть время им помочь.

— А как же Анна-Лиза? — кричу я, показывая на ее тело.

— Она спит. Не мертвая. Возвращайся невредимым, и ты сможешь ее разбудить.

Она жива. Жива. Габриэль говорил, что это как летаргический сон.

— Если она умрет, Меркури...

— Довольно. Иди.

ФЭЙРБОРН

Меркури осталась такой же прагматичной, как всегда. Она начертила карту, чтобы помочь мне найти дом Клея. Я слышал, как они обсуждали план, и теперь знаю, что дом в часе ходьбы от квартиры. Это расстояние я пробегаю за двадцать минут. Если предположить, что Габриэль и Роза не мешкали в дороге, то они обогнали меня больше чем на час, но сейчас они должны еще следить за домом, ждать, когда все стихнет.

Мне надо сосредоточиться и думать только о них, потому что, если я этого не сделаю, то тело Анны-Лизы, лежащее на траве, так и будет стоять у меня перед глазами; она выглядела совсем не живой, ее грудь не дышала, глаза были открыты.

Я почти на месте. Надо сосредоточиться.

Дом стоит в тихом пригороде, на боковой улице, среди других больших домов, окруженных просторными участками. Сразу за домом начинается поросший лесом холм. Я осматриваю дорогу вокруг дома и лес за ним.

На краю леса кто-то есть. Стоит ко мне спиной. Наблюдает за домом.

Мгновенно я вспоминаю все, чему научила меня Селия. Это просто вторая натура, как чтение для Габриэля. Крадучись, я подбираюсь к нему с ножом в руке. Человек только начинает оборачиваться, когда я делаю последний шаг, хватаю его и приставляю ему к горлу нож. Поэзия в движении.

Тело Габриэля плотно прижато к моему. Клинок моего ножа холодит ему кожу.

— Плохо, — шепчу я ему в ухо.

— Натан? Ты что здесь делаешь?

— Где Роза?

— Наблюдает за входом. В чем дело?

— Меня послала Меркури. Мне надо сказать Розе кое-что о заклятиях на доме. Кое-что полезное, мне рассказала Анна-Лиза.

Он молчит, так что я отпускаю его и отталкиваю от себя.

— Что она тебе рассказала?

Я говорю, он кивает.

— Тогда давай скажем это Розе.

Осторожно мы подкрадываемся к главному входу. Еще рано, нет и полуночи. Роза стоит в саду дома напротив. Она не хихикает, когда я объясняю ей, в чем дело, но и бросать затею не хочет. Считает, что у нее все получится. Все Охотники входят в дом и выходят из него через одну дверь. Она пристроится за тем, кто пойдет следующим, и подслушает пароль.

И вот я снова позади дома, стою на опушке, прислонившись спиной к стволу самого крайне-

го дерева. Изгороди между домом и лесом нет, есть лишь лужайка коротко стриженной травы, которая доходит до самого края леса и там обрывается.

Роза и Габриэль остались у входа.

Дом разделен на две квартиры: в верхней, на втором и третьем этажах, живут несколько Охотников; нижнюю занимает Клей. Насколько я могу разобрать, в задней части дома у Клея кабинет и спальня. Я вижу, как Охотники ходят по квартире наверху; покидая дом и возвращаясь обратно, они никогда не пользуются черным ходом, да и окнами тоже, если уж на то пошло.

Погода теплая, но облачная, начинается мелкий дождик.

Я спрашивал у Розы, что делать, если что-то пойдет не так.

Она улыбнулась.

— Спасайся, если сможешь. Беги. Если бежать будет некуда, убивай. Они всегда убивали твоих предков, и они не отступят ни перед чем, чтобы убить тебя, Натан. Так что убей их всех. — Она поцеловала меня в щеку и сладеньким голоском добавила: — А когда перебьешь их всех, то и бежать будет не нужно.

Я не хочу никого убивать. Если у меня будет только один выбор — убить или быть убитым, — то драться я, конечно, буду, но постараюсь не убивать. Хотя, с другой стороны, если бы это был Клей или Киеран...

О чем это я думал?

Рядом со мной появляется Роза. Она прошла сквозь сад, прикрываясь своим туманом, используя свой Дар. Потом она исчезает, как дымка под лучами солнца, и также тает моя память о ней. На нее можно смотреть и совсем о ней не помнить. Странная штука... морок какой-то. Но если она коснется тебя и ты ощутишь своей кожей ее кожу, вот тогда морок уйдет, и она снова станет видимой. Но только пока соприкосновение не прервано. Из-за этого с ней тяжело работать — не будешь же все время держать ее за руку. Габриэль говорит, что лучший способ работать с ней — это не смотреть на нее совсем, а просто знать, что и где она будет делать, тогда ее туман не задурит тебе голову.

Роза спрашивает:

— Сколько там Охотников внутри?

— Четверо наверху. — Но никого одной комплекции со здоровяком Киераном. — Клей, кажется, у себя в кабинете.

— Подожду, пока он ляжет спать, потом обойду дом и войду через парадный вход. Я подслушала пароль. Красный дождь.

Мило!

— Кстати, по-моему, там есть погреб, — говорю я ей. — Слева от дома решетка в земле. Какое-то время назад из нее пробивался свет. Наверное, Клей спускался туда.

— Хорошее место для хранения оружия.

— Может быть. Я бы на месте Клея... — Что бы я сделал?.. Держал бы Фэйрборн при себе. Но ведь ему надо где-то хранить запас оружия для

своей армии: пистолеты, пули, что там еще. Так что, возможно...

— Что-нибудь еще?

— Если я буду стоять здесь, то как я узнаю, что ты уже вышла?

— А ты не стой здесь. Как только увидишь, что я вошла, обойди дом и жди там со своим бой-френдом.

— Знаешь, как ты меня бесишь, Роза?

Она тихонько хихикает.

Я толкаю ее локтем в бок и кивком показываю на дом. Свет в кабинете погас. Через несколько секунд загорается свет в подвале.

— Он что, оставляет там оружие на ночь? — спрашивает Роза.

Но я знаю правильный ответ.

— Нет. Он Охотник. Он всегда спит с пистолетом.

— Наверное, кладет себе под подушку.

— У меня такое чувство, что он спит в ботинках и с Фэйрборном под мышкой.

— Сложные задачи мне по вкусу.

Свет в погребке гаснет, в спальне зажигается. Тень на занавеске. Две тени. Клей и его подружка ходят по комнате, встречаются, целуются, расходятся, тень Клея исчезает. В кабинете снова включается свет.

— А я-то думала, сейчас будет романтическая сцена, — говорит Роза.

Я смотрю на тень в спальне Клея, слежу за каждым ее движением, которые кажутся мне очень знакомыми.

Проходит много времени, наконец, свет в кабинете гаснет. Клей возвращается в спальню, и там тоже становится темно.

— Встретимся на той стороне, — говорит Роза и вприпрыжку пускается по саду, несколько не скрываясь. Ее покрывает туман, и я уже не уверен, видел я ее или мне только показалось. Я говорю себе, что она пошла к главному входу и сейчас входит в дом.

Я ухожу дальше в лес, чтобы описать широкий круг и подойти к главному входу, пройдя между двумя домами дальше по улице. Иду я медленно. Спешить некуда, хотя вообще-то я не знаю, сколько времени понадобится Розе. Просто я не хочу сделать какую-нибудь глупую ошибку. Кажется, рядом с домом Охотники расслабляются. По крайней мере, они становятся не столь бдительными, так как не могут и представить, чтобы кто-нибудь, а тем более ведьма, попытался пробраться внутрь.

Габриэль ждет в саду дома напротив. Он ничего не говорит, но бросает на меня взгляд, когда я появляюсь рядом. Он наблюдает за домом Клея. Я — за тем, что творится позади нас.

Ничего не происходит.

Ни машин, ни Охотников, никто не входит и не выходит. Времени, наверное, часа два утра.

Тут Габриэль толкает меня локтем в бок. Я поворачиваюсь и вижу, как открывается парадная дверь и двое Охотников выходят из дома. У меня

тут же начинает мутиться в голове, и я не могу понять, что происходит, но командую себе не смотреть туда, а вместо этого начинаю изучать профиль Габриэля, а он поворачивается ко мне, улыбается и шепчет:

— Роза с ними.

Я киваю. Розе удалось войти и выйти никем не замеченной. Но мое сердце ухает, как молот. Нашла ли она Фэйрборн?

— Пошли.

Но не успеваем мы сделать и шага, как со стороны дома доносится крик. Точнее, изнутри дома. Слова я разобрать не могу, но думаю, что это Клей. А потом я слышу:

— Найти того, кто это сделал, — немедленно!

Пригнувшись как можно ниже, мы бежим через сад к дому и перемахиваем через изгородь.

Габриэль бежит к углу.

— Я сказал, что буду ждать ее там.

Я смотрю назад, не преследуют ли нас, а Габриэль заглядывает из-за угла в переулок между домами.

Я слышу тихий смех и оборачиваюсь.

Роза стоит, прислонившись к Габриэлю. Оба улыбаются. Довольные, как ребяташки, которые только что стащили сласти из магазина. Роза показывает мне длинный нож. Черная рукоять, черные ножны.

— Легко и просто, с таким талантом, — говорит Габриэль Розе. — Но, кажется, Клей заметил пропавшего Фэйрборна...

— Пошли, — говорю я и сворачиваю в переулок.

Мы срываемся с места, и тут на дороге впереди нас появляется Охотница. Похоже, она удивлена не меньше нашего. Она останавливается, не сразу решает, что делать дальше, но потом кричит:

— Они здесь!

Я нахожусь ближе к ней, чем остальные, и в этот миг я ее нагоняю. Она вынимает из кобуры пистолет, нас разделяют три больших шага. Она поднимает пистолет, когда я прыгаю на нее, одной рукой хватая ее за горло, другой — за пистолет. Я слышу выстрел, падаю на нее, и мы вместе валимся на землю, как в замедленной съемке, но моя рука сжимает ее горло, а она смотрит на меня. Она совсем молоденькая, чуть старше меня, блестящие в ее глазах мечутся от страха, и тут я слышу «кр-рэк» — это трещит ее череп, и тут же искры в ее глазах потухают.

Я сижу на ней верхом.

Ее голова лежит на металлической решетке, по ней течет кровь. Вставая, я вижу, что ее голова наклонена под странным углом. Я хочу верить, что она умерла от удара о железную решетку, но моя рука сжимала ее горло, и вот у нее сломана шея, а я все не могу поверить — она же такая молодая, как это я убил ее? У меня болит бок.

Тут раздается выстрел, потом еще и еще. Я падаю на четвереньки, поворачиваюсь и вижу Ро-

зу — она лежит на животе, а Габриэль стоит рядом с ней на коленях и целится в тело другой Охотницы, которая лежит на земле дальше по переулку. Никто не двигается.

Роза лежит очень тихо. Так же тихо, как та Охотница рядом со мной.

Габриэль наклоняется и берет Фэйрборн из рук Розы. Ему приходится разгибать ее пальцы, а потом он кладет ее руку на землю, а я уже стою рядом с ним. Голова Розы повернута в сторону, искры в ее глазах погасли, спина вся в крови.

Габриэль хватает меня за руку, и мы бежим за угол, раздаются еще выстрелы. Впереди еще одна Охотница, Габриэль стреляет в нее, мы сворачиваем в какой-то сад, перелезаем через забор, и тут мне приходится остановиться.

Я убил женщину. Я не хотел, но у нее сломана шея, и Роза тоже мертва, и меня начинает трясти. Мои руки в крови — это кровь той девушки, я вытираю их о себя, но кровь появляется снова. Много крови.

Габриэль говорит:

— О нет, Натан.

Я смотрю ему в лицо, а он смотрит на мой живот, поднимает на мне рубашку, и колени у меня становятся как желе.

— Черт, Натан.

Я смотрю вниз. Моя футболка в крови.

— Я в порядке. — Я произношу эти слова, не думая о том, что я говорю. На самом деле я не в порядке.

— Я заживлюсь, — говорю я. Вызываю зуд и выпрямляюсь. Перевожу дыхание. Успокаиваюсь. — Я в порядке.

Она прострелила мне левый бок, низ грудной клетки.

— Со мной все будет хорошо. — Мои руки дрожат. Почему-то полностью исцелиться не получается.

— Уверен? — Габриэль явно встревожен.

— Да. Пошли.

И мы бежим, минут пять у меня все в порядке, но потом боль в грудной клетке возвращается снова. Я исцеляюсь, боль возвращается, на этот раз она становится еще хуже. Это ненормально. Приходится мне остановиться.

Габриэль говорит:

— Это пуля Охотницы, не фейна. Она еще в тебе?

— Наверное.

— Надо ее вытащить. Она наверняка магическая, отравленная.

— Нет времени. Я пока залечусь. Вытащим, когда вернемся к Меркури.

— Плохо, Натан.

— Я в порядке. В данный момент меня больше волнует, как бы не получить пулю в спину.

И я иду дальше, но сам чувствую, что очень медленно. Я стараюсь не отстать от Габриэля. Но это не я догоняю его, а он притормаживает. Мы сворачиваем за угол, навстречу нам джип. Из него выскакивает Охотник, стреляет, Габриэль стреляет

в него, и мы бежим, но я отстаю. Наверное, Габриэль попал в того Охотника, иначе он уже поймал бы меня.

Мы пробираемся еще через какие-то сады, чтобы выйти в переулок. Габриэль ждет, потом помогает мне перелезть через высокую изгородь.

Он спрыгивает и оказывается рядом со мной, а я прислоняюсь к изгороди.

Он тихо говорит.

— Натан, ты не сможешь бежать быстро. Они поймают тебя, если ты попытаешься. Я отвлеку Охотников, пусть погоняются за мной, а ты пока иди назад, к прорехе. Но будь осторожен. Не рискуй. Не жди меня в квартире. Сразу прыгай в проем и иди к Меркури.

Я знаю, что он прав: Охотников мне не обогнать, но у меня плохое предчувствие. Я вспоминаю слова Розы о том, что Габриэль что угодно отдал бы за шанс спасти меня. Но отвлекать на себя Охотников, да еще так много, — это самоубийство.

Я трясую головой.

Он говорит:

— Другого выхода нет, — и дает мне Фэйрборн. С ножен свисает ременная петля, которую он надевает мне на шею.

— Габриэль. Это опасно.

— Я буду осторожен.

— Ты не знаешь, как быть осторожным.

Он улыбается, потом целует меня в щеку и говорит какие-то слова, и хотя они на французском, я понимаю, о чем он, и притягиваю его к себе.

Он говорит:

— Сколько дней до твоего Дарения?

— Четыре. Ты же знаешь.

— Я приду.

Тут он перебирается через изгородь и исчезает.

Я долго жду, прежде чем отваживаюсь выйти.

Я слышу хлопок — то ли выстрел, то ли машина, — он далеко, мне не разобрать. Хотя вообще-то я знаю, что никакая это не машина. А потом раздается полицейская сирена. Охотникам это не понравится. Они тоже далеко, но их много.

Надо пробираться назад, к квартире.

НАЗАД К МЕРКУРИ

Я не знаю, где я. Не могу даже найти озеро. Перед глазами все время лежащая на земле Роза, в руках ощущение сломанной шеи той Охотницы, ее теплой крови, и чувство, что этого не должно было быть. Наш план был вовсе не план — чистое безумие. И я уже давно должен был оказаться в квартире.

Я опять стою на коленях на мокром булыжнике. У меня то и дело подгибаются колени.

Я отдыхаю, прислонившись лбом к мокрому камню, и пробую исцелиться, но толку нет, зуд не приходит. Похоже, что мои силы кончились.

Уже светло, но еще рано. Тихо. Людей нет. Дождь перестал.

Я встаю. Мне нужен сахар. Прежде всего надо поесть и попить — тогда я смогу исцелиться, в голове прояснится, и я смогу найти квартиру и Габриэля.

На улице какой-то человек поднимает металлические жалюзи небольшого табачного магазинчика. Он входит внутрь, я за ним, иду по пятам до

тех пор, пока он не оказывается прижатым к стене. Я не знаю ни слова по-французски, поэтому говорю по-английски, зажимая ему ладонью рот, чтобы он не поднимал шум. Он смотрит мне прямо в глаза, и я вижу, что он понял. Мне некогда его связывать. Селия говорила мне, что в настоящем деле все не так, как на тренировке. Она учила меня контролировать дыхание. Думать о том, что я делаю. Делать это как следует. Я вырубая его одним ударом. Как следует.

Потом я стою у холодильника и пью энергетический напиток. Второй. Становится лучше. Получается залечиться.

Я хватаю потрепанный рюкзачок хозяина магазина и набиваю его жестяными банками с напитками и сладкими батончиками.

Теперь надо найти квартиру. Я иду по улице вниз, по направлению к озеру. Найду озеро, найду и квартиру. Колени больше не подгибаются.

Наконец я выхожу на угол нашей улицы. Дом прямо напротив. Вокруг никого нет, но все же что-то не так.

С моей стороны у обочины дороги припаркована какая-то синяя машина и еще одна, красная и ржавая — ее я видел раньше. Слева, недалеко от входа в квартиру, стоит фургон. Кажется, я уже видел его, но где? Это не фургон Охотников... так чего я мешкаю? Ничего необычного в нем нет. Если я побегу, то через минуту окажусь в квартире, через две — у Меркури. Но что-то все-таки изменилось.

Я стою в дверном проеме, довольно далеко от входа. Дождь начался снова. Издалека доносится шум машин.

Я жду.

Ничего не происходит. Совсем ничего. Это-то меня и убивает. Габриэль не пришел, Роза убита, а у той девушки такая тонкая шея. О том, что Габриэля схватили, и особенно о том, что с ним сделают, я не могу думать. Просто не могу.

Дождь усиливается.

По улице едет машина.

Женщина выходит из подъезда одного из домов, раскрывает зонт и, цокая каблуками, спешит прочь.

Я вспотел. На улице тепло, дождь продолжает идти. У меня за спиной, по соседней улице, едет автомобиль. И вдруг я вижу... какое-то движение, тень в подъезде соседнего с нашим дома.

Все тут же становится, как было, но не совсем, ведь теперь я знаю, в чем дело. Я знаю, что это за тень. Я вижу, что это Охотница, вот она опять застыла на месте, пистолет наготове. У нее в кармане мобильный, он гудит — тихо, но вполне ощутимо. Это-то я и чувствовал.

Поделаться ничего нельзя, остается только надеяться. Может быть, они загнали Габриэля сюда, и у него не было другого выхода, кроме как нырнуть в проход с Охотниками на хвосте. Пройти за ним они вряд ли могли бы, для этого надо точно знать, где именно расположен проход, но даже если и прошли, то Меркури разделяется с ними по

одному, пока они сидят на крыше. А это значит, что Габриэль сидит сейчас в коттедже и не может высунуть нос, чтобы предупредить меня.

Но он же сказал, что уведет их.

А как иначе они могли узнать о квартире?

Если его поймали и пытали... как скоро он мог им все рассказать?

В дальнем конце улицы показывается машина, она мчится на полной скорости. Черный джип, я видел его у дома Охотников. Клей останавливает джип посреди дороги и выходит. Вид у него недвольный. Он подходит сначала к Охотнице в засаде, потом направляется к нашему подъезду, входит внутрь. Охотница садится в его джип, резко разворачивает его и отгоняет подальше. Минуту спустя она уже на месте. На улице опять тихо.

Надо уходить.

Но я весь в крови; фейны остановят меня, если увидят.

Надо найти место, где можно отдохнуть и привести себя в порядок.

Я иду уже минут двадцать, как вдруг вижу ее. Она стоит в конце проулка, ее частично загораживает фургон, но я сразу узнаю ее, даже с такого расстояния. Я понимаю, что лучше всего пройти мимо, но Роза, и Габриэль, и еще много всякого мешают мне поступить разумно. Не знаю, где ее партнер, но мне с ней долго делать нечего.

Залечившись, я крадучись приближаюсь к ней, вытаскивая по пути Фэйрборн из ножен.

И в ту же минуту все меняется.

Фэйрборн как будто оживает у меня в руке. Он — часть меня, но и я тоже часть его.

Я хватаю Охотницу сзади и разворачиваю ее к себе лицом, Фэйрборн оказывается у ее горла.

— Кого-то потеряла? — спрашиваю я.

Она моргает. Даже теперь ее воротит от моего прикосновения, но она быстро справляется с этим сюрпризом и начинает превращаться в здорового мужика. Но я, ее младший братишка, готов к таким трюкам, готов и Фэйрборн. Мы наносим Джессике удар в плечо, и ее наполовину трансформировавшееся тело отбрасывает к стене. Мы ударяем ее в другое плечо, она кричит. Если ее напарница где-то рядом, то времени у меня меньше минуты.

Джессика уже полностью превратилась, но ее раненные руки бесполезны, а у меня есть силы и Фэйрборн, чтобы удержать ее у стены.

Джессика снова превращается, на этот раз в Аррана.

Голос Аррана молит:

— Пожалуйста, не делай мне больно, Натан. Я знаю, ты не хочешь причинить мне боль.

— Заткнись.

— Я знаю, ты хороший. Всегда это знал. Пожалуйста. Отпусти меня.

Я знаю, что мне надо бежать. Но видеть Аррана так приятно. Мне хочется просто посмотреть на него. Но это не Арран; это Джессика, а она злая ведьма. Я приставляю кончик ножа к глазу Аррана. Фэйрборн хочет выколоть его.

— Натан, пожалуйста. Ты же хороший человек.

Я знаю, что выколоть ей глаз — хорошая мысль. Ведь тогда она не сможет скрыть этого, превращаясь. Но я не могу. Не хочу. Не Аррану, хотя я и знаю, что это не он, твержу себе, это же Джессика, но я и с ней этого не хочу... а Фэйрборн хочет резать...

Я весь дрожу, пытаюсь затолкать нож обратно в ножны. И тут Джессика отталкивает меня — не сильно, но этого довольно: я поднимаю нож, и он как будто перечеркивает ей лицо наискось.

* * *

Я забираюсь в какой-то дом в пригороде. Он пуст, сигнализации нет. Наверное, хозяева ушли на работу. Я принимаю душ. Меня продолжает бить дрожь, я весь трясусь.

Мое пулевое ранение выглядит как маленькая круглая дырочка, но стоит мне коснуться тела поблизости от нее, как меня пронзает такая боль, что я, кажется, вот-вот упаду в обморок. Мне даже не хочется пытаться извлечь пулю. Кроме того, батончики и энергетические напитки работают нормально.

Раздумывая, как мне добраться до Меркури, я съедаю здоровую миску хлопьев, закусываю бананом, потом вторым. Слабое представление о том, где может быть ее коттедж, у меня есть. Габриэль сказал как-то, что иногда ездит туда на поезде или даже ходит пешком. Охотники наверняка пасутся на вокзале и следят за всеми автотрассами, но, мо-

жет быть, мне удастся проскочить в автобус. Тогда я уеду на нем из Женева, а где-нибудь дальше пересяду на поезд. До моего дня рождения осталось четыре дня. Осторожность важнее скорости.

Мне нужна карта.

В доме есть компьютер, но я понятия не имею, как им пользоваться. В ящиках стола я нахожу карту Швейцарии, но мне нужна другая карта для туристов, чтобы найти долину Меркури. Придется купить. Хорошо хоть, что в рюкзаке того лавочника оказался его кошелек и мелочь для кассы. Обычно я не беру денег у таких, как он, просто я не знал, что кошелек в рюкзаке, это исключение.

Перед выходом я смотрю на себя в зеркало. В доме, должно быть, живут немолодые люди. Его одежда мне великовата. Темных очков я не нахожу, поэтому надеваю его красную бейсболку с белым крестом на голову, а шею обматываю шарфом. Перчатки! Я нахожу пару кожаных и отрезаю у них пальцы.

Меня так и подмывает бросить Фэйрборн здесь. Я не хочу, чтобы его получила Меркури, я не хочу, чтобы он вернулся к Охотникам, но и мне он не нужен. Можно было бы засунуть его куда-нибудь в буфет — он бы и сгинул здесь навеки. Но я беру его с собой.

Лучше я его где-нибудь закопаю. Нельзя отдавать его Меркури, нельзя, чтобы она знала, что он у меня. А у нее Анна-Лиза. Так, по одной проблеме за раз. Сначала выйти из дома. Найти место,

где спрятать нож. Вернуться к Меркури. Получить три подарка.

Я направляюсь к большой улице, где есть автобусная остановка.

Идея с автобусом сработала. Он остановился на вокзале какого-то городка в полчасе езды от Женевы. В альпинистском магазине рядом со станцией я купил карту. Карта просто замечательная. В Швейцарии полно долин, но долина Меркури уникальна — в ней есть ледник, а деревни вытянулись с востока на запад вдоль реки, как бусины на нитке, так что найти ее на карте совсем просто. Поезд довезет меня туда, потом я опять пересажусь на автобус, потом пройду пешком, но у Меркури буду сегодня поздно вечером. Я покупаю полный рюкзак батончиков, энергетических напитков и сухофруктов и сажусь в поезд. Народу много. Я нахожу свободное место, сажусь и пригибаю голову. Черт! Черт! Черт!

По платформе идет Охотница. Она заглядывает в окна состава. Проходит. Я выхожу. Спокойно.

Утро раннее, еще темно. Я где-то в лесу. Та Охотница меня, должно быть, не увидела, иначе я был бы уже в тюрьме или на том свете. В таком состоянии мне от них не убежать. Я не могу бегать. Я весь в поту, меня бьет дрожь, лихорадит, бок опух. На ребрах выросла опухоль величиной с яйцо. Хорошо хоть энергетические напитки еще не кончились. Возвращаться на станцию нельзя,

рискованно. Можно было бы остановить попутку, но, если я простою на обочине дороге дольше десяти минут, меня снимут Охотники. Да и вообще, в машину я залезть не могу, там я буду как в ловушке. Кроме того, у меня есть карта. Я знаю, куда мне идти, и у меня есть время. Дорога до Меркури займет два дня, а до моего дня рождения осталось три. Я успею. Я вернусь к Меркури, получу мои три подарка и как-нибудь помогу Анне-Лизе.

Светает. Я уже много прошел. Иду ровно. Стараюсь держаться лесочков вдоль дороги. Теперь можно отдохнуть. У меня все болит, как у старика. Но пару часов отдыха я могу себе позволить.

Уже сумерки. Прошел целый день, я его проспал. Зато теперь, ночью, выспавшись, я буду чувствовать себя лучше. Энергетических напитков осталось всего два, но я надеюсь, что смогу купить еще. Среди деревьев я чувствую себя свободно. Здесь можно менять шаг: пять деревьев я прохожу быстро, еще пять — медленно. Опухоль размером с яйцо превратилась в опухоль размером с кулак.

Светает, я больше не могу идти.

Отдохну немного. Только не засыпать.

Черт! Который час? Полдень, наверное. В сон так и клонит. Но надо идти.

Продолжаю идти. Кружится голова.

Вот и деревня. Покупаю напитки. Мне нужен сахар.

А еще мне надо узнать, какой сегодня день.

Какой сегодня день?

Странное чувство... голова кружится...

Я снова в лесу. Иду ровным шагом. Сахар помог. Мой день рождения послезавтра.

Или нет? Я же проверял. А может, нет? Кто-то проверял.

Или я все выдумал? Нет, я же пил. И проверял. Я видел газету. Да, верно. Снова забыл. Хороший сегодня день для прогулки. Солнечный. Иду, правда, немного медленно. Зато солнышко.

Если я буду идти весь день и всю ночь, то приду к Меркури еще до моего дня рождения. Кажется, так. Надо только продолжать идти. Какое сегодня число? Я мокрый. Потный. Опухоль не рассосалась. Грудь болит. Все тело болит. Не трогай, просто иди. Я иду медленно, зато светит солнышко. Солнышко. Солнышко. Солнышко.

Что это там? Кто-то стоит впереди за деревьями. Я кого-то видел. Кто это? Какая-то девушка.

Солнечный свет. Длинные светлые волосы. Бежит, словно газель.

— Анна-Лиза! Подожди!

Я перехожу на бег, но почти сразу останавливаюсь.

— Анна-Лиза!

Прислониться к дереву, передохнуть минутку. Анна-Лиза убежала. Я съезжаю по стволу на землю. Ну почему она не возвращается?

— Анна-Лиза!

За стволом дерева кто-то хихикает. Роза?

Я ползу туда, чтобы проверить, и там действительно оказывается Роза: она лежит на земле и хихикает, но тут я понимаю, что она не может хихикать, ведь она мертвая, и поднимаю ей голову, чтобы посмотреть, хотя сам знаю, что делать этого не нужно. Но я делаю, я уже не могу остановиться, и она тут же превращается в Охотницу, ее кровь на моих руках, мои пальцы сжимают ее сломанную шею.

Я просыпаюсь, тяжело дыша. Я весь в поту. Снова дрожь.

Темно. Надо идти. Я слишком долго спал. Я встаю, ноги у меня подгибаются.

Уже светло. Солнце светит через деревья. Я снова слышу, как хихикает Роза.

— Роза?

Она выглядывает из-за дерева и говорит:

— С днем рождения завтра, Натан.

У меня завтра день рождения?

Эй, люди, завтра мне исполняется семнадцать лет!

Но где все?

Где Габриэль?

— Роза, где Габриэль?

Она даже не хихикает.

Вокруг снова тихо.

А где я?

Карта! Где моя карта?

И напитки у меня тоже были или нет?

Зато у меня есть Фэйрборн. У меня же есть Фэйрборн.

И ручей. Не нужны мне никакие напитки. У меня есть ручей. Хорошее место для отдыха. Хорошее.

Давай-ка глянем на опухоль.

Ничего хорошего.

Желтая, очень желтая, с маленьким круглым шрамом и множеством красных прожилок.

Ничего хорошего. Ничего хорошего. Если я к ней притронусь...

Ч-че-ерт!

Роза вернулась. Танцует вокруг меня. Нагибается ко мне. Смотрит на опухоль.

— Бе-е! Надо ее срочно вырезать.

— Где Габриэль?

Она краснеет, но не отвечает, а я ору:

— Где Габриэль? — Молчание.

Темнеет.

Я смотрю на опухоль. Кажется, она стала еще больше. Скоро я весь превращусь в одну большую опухоль. Какой сегодня день? Я не могу думать. Не могу.

— Роза, какой сегодня день?

Никто не отвечает. Тут я вспоминаю, что Роза умерла. В опухоли полно яда... Габриэль говорил, что пуля отравленная... она отравляет меня... ее надо убрать. Просто взять и отрезать.

Я беру Фэйрборн в руки. Он хочет это сделать.

Светло. Я лежу на земле у ручья. Мне больно, но не так, как раньше. Вскрыл ли я опухоль?

Не помню.

Я опускаю глаза: моя рубашка расстегнута и вся пропитана кровью и еще какой-то желтой гадостью. Желтой гадости много. Зато опухоли нет.

Вода в ручье вкусная, и мне становится лучше. В голове проясняется. Я выпил много воды, целый ручей. Рана выглядит не так плохо, когда я вымываю остатки желтой дряни. Небольшая припухлость, правда, есть, но это ничего. Тело уже так не ломит. Яд вышел, но пуля еще внутри, так что, быть может, немного опухать еще будет. Но худшее, наверное, позади, раз я так хорошо себя чувствую.

Я не знаю, какой сегодня день, но, кажется, как раз мой день рождения.

Наверное. Мне семнадцать лет.

МНЕ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ!

И я хорошо себя чувствую. Я дойду. Даже без карты. Я уже узнаю горы.

Я начинаю идти, и тут понимаю, что у меня нет Фэйрборна. Нож, который мне подарил Габриэль, есть, а Фэйрборна нет.

Я бегом возвращаюсь к ручью, за ним.

Вот здесь я вскрыл себе опухоль. Вот вытекший гной. Фэйрборн должен быть здесь. Я же вскрывал себя Фэйрборном. Я был у ручья, я ткнул в себя Фэйрборном... а когда очнулся, его не было.

На поиски нет времени. Надо идти к Меркури. А про Фэйрборн забыть. Он мне все равно не нужен. Если идти с хорошей скоростью, я доберусь до Меркури, когда стемнеет.

Снова начинается дождь, мелкий и затяжной, холодает. Я иду по долине вверх, под ногами у меня дорога. По дороге идти быстрее, а мне сейчас нужна скорость. Лишь несколько машин проезжают мимо, их фары ослепляют меня, но я упорно держусь дороги и прохожу три деревни подряд, а потом начинаю лезть в гору. Я хорошо знаю тропу, но идти по ней тяжело, она намокла и стала скользкой. И все равно, меньше чем через полчаса я буду на месте.

У меня болят ребра, но не так сильно, как раньше. Я не лечусь. Может, от этого только хуже. Не знаю, но ничего, справлюсь. Скоро я буду на месте. Получу мои три подарка и помогу Анне-Лизе.

Я поднимаюсь все выше, а дождь становится все холоднее и, наконец, превращается в снег. Снег валит густыми хлопьями. Они огромные и, кажется, падают медленно, как парашюты. Конечно, я сейчас высоко в горах, но даже здесь что-то холодновато для июня. Снег толстым слоем лежит на земле, мне по колено, он мешает идти, но не очень: снег сухой и рыхлый, так что я не перебегаю через него, а просто раздвигаю на ходу ногами. Я оглядываюсь, чтобы посмотреть на свой след, но его почти не видно: снег такой легкий, что осыпается, когда я прохожу, и поверхность оказывается почти ровной. Я все время думаю, что вот-вот дойду до коттеджа, но огней впереди нет, только сзади.

Я поравнялся с расколотым древесным стволом: он неровный, из него торчат длинные щепки,

на них даже осел снег. Отсюда уже должен быть виден свет.

Я прибавляю шагу, но последние двадцать метров торможу. В коттедже темно, я иду вдоль боковой стены и сворачиваю к входной двери. Когда я уже стою на пороге, внизу, в левой части долины, что-то ярко вспыхивает. Позже доносится звук. Это выстрел. Еще один. За вспышкой следует гром. Это Меркури сражается с Охотниками.

Наверное, Охотники все же нашли проем, по если бы они пришли через него, то не смогли бы слезть с крыши. Значит, они вычислили долину, где стоит дом; такое им вполне по силам. А потом просто приехали сюда. Ненамного меня обогнали, судя по всему. И тут меня осеняет: а что, если они схватили Габриэля, пытали его и это он выдал им, где долина...

Не могу об этом думать. Надо найти Меркури. Надо идти на выстрелы. Она должна быть там. Вдруг в долине подо мной формируется облако и, клубясь, поднимается к леднику. Из него вылетает молния. Это она.

Но сначала я должен посмотреть, здесь ли Анна-Лиза. Не знаю, сколько у меня осталось времени. Не много.

В коттедже все аккуратно прибрано. Мои вещи лежат, как я их оставил. То же с вещами Габриэля. Значит, он не возвращался.

Я проверяю спальни.

Не знаю, на что я надеялся, но я думал, что Анна-Лиза, по крайней мере, будет здесь. Ее нет.

Меркури, должно быть, перенесла ее к себе в замок, а где он, я не знаю. И что, она все спит? Может быть, Меркури ее разбудила... Хотя нет, зачем ей.

Я надеваю куртку и смотрю на часы в кухне. Если поднапрячься, я могу сказать, который час.

Оказывается, времени больше, чем я думал. До полуночи всего минут десять. Кажется, так.

Или даже меньше. Но если я побегу, то еще успею к Меркури.

Я выскакиваю наружу и делаю два шага в направлении выстрелов. И тут же останавливаюсь, не могу двинуться дальше, как будто меня держат.

Снег продолжает падать вокруг меня, но снежинки тоже как будто замедляются... а потом останавливаются. Хлопья снега висят в черноте ночного воздуха.

Все вокруг замерло, и я благодарно падаю на колени.

ТРИ ПОДАРКА

Мой отец.

Я знаю, это он. Только он умеет останавливать время.

И я стою на коленях, неподвижно и молча. Снежинки висят в воздухе многослойным прозрачным занавесом, а вокруг сереет покрытая снегом земля. Впереди даже не видно леса.

А потом возникает просвет.

Он.

Темный силуэт движется в темноте, снежинки качаются перед ним, словно подвешенные на ниточках.

Он подходит ближе, пальцем отодвигает одну снежинку, нежно сдувает другую. Он подходит все ближе, не летит, а шагает, по колено в снегу.

Не дойдя до меня нескольких шагов, он останавливается, пинком отбрасывает снег и садится скрестив ноги.

Я не вижу его лица, только силуэт. Кажется, он в костюме.

— Наконец-то.

Голос его спокоен, он очень похож на мой, только звучит более... задумчиво.

— Да, — говорю я, и мой голос звучит как-то непривычно, словно я маленький мальчик.

— Я ждал этой встречи. Я давно ее ждал, — говорит он.

— Я тоже ее ждал. — Потом добавляю: — Целых семнадцать лет.

— Уже? Семнадцать лет...

— Почему ты не приходил раньше?

— Ты на меня сердишься.

— Немного.

Он кивает.

— Почему ты не приходил раньше? — Мой голос звучит жалко, но я так измучен, что мне уже все равно.

— Натан, тебе всего семнадцать лет. Ты еще очень молод. Когда ты повзрослеешь, то поймешь, что время может идти по-разному. Иногда оно замедляется... потом вдруг начинает бежать. — Он делает круговое движение рукой, отчего снежинки вокруг него взвихряются и образуют что-то вроде небольшой галактики, которая медленно уплывает вверх, пока совсем не скрывается из виду.

И это так удивительно. Видеть отца, наблюдать его силу. Вот мой отец, он сидит так близко, совсем рядом со мной. И все-таки ему следовало прийти раньше.

— Мне плевать на то, как движется время. Я спрашиваю, почему ты не пришел раньше?

— Натан, ты мой сын. И я ожидаю от тебя некоторого уважения... — Он делает глубокий вдох и долгий выдох, от которого еще несколько сне-

жинок срываются со своих мест и падают перед ним на землю.

— А ты мой отец, и я ожидаю от тебя некоторой ответственности.

Он коротко усмехается.

— Ответственности? — Он слегка склоняет голову к правому плечу, потом выпрямляет ее снова. — Не могу сказать, чтобы я часто слышал это слово... А ты? Ты когда-нибудь слышал о том, что такое уважение?

После небольшой паузы я отвечаю:

— До сих пор не часто.

Он молчит, зачерпывает одной рукой снег, просыпает его меж пальцев.

И говорит:

— Меркури собиралась дать тебе три подарка, я полагаю.

— Да.

— Что она хотела взамен?

— Кое-какую информацию.

— Что-то дешево для Меркури.

— И еще кое-что.

— Дай угадаю... Это несложно: она хотела моего уничтожения. Меркури очень предсказуема.

— Но у меня нет намерения тебя убивать. Я так ей и сказал.

— И она согласилась?

— Кажется, она решила, что я потом передумаю.

— А! Ну, тогда она позабавилась бы, пытаясь заставить тебя переменить решение.

— Значит, ты мне веришь? Я не убью тебя.

— Я пока не знаю, чему верить.

А я не знаю, что сказать. Нельзя ведь просить кого-то о трех подарках. Так не делают. И я молчу, но, раз он пришел в мой семнадцатый день рождения, то, наверное, он пришел именно за этим? Или нет?

— Какая ей была нужна информация?

— Кое-что о Совете и моих татуировках. Я ничего ей не сказал.

— Не люблю я татуировки.

Я протягиваю руку и показываю ему ту, что у меня на тыльной стороне ладони, и ту, что на пальце. Они сине-черные, а моя кожа в темноте кажется молочно-белой.

— Они хотели использовать мой палец, чтобы сделать из него ведовскую бутылку. Чтобы заставить меня убить тебя.

— Значит, мое счастье, что твой палец еще на месте. Твое счастье, что ты не рассказал всего Меркури. Думаю, она уже отрезала бы твой палец.

— А еще ей был нужен Фэйрборн.

— Ах да... где он?

— Роза украла его у Клея, но... все пошло не так. Ее застрелили Охотники. А я потерял Фэйрборн.

Молчание.

Он опускает глаза, тянет себя за нос двумя пальцами.

— Вот тут мне уже куда труднее тебе поверить. Где именно это произошло?

— В лесу, по пути сюда. — Тут я ощущаю в боку такую боль, что весь вздрагиваю. — Меня отравили или что-то в этом роде.

— В чем дело? Ты ранен? — спрашивает он, наклоняясь ко мне. Голос у него встревоженный. Встревоженный! От радости мне хочется плакать.

— Меня подстрелила Охотница. Я залечиваюсь, но все начинается снова. Пуля еще там.

— Нам надо ее достать.

— Больно будет.

— Несомненно. — Теперь его голос насмешлив. — Покажи.

Я расстегиваю куртку, затем рубашку.

— Снимай их. Ложись на снег.

Когда я снимаю рубашку, он встает, обходит меня кругом и берет в руки нож, подаренный Габриэлем.

— Что это такое? — И он проводит по моей спине пальцем. Странное ощущение, когда его палец касается моей кожи. Руки у него холодные, как снег.

— Шрамы.

— Вижу. — Он снова усмехается, чуть слышно. — Кто их сделал?

— Киеран О'Брайен, Охотник. Это было давно.

— Для кого-то и тысяча лет небольшой срок. — Он проводит по моей спине своей шершавой ладонью, и его прикосновение оказывается на удивление нежным.

— Ладно... ложись. Не двигайся.

Он не торопится.

Я стискиваю зубы; ощущение такое, как будто мое мясо снимают с ребер, словно кусок курятины с косточки. Но мясо сидит на удивление крепко.

Я начинаю считать. После девяти цифры становятся ругательствами.

Потом боль прекращается.

— Пуля засела позади ребра. Трудно было достать. Теперь можешь заживляться.

Я так и делаю, чувствуя, что он смотрит, как быстро затягивается моя рана.

Начинается знакомый зуд, и я понимаю, что без пули в теле исцеление идет значительно лучше.

Я хочу встать, но отец хватается меня сзади за волосы и тянет мою голову вверх. Его колено стоит на моей спине, нож у моего горла. Сначала он проводит по нему плоской стороной лезвия, потом поворачивает нож режущим краем к коже. Я еще не зарезан.

— Твоя жизнь принадлежит мне, Натан.

Нож так близко, что я не осмеливаюсь даже сглотнуть. Моя спина изогнута назад так, что вот-вот переломится.

— Однако сегодня я в настроении дарить, а не отнимать, так что прими от меня свою жизнь как подарок.

Он отпускает мои волосы, и я падаю на землю. Но тут же встаю в снегу на локти и колени, думая: неужели он все-таки это сделает? Такой подарок считается? И который сейчас час?

Я оборачиваюсь: он сидит рядом со мной, скре-

стив ноги. Он и правда в костюме, но без галстука, верхняя пуговица рубашки расстегнута. Лицо еще в тени.

Я надеваю рубаху и сажусь, скрестив ноги, напротив.

Он протягивает мне пулю.

— Держи... еще один подарок. Может быть, он научит тебя быть осторожнее с Охотниками.

Пуля круглая, металлического зеленого цвета, с вырезанными на ней метками.

— Наука фейнов в сочетании с магией ведьм. Не самая изысканная штука, но убивает не хуже всякой другой.

Судя по его голосу, он опять о том же.

— Я тебя не убью. Мэри рассказывала мне о видении. Я тебя не убью.

— Увидим. — Он наклоняется ко мне и очень тихо говорит: — Время покажет.

— Меркури, правда, не сдастся.

— Она считает, что я поступил с ней несправедливо. И, наверное, она права. А еще она думает, что это я привел Охотников сюда, но ты ей скажешь, что нет. Я никогда бы не поступил так с ней. Охотники очень хороши, Натан. Им не нужна моя помощь. Скажи ей, что они нашли способ распознавать ее проходы в пространстве. Пусть будет осторожнее впредь.

— Я скажу ей, если увижу ее. Но...

Разве он не хочет, чтобы я ушел с ним?

Молчание. Неподвижность. Снежинки ждут.

— Что теперь? — спрашиваю я.

— Между нами?

Я киваю.

— Я не очень верю пророчествам, Натан, но я человек осторожный. Так что предлагаю тебе держаться в будущем подальше от Охотников и беречь свой палец, а то как бы тебе не потерять его так же, как ты потерял Фэйрборн.

— Но...

Я не могу просить его, чтобы он взял меня с собой. Он мой отец. Но я не могу. Он сам бы меня позвал, если бы я был ему нужен.

— Почему все же ты так и не пришел за мной?

— Мне казалось, с тобой все хорошо. У меня были отрывочные видения о тебе. Ты и сам прекрасно справлялся. Правда, потом, когда тебя забрали, я ничего больше не видел. Тебя хорошо спрятали. Но потом ты сбежал. И я рад этому, Натан, рад и за себя, и за тебя.

Он бросает взгляд на свое запястье, но я не вижу на нем часов.

— Мне пора идти.

Он снимает со своего пальца кольцо, берет мою руку и надевает мне его на указательный палец.

— Тебе, кольцо моего отца и отца моего отца.

Он берет нож, делает разрез на своей ладони и протягивает ее мне.

— Моя кровь — твоя кровь, Натан.

Его рука передо мной, настоящая, из плоти и крови. Я осторожно беру его ладонь в свои. У него шершавая холодная кожа, и я, прикасаясь к ней губами, пью его кровь. И, пока я втягиваю

в себя капли крови и глотаю, я слышу странные слова, которые он, наклонившись, шепчет мне на ухо. Кровь у него крепкая и сладкая на вкус, она теплом разливается по моему горлу, по груди и желудку, а слова проникают мне в мозг, растворяются во мне: я не понимаю их смысла, но они вызывают во мне память о том, что мне хорошо знакомо, я чувствую запах земли и ее пульс, он бьется в моем теле, и в теле моего отца, как он бился в теле его отца, и отца его отца, и я, наконец, понимаю, кто я есть.

Выпуская его руку, я поднимаю голову и вижу его глаза.

Мои глаза.

Маркус встает и говорит:

— Я очень серьезно отношусь к отцовским обязанностям, Натан.

Он поворачивается и уходит, и тогда снежинки начинают снова медленно-медленно падать. Ветер набирает силу, он толкает меня, взвихряет снег вокруг. Сквозь его вой я едва различаю слова Маркуса:

— Надеюсь, мы еще встретимся, Натан.

И снежинки начинают падать гуще, ветер превращается в пургу, а вокруг нас все становится белым.

Снежинки слепят меня, и он уходит.

Кольцо тяжелое. Оно толстое и теплое. Вокруг темно, и я не могу разглядеть нанесенные на него знаки. Я верчу его на пальце, чув-

ствую его тяжесть, целую его и шепчу «Спасибо». Я колдун.

Я встретился с отцом. Ненадолго, но все же встретился. Я думаю, он понял, что я не собираюсь его убивать. Если бы он мне не верил, то вряд ли дал бы три подарка. В голове у меня прояснилось. Чувство изумительное. Я чувствую, что улыбаюсь.

И тут небо над моей головой раскалывает молния, и гром потрясает воздух.

БЕГ

Я поворачиваюсь к двери коттеджа и вижу Меркури: она в сером шифоновом платье, волосы чуть более растрепаны, чем всегда, но она в ярости, и молнии так и выются вокруг нее.

— Сдается мне, ты все же повидал отца. — Ее голос утратил размеренность, и она прямо-таки визжит на меня.

— Да.

— Он дал тебе три подарка?

— Да.

— И привел сюда Охотников.

— Нет. Охотники сами вычислили тебя, без всякой помощи с его стороны. Маркус сказал, что они научились вычислять твои проходы в пространстве. Он просил передать тебе, чтобы ты была осторожнее.

Молния врезается в землю у самых моих ног.

— Тебе осторожность тоже не помешает. Где Роза и Габриэль?

— Где Габриэль, я не знаю. Розу убили Охотники.

Меркури визжит.

— Ты знала, что это опасно. Ты сама послала ее туда.

— Но ты все же выжил. Фэйрборн у тебя?

Ее глаза — две черные ямы.

— Нет.

— Но Роза забрала его у Клея?

— Да.

— Где же он? У Маркуса?

Я мешкаю, потом говорю:

— Да, он забрал его.

Она снова срывается на визг, небольшой смерч закручивается вокруг нее, но тут же останавливается.

— Похоже, все, что у меня осталось, это Анна-Лиза.

— Где она?

— В безопасности. Пока. Хочешь забрать ее?

— Конечно.

— Принеси мне голову твоего отца. Или его сердце. Мне безразлично.

Меркури начинает вертеться волчком в центре мини-торнадо: ее лицо то появляется, то исчезает в его неподвижной середине. Торнадо летит через долину по направлению к леднику.

Воздух успокаивается, пурга замирает. Наступает тишина.

Смогут ли Охотники найти коттедж в темноте? Конечно, они же Охотники.

Тут я чувствую зуд их мобильных телефонов. Они здесь.

Выстрел, другой.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УБЬЕТ

Но я уже бегу. И бегу еще лучше, чем раньше. Я стал сильнее, быстрее, я в отличной форме. Ночь темна, но я с легкостью нахожу в ней дорогу. И я точно знаю, куда надо нестись во всю прыть. Мне надо найти моего друга. Габриэля.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. УЛОВКА	7
Часть вторая. КАК Я ОКАЗАЛСЯ В КЛЕТКЕ	27
Часть третья. ВТОРОЕ ОРУДИЕ	175
Часть четвертая. СВОБОДА	259
Часть пятая. ГАБРИЭЛЬ	327
Часть шестая. СЕМНАДЦАТИЛЕТИЕ	363

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность

Литературно-художественное издание

САЛЛИ ГРИН. МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Салли Грин

ПОЛОВИННЫЙ КОД

ТОТ, КТО УБЬЕТ

Ответственный редактор *Е. Березина*

Редактор *Б. Крылов*

Выпускающий редактор *О. Кравец*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *А. Щербакова*

Корректор *О. Башлакова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский кш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251-58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 02.02.2016.

Формат 80х100 ¹/₃₂. Гарнитура «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,74.

Доп. тираж 4 000 экз. Заказ 912.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-78463-9

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1 Тел. 8 (495) 411-66-86, 8 (495) 956-39-21

Өндіруші «Э» АҚБ Баспасы 123308, Мәскеу, Ресей Зорге көшесі 1 үй

Тел. 8 (495) 411-66-86, 8 (495) 956-39-21

Тауар белгісі «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ Алматы» ЖШС Алматы қ. Домбровский көш., 3-а» литер Б офис 1

Тел. 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс 8 (727) 251-58-12 вн. 107

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,

Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**

International Sales. International wholesale customers should contact

Foreign Sales Department for their orders

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118, 411-68-99 доб. 2762/1234**

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса

142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,

Белокаменное ш., д. 1, а/я 5 Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный)

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е Тел. (812) 365-46-03/04

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского д. 29,

бизнес-парк «Грин Плаза» Тел. (831) 216-15-91 (92/93/94)

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А Тел. (863) 220-19-34

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е» Тел. (846) 269-66-70

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3 Тел. +7 (383) 289-91 42

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум» Тел. +38-044-2909944

Полный ассортимент продукции Издательства «Э»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной 8 (800) 444-8-444 Звонок по России бесплатный

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД» Невский пр-т д. 46

Тел. +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел. +7 (495) 745-89-14

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет Ресей
Сертификация қарастырылмаған

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

САЛЛИ ГРИН

живет на северо-западе Англии.

В 2010 году она начала писать и с тех пор не останавливается.

«Радостная новость для поклонников:
наследник короны Стефани Майер найден!»

The Times

Англия, наши дни. Рядом с ничего не подозревающими обычными людьми идет кровавая война. Война магов. Ее ведут от начала времен непримиримые враги – Черные колдуны и Белые ведьмы.

В мире, где нет места полутонам и оттенкам, 16-летний Натан Бирн – единственный в своем роде. Его отец – самый могущественный Черный колдун, а мать – Белая ведьма. Каждый год Совет Белых Ведьм подвергает Натана все более строгим ограничениям. Яростное негодование юного колдуна вынуждает его на побег, когда Совет запрещает ему видиться с возлюбленной – Белой ведьмой Анной-Лизой...

Но Натан готов противостоять Совету и рискнуть жизнью ради счастья быть с любимой!

Между тем в свой семнадцатый день рождения Натан должен обрести Дар. Иначе он умрет.

**В мире белых колдунов нет места
черному отродью.**

**Это игра на выживание. Черные против белых.
Плохие против... плохих. И, может быть,
самый плохой окажется самым хорошим.**

ISBN 978-5-699-78463-9

9 785699 784639 >